

ЭТА СТРАННАЯ ЖИЗНЬ

Роман,
повесть

Анна

Саммел

Предметы культа

Даниил Гранин

**Сочинения. Том 1. Эта
странная жизнь. Искатели**

«АСТ»

1954, 1974

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гранин Д. А.

Сочинения. Том 1. Эта странная жизнь. Искатели /
Д. А. Гранин — «АСТ», 1954, 1974 — (Предметы культа)

ISBN 978-5-17-982847-1

В двухтомнике Даниила Гранина представлены его произведения, объединенные темой науки, научных изысканий и нравственного поиска, смысла жизни. В первый том «Эта странная жизнь» вошли роман «Искатели» и повесть «Эта странная жизнь» о выдающемся биологе А. А. Любищеве.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982847-1

© Гранин Д. А., 1954, 1974
© АСТ, 1954, 1974

Содержание

Даниил Гранин – человек свободы	6
Искатели	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Глава пятая	36
Глава шестая	41
Глава седьмая	45
Глава восьмая	50
Глава девятая	53
Глава десятая	56
Глава одиннадцатая	63
Глава двенадцатая	66
Глава тринадцатая	69
Глава четырнадцатая	78
Глава пятнадцатая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Даниил Александрович Гранин

Эта странная жизнь

© Д. А. Гранин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Даниил Гранин (1919–2017) – известный прозаик, публицист, участник Великой Отечественной войны с первых ее дней до победы – от ополченца до командира роты тяжелых танков. Автор более тридцати романов и документальных сочинений, «Блокадной книги» (совместно с Алесем Адамовичем). Лауреат российских и международных литературных премий, в том числе премии «Большая книга», и многих правительственных наград.

В двухтомнике Даниила Гранина представлены его произведения объединенные темой науки, научных изысканий и нравственного поиска, смысла жизни. В первый том вошли роман «Искатели» и повесть «Эта странная жизнь» о выдающемся биологе А. А. Любищеве.

Наука была последним бастионом честности. Ученый бескорыстен. Он работает в силу своей любознательности. Я что-то нашел, открыл, узнал, внедрил. Тайна природы его волнует, и этому он посвящает свою жизнь.

Даниил Гранин

Даниил Гранин – человек свободы

В двухтомнике, который вы держите в руках, собрано несколько известных произведений Даниила Гранина – «Иду на грозу», «Искатели», «Зубр» (об ученом Н. В. Тимофееве – Ресовском), «Эта странная жизнь» (о биологе А. А. Любищеве).

Писатель Даниил Александрович Гранин для людей моего поколения – человек-легенда, олицетворяющий эпоху той страны – СССР (родился в 1919 году).

Пробовал перо еще в студенческие годы, но началась война, и выпускник Ленинградского политехнического института ушел на фронт. Всю блокадную зиму он находился в окопах под Пушкином. Закончил войну в Восточной Пруссии. Прошел войну от ополченца до лейтенанта, от Ленинграда до Кенигсберга. Как говорится, отвоевал «от звонка до звонка». Но удивительно, что о войне стал писать не сразу, а по истечении почти шестидесяти лет.

Начал печататься в 1949 году и почти сразу стал, по сути, классиком в отечественной литературе. Изначально в первых своих работах он обращался к жизни послевоенного поколения. Ярким событием стали его произведения «Искатели», «Иду на грозу». В них ему удалось показать творческую интеллигенцию из когорты инженеров. Не сегодняшних «наноискателей», а истинных инженеров, создавших великую промышленность нашей страны, ставшей второй мировой державой в этой области. И в кратчайшие сроки – после кровопролитной войны.

Хорошо бы об этом знала нынешняя молодежь. Отрадно, что в нашей семье с трепетом относятся к истории. Мой сын Владимир, с серебряной медалью окончивший среднюю школу, выпускное сочинение писал по произведению Даниила Гранина «Иду на грозу».

Много лет спустя, ко всеобщей нашей радости, мы познакомились с автором и бережем в библиотеке книгу с его автографом.

Явлением литературной жизни страны стало произведение «Зубр» об ученом Н. В. Тимофееве-Ресовском, чье имя долго было под запретом. Пришедшее на время перестройки, оно не носило антисоветский характер, как многие «вырвавшиеся из-под цензуры» труды. «Зубр» – философское произведение о науке, смысле жизни. Этот роман, выскажу свою точку зрения, достоин Нобелевской премии.

Потрясением для моего поколения стала «Блокадная книга», написанная Даниилом Граниным совместно с Алесем Адамовичем. В Ленинграде первый секретарь обкома Г. Романов запретил ее издавать. Вышла она в журнале «Новый мир» в 1977 году, с большими купюрами цензоров.

Долгие годы в нашей стране замалчивали подлинную картину этих событий. Упор был сделан на героизацию подвига ленинградцев.

После выхода «Блокадной книги» в «Лениздате» в 1984 году авторов, пожертвовавших малым, долго упрекали за сокращенный вариант, не понимая, что именно Д. Гранин сумел прервать завесу молчания и рассказать миру о страшной трагедии века, которая коснулась и нашей семьи.

Время оказалось милостиво к Даниилу Гранину. В 2014 году 95-летний писатель по приглашению Бундестага выступил в Берлине с беспощадной речью, после которой зал встал и замер.

Даниил Александрович до недавнего времени общался с Ангелой Меркель, во многом не соглашаясь с ней, полемизируя. Он остается великим гражданином своей страны, ни в чем ее не предав и не поступившись своей позицией.

Я, как военный человек, особенно чутко воспринимаю его «лейтенантскую прозу» – «Мой лейтенант» – и мемуарную – «Все было не совсем так».

В романе «Мой лейтенант» девяностолетний писатель посчитал, что пришло его время взглянуть на войну изнутри, из траншей и окопов. На фоне тягот, ужасов и неприглядности войны автор дает возможность выговориться простому лейтенанту. Одному из тех, кому мы обязаны свободой и Победой.

В семьях фронтовиков слышали, наверное, такие вот непричесанные рассказы. Мне довелось узнать о суровой правде войны от тестя – Героя Советского Союза, сапера В. М. Игнатьева. Такие же острота и боль звучали в его рассказах.

А совсем недавно Даниил Александрович написал книгу... о любви. «Она и все остальное» – это искренняя, честная проза, которая многих тронула за живое, как все, написанное Мастером. Внутренняя свобода – качество, любимое автором. Он его исповедовал и в жизни, и в творчестве: будь то роман или документалистика...

Последняя встреча с Даниилом Александровичем Граниным произошла во время Санкт-Петербургской книжной ярмарки, одним из инициаторов которой он был. Он сказал, что пишет новую книгу, книгу о чудесах. И когда я спросил, что это значит, Д. А. пояснил: «Разве не чудо, что я воевал и остался жив, написал столько книг, имею столько друзей...»

Сергей Степашин

Президент Российского книжного союза

Искатели

Глава первая

Дверь распахнулась резко, уверенно, и на пороге лаборатории появился высокий, широкоплечий молодой человек. Голова его немного не доставала до притолки. Солнце сквозь подмороженные окна било ему прямо в глаза, заставляя прижмуриться: от этого крупные, грубоватые черты его бледного лица обозначились еще резче. Сунув руки в карманы брюк, заправленных в белые бурки, он внимательно и как бы торжественно осматривал лабораторию.

Ветер ворвался за ним, взъерошив его светлые, закинутые назад волосы, помчался дальше, перебирая бумажки на столе у инженера Новикова, вырвав скользкую шумную кальку из рук Лени Морозова, вздувая белыми пузырями оконные занавеси.

Морозов недовольно обернулся и крикнул:

– Закройте дверь! Не лето.

Оба его помощника тоже обернулись. Монтер Петя Зайцев, которого за малый рост все звали Пекой, – с любопытством, старший лаборант Саша Заславский – с досадой. Толстое добродушное лицо его сморщилось, он с силой заскреб свои жесткие курчавые волосы, стараясь восстановить сбитый ход мыслей.

Второй час они испытывали присланный в срочный ремонт осциллограф, разыскивая причину повреждения. Вернее, это был не осциллограф, а сложная осциллографическая схема для специальных измерений. На молочном экране прибора вместо волнистой змейки упорно дрожало размытое зеленое пятно. Саша вздохнул. Разгадка каприза этой проклятой установки была бы вот-вот нащупана – и опять исчезла...

Напротив стенда, где испытывалась установка, за письменным столом работал инженер Новиков. Вошедший не спеша притворил дверь и направился было к нему, но в это время из соседней комнаты появился пожилой сутуловатый мужчина.

– Внимание! – тихо предупредил товарищей Пека Зайцев. – На нас надвигается Кривицкий.

Старшего инженера Кривицкого из-за его острого, злого языка остерегался даже техник Леня Морозов, которого вся молодежь лаборатории считала отчаянным парнем.

– Придется разбирать всю установку, – деловито сказал Морозов, складывая кальку.

– Опять на два дня мороки, – нахмурился Саша. – Неужели нельзя найти порчу не разбирая?

Им осточертел этот ремонт. Не успели кончить одно, хватайся за другое. Полная анархия производства. Следовало бы поставить этот вопрос перед Майей Константиновной.

– Вопрос не прибор, – оборвал их разглагольствования Морозов. – Вопрос простоит долго.

Между тем Кривицкий, задержавшийся возле стола Новикова, вопросительно смотрел на посетителя.

– Могу я видеть товарища Устинову? – спросил тот.

– Майя Константиновна на совещании в месткоме.

– Вы по какому вопросу? – спросил Новиков, откладывая перо. – Из райкома?

– Нет, я... по личному делу.

Он произнес это с заминкой, но спокойно и почему-то весело; в его поведении таилось что-то непохожее на поведение случайного посетителя.

– Разрешите ваш пропуск, – сказал Кривицкий.

– «Лобанов Андрей Николаевич», – прочел он, шевеля тонкими бледными губами, потом показал пропуск Новикову. Нет, эта фамилия им ничего не говорила.

– Вы подождите, – посоветовал Новиков. – Майя Константиновна, вероятно, скоро придет.

Лобанов присел возле столика с надписью «Начальник лаборатории». Столик был стиснут с одной стороны шкафом, с другой – стендом.

– Интересно, как там Майя Константиновна воюет, – сказал Новиков, следя за Лобановым. – На этот раз к нашим показателям не придерешься.

– Показатели – это всего лишь арифметика, – отозвался Кривицкий. На его сухом, вытянутом лице была прочно впаяна желчная усмешка, всегда несколько смущавшая Новикова.

– Вы закоренелый скептик.

– Правдивые слова не бывают приятны, приятные слова не бывают правдивыми, – сказал Кривицкий. – Вы собираетесь когда-нибудь испытывать предохранители?

– Не собираюсь, – с удовольствием ответил Новиков. – Мне поручено составить инструкцию. Это куда приятней, чем без конца испытывать одни и те же предохранители.

– Вас, очевидно, прельщает не сама инструкция, а последняя строка: «Составил инженер Новиков».

– А хотя бы и так, – засмеялся Новиков, сдувая пушинку с рукава своего тщательно отглаженного костюма. – Во всяком случае, это более творческая работа.

Стройный, щеголеватый, он располагал к себе какой-то откровенной беззаботностью. Кривицкий улыбнулся одними губами:

– Вы никогда не открыли бы своего призвания к составлению инструкций, если бы не ваше желание оправдать свое легкомыслие.

Новиков пожал плечами, ему не хотелось продолжать этот рискованный спор в присутствии постороннего. И Новиков, и Кривицкий снова посмотрели на Лобанова. Он сидел, закинув ногу на ногу, не проявляя никаких признаков нетерпения, с интересом прислушивался к перебранке Лени Морозова со своим помощником, к разговору Новикова с Кривицким и внимательно, с каким-то откровенным интересом изучал помещение лаборатории. Новиков тоже огляделся, пытаясь представить себе впечатление постороннего человека от лаборатории.

В этот предвечерний час центральная комната лаборатории должна была показаться особенно красивой. Жаркими красками вспыхивали в закатных лучах зимнего солнца кусочки прозрачно-желтого янтаря, синие копыя стрелок, монтажные панели, перевитые огненными жилками красной меди, серебристые столбики конденсаторов. На полках теснились высокие катушки проводов в пестрых шелковых нарядах изоляции. Над ними висели огромные выпрямительные лампы. Их зеркальная поверхность отражала синие квадраты окон с оранжевой лентой заката. Повсюду на приземистых столах лежали еще не ожившие, не связанные мыслью детали. Воздух был пропитан сложной застарелой смесью запахов канифоли, шеллачного спирта, озона, костяного масла. Неповторимый, свой запах для каждой лаборатории.

Новиков мечтательно прищурился, пробуя увидеть и себя среди этой живописной, деловито-внушительной обстановки: молодой, красивый, скромный научный работник, разбросанные по столу бумаги, мучительное творческое раздумье...

Кривицкий рылся в пыльной куче наваленных деталей. Он не видел в них ничего живописного. Просто старый хлам, в котором никогда не найти нужную вещь. И вся лаборатория тесная, неудобная: низкий закопченный потолок, громоздкие устарелые стенды, ветхие неудобные шкафы.

Заметив брезгливую усмешку Кривицкого, Новиков озабоченно взглянул на часы, прошел к столу начальника лаборатории и, присев на край стола, начал звонить по телефону. В лаборатории было шумно. Гудели генераторы, из соседней комнаты доносился визгливый скрежет электродрепели. Новиков повторял в трубку:

– Олечка, вы меня слышите? Ровно в девять. Да нет, в девять.

Прикрыв микрофон рукой, он крикнул чубатому пареньку:

– Пека, скажи, чтобы там выключили этот душетерзатель!

Кривицкий подошел к технику:

– Ну, Морозов, как дела?

Морозов задумчиво поправил золоченый зажим вечного пера в кармане кожаной куртки. Очевидно, пробился конденсатор. Придется менять.

Его подручный, лаборант Саша Заславский, сказал:

– Третий раз у них пробивается конденсатор... Может, надо чего-нибудь в схеме переделать?

– «Чего-нибудь», – передразнил его Морозов, – тоже мне мыслитель.

Они заспорили. Кривицкий молчал.

– Прошу прощения, – вдруг обратился к ним Лобанов. Он встал. – Разрешите мне полюбопытствовать?

Морозов нехотя покосился в его сторону:

– Чего тут любопытного?

Лобанов улыбнулся. Улыбка у него была широченная, на все лицо.

– Да просто ручки повертеть.

– Ну повертите, – разрешил Морозов, взглянув на старшего инженера. – Все равно разбирать.

Минуту-другую они наблюдали, как посетитель, прочитывая предварительно надписи на панели, поворачивал рукоятки установки. Зеленое пятно на экране то вытягивалось, то сжималось в маленький яркий зайчик.

– Кстати, это не телевизор, а осциллографическая установка, – ехидно бросил Пека.

– Почему «кстати»? – сухо спросил Лобанов. – Кстати бывает только то, что остроумно. Я думаю, тут мало сменить конденсаторы. Важно выяснить, почему они пробиваются.

Поймав ироническую усмешку Кривицкого, Морозов с преувеличенным уважением спросил:

– Вы, случаем, не конструктор этого осциллографа?

Ребята развеселились. Человек, судя по всему, впервые видит осциллограф и берется указывать тем, кто, можно сказать, зубы съел на этом деле!

– Модест Петрович, – обратился Морозов к старшему инженеру, – так я начинаю разбирать?

Кривицкий кивнул.

– Вряд ли можно назвать такой метод научным, – глядя на Кривицкого, резко сказал Лобанов. Морщины сердитым фонтанчиком поднялись от переносицы по бугристому крутому лбу.

– Видите ли, – медленно начал Кривицкий, поскребывая острый, плохо выбритый подбородок, – мы придерживаемся такого примитивного правила: когда начался пожар, то не время проверять план противопожарных мероприятий.

Морозов громко засмеялся. Лобанов вернулся на свое место, сел и, облокотясь на широко расставленные колени, сцепил руки.

Установку отключили и начали разбирать. Пека, пробегая то с паяльником, то с мотками проводов, не переставал следить за Лобановым.

– Задумался! – с притворным почтением сообщил он приятелям. – Минимум академик.

– Или максимум студент, – откликнулся Морозов.

Люди солидные и занятые, они оценили шутку сдержанными улыбками.

– Либо студент, либо корреспондент, – заключил Пека. – Эти всегда суются не в свое дело.

В комнату быстрым шагом вошла молодая женщина. Чувствовалось, что и гладко зачесанные на пробор волосы, и строгий черный костюм, и эту быструю четкую походку – всё молодому добросовестно и искренне вкладывала она в облик начальника, каким он ей представлялся. Но, несмотря на ее старания, этот заданный облик предательски разрушали девичьи припухлые губы и глаза – большие, серые, мягко освещающие ее неяркое, чистое лицо.

– Товарищи, – громко сказала она, – поздравляю вас. Наша лаборатория завоевала первое место и переходящее знамя.

Начав официально и торжественно, она не удержалась, улыбнулась и, улыбнувшись, засмеялась. И все кругом, глядя на нее, тоже засмеялись.

Новиков поспешно закончил телефонный разговор и, повесив трубку, весело потер руки:

– Ай да мы! Колоссально! Майя Константиновна, вы должны выделить энную сумму на банкет.

Пека помчался в мастерскую сообщить новость. Из смежной комнаты, где верещала дрель, подошли еще двое сотрудников.

– Майя Константиновна, тут к вам товарищ, – сказал Саша Заславский.

Его перебили:

– Как там было, расскажите.

– Ну что, Кривицкий, – торжествовал Новиков. – Вот вам!

– Слава, – философски вздохнул Кривицкий. – Слава – это не солнце, а всего лишь тень.

Майя Константиновна строго обернулась к нему, но встретилась глазами с Лобановым и сказала:

– Пожалуйста, простите. Я вас слушаю. – Она села за свой стол. – Там такие страсти разгорелись... Теплотехники заявили... Ах да, простите, – спохватилась она и снова, улыбаясь, повернулась к сотрудникам: – Сейчас я все расскажу, только вот отпущу товарища.

Все посмотрели на Лобанова нетерпеливо и раздосадованно.

– Нет, вы пожалуйста, я подожду, – сказал он.

– Ничего, ничего! Итак, что у вас?

– У меня к вам направление из отдела кадров, – почему-то смущенно сказал Лобанов.

Кривицкий посмотрел на него с особым вниманием.

Лобанов порылся в карманах и, насупясь, явно недовольный тем, что кругом стоят люди, протянул направление Майе Константиновне.

Эти несколько строчек Майя Константиновна читала долго. Постепенно улыбка уходила с ее лица, губы твердо сжимались. Ощущение какой-то тревоги охватило всех. Стало тихо, только из соседней комнаты доносился пронзительный вопль дрели.

– Знакомьтесь, товарищи, – медленно, ровным, без всякого выражения голосом сказала Майя Константиновна. – Новый начальник лаборатории – товарищ Лобанов... – она заглянула в бумажку, – Андрей Николаевич.

Кто-то удивленно и недоверчиво хмыкнул, кто-то протянул «н-н-да-а», кто-то торопливо закурил. Затем наступило долгое, неприятное молчание.

– Пека, – сказала Майя Константиновна, – пойдй скажи там, чтобы выключили дрель.

– Майя Константиновна, как же так? А вы... – сбивчиво начал Новиков и покраснел, поняв свою бестактность.

Майя Константиновна с трудом улыбнулась:

– Вы же знаете, я временно исполняла обязанности.

Да, они знали, что Устинова – молодой инженер и что на место начальника подыскивали солидного товарища, но эти разговоры шли так давно, что их перестали принимать всерьез. Устинова работала второй год, и никому в голову не приходило...

– Когда разрешите сдать вам дела? – тем же ровным голосом спросила она, вставая.

Лобанов растерянно оглядел неподвижные лица.

– Я полагал... за вами практически остается руководство. Я пока присмотрюсь...

– Нет уж, – Устинова переложила бумаги на столе, отодвинула направление. – Нет уж, разрешите сдать вам дела завтра.

По мере того как неприязненная решимость Устиновой возрастала, Лобанов словно избавлялся от смущения.

Он медленно поднялся; от краски, недавно заливавшей лицо, только на скулах остался легкий румянец.

– Ну что ж, завтра так завтра. – Секунду-другую они смотрели друг на друга в упор с гордостью несправедливо обиженных людей.

– До свидания, товарищи, – сказал Лобанов.

– До свидания, – ровно прозвучал одинокий голос Майи Константиновны.

Покинув лабораторию, Лобанов поднялся на второй этаж и пошел по одному из длинных коридоров, тянувшихся вдоль огромного здания Управления энергосистемы.

Отечественная война основательно разрушила энергохозяйство города. Никто, даже сами энергетики, не представлял себе, что за какие-нибудь три-четыре года удастся восстановить разбитые котлы, поднять мачты линий передач, исправить подъездные пути, поставить турбины. Подземная кабельная сеть была перебита в тысячах мест снарядами и авиабомбами. Подстанции стояли демонтированные – пустые кирпичные коробки.

Крупнейшие заводы маялись на голодном пайке электроэнергии. В часы пик диспетчер отключал часть предприятий. На каждого жителя полагался свой лимит, энергию получали, как хлеб, по карточкам. Министр лично распределял каждый километр кабеля.

Теперь все это отходило в прошлое. Наиболее мощные станции – Комсомольская, Октябрьская, Лесная, Приозерная – были восстановлены и приняли полную нагрузку. Энергию распределяли еще бережливо, но голод кончился.

Лобанов проходил мимо бесчисленного строя дверей, воссоздавая по надписям масштаб этого огромного учреждения. Из царства теплосети, снабжающей город теплом в бережно изолированных трубах, по которым текли в дома горячая вода и пар, он попал в царство высоковольтных линий. Чтобы многомиллионный город-труженик мог жить, двигаться, работать, – днем и ночью, не умолкая, гудело пламя в топках, шли эшелоны с торфом, углем, по трубам котлов мчался раскаленный пар. На далеких реках билась вода в лопасти турбин. За сотни километров несли ее силу линии передач. Эта незримая сила текла в город со всех сторон, входила в каждый дом, вспыхивала ярким светом лампочек, звучала музыкой в репродукторах. Она оживала голубым лучом в темных залах кинотеатров, вертела станки, двигала трамваи. К ней привыкли, ее не замечали, как не замечает здоровый человек биения своего сердца. Тысячи и тысячи людей участвовали в создании этой силы, распределяли ее, учитывали, следили за ее расходом и бесперебойным действием.

Здесь, в Управлении, находился мозг всех станций, сетей, строителей, ремонтных заводов – всего сложного, гигантского хозяйства системы.

Сюда приезжали директора предприятий договориться о подключении нового цеха, нового дома. Домашние хозяйки хлопотали о своих счетчиках. Управхозы приходили с жалобами на плохое напряжение.

Из полураскрытых дверей доносился ровный, неумолчный шум сотен голосов, стук пишущих машинок, трезвон телефонов. Впереди по коридору шли две девушки, до Андрея долетел обрывок их разговора:

– ...В антракте он меня спрашивает, не помогу ли я им с трансформаторным маслом.

– Вот жук, ради этого пригласил?

– Конечно. Я повернулась и ушла.

– Совсем?

– Как бы не так. Забралась на галерку и досмотрела.

– И куда им столько масла?

– Шутишь – тысяча трансформаторов.

Андрей вдруг представил себе, сколько цистерн масла поглощают аппараты станции. Но тотчас его внимание отвлек очкастый мужчина с толстым портфелем под мышкой. Он громко кричал своему собеседнику:

– В этом районе ни одного магазина! Мы оборудовали его холодильниками. У нас вентиляция!

– Товарищ абонент, в этом районе еще мощности нет, – уныло повторял его собеседник. – Подождите год.

– Смешно. Год! Смешно.

Разговор происходил у двери с надписью «Отдел приключений». Андрей понимал истинный смысл этих слов, но, посмотрев на унылого сотрудника этого отдела, улыбнулся. А жаль, что действительно не существует на свете такого отдела увлекательных, волнующих приключений!

И вдруг эта смешная надпись как-то по-новому осветила и его приход в лабораторию, и путешествие по зданию Управления. Да, и в его жизни началась пора неожиданных, удивительных событий. Начиналась, впрочем, не очень-то удачно, встретили его неприветливо... Того ли он ждал?.. А впрочем, ничего страшного не произошло. Посмотрим, как они будут выглядеть, когда дойдет до дела. Толком в осциллографе разобраться не умеют...

Он шел по высоким сводчатым коридорам, поднимался по лестницам, минуя какие-то залы и застекленные галереи, чувствуя себя уже не гуляющим наблюдателем, а разведчиком. Каждый шаг открывал новое, каждый встречный мог оказаться соратником или противником.

... Вот наконец и технический отдел. Ну что ж, зайдем представиться.

Глава вторая

Сумерки затянули углы опустевшей комнаты. Утих шум в коридорах, смолкли телефоны, а они все еще сидели и никак не могли наговориться, наглядеться друг на друга.

– Так вот какой ты стал, Витька!

– Какой?

– Растолстел, солидный.

– А ты все растешь, вымахал с высоковольтную мачту. И чего тебя вверх тянет, Андрюха?

Они не виделись после окончания института. В студенческие годы были друзьями, хотя часто ссорились, а под конец, на пятом курсе, и вовсе разошлись. Тогда им казалось, что навсегда. Андрей Лобанов собирался остаться в аспирантуре. Виктор Потапенко ушел на производство.

Никто не понимал, почему профессор Одинцов предложил остаться в аспирантуре Андрею Лобанову. Лучшим студентом в группе считался Виктор. На защите главный инженер одной из электростанций сказал:

– Дипломный проект Потапенко – не ученическая работа. Наша станция получила инженерное решение одного из насущных вопросов.

Весь факультет тогда гордился Виктором. Недаром преподаватели единодушно отмечали его способности. Учеба давалась ему легко, не в пример Андрею. У Андрея было несколько любимых предметов, но и в них его интересовало только противоречивое, неясное. Когда лектор говорил: «Тут, товарищи, существует несколько мнений, явление это мало исследовано», Андрей усаживался за книги или оставался по вечерам в лаборатории. Неизвестное вызывало в нем бурный протест и нестерпимое любопытство.

Большей частью его постигали неудачи. Неясное окончательно запутывалось, и, даже получив какие-нибудь результаты, он не мог объяснить их.

– А помнишь твое открытие с дугой? – спросил Виктор, и они захохотали.

Это случилось после того, как профессор Одинцов бросил неосторожную фразу: «Электрическая дуга – самый яркий источник света и самое темное до сих пор место в теории газового разряда».

Андрей считал своим долгом немедленно заняться дугой. Слепящее электрическое пламя гудело в его руках. Он растягивал его, дул на него, помещал в магнитное поле. Через несколько дней у него начали слезиться глаза, но он продолжал опыты. Однажды, устроив дугу между ртутью и углем, он обнаружил, что ртуть в ванночке забурилась и поднялась фиолетовым конусом навстречу углю. Он перевернул полюса – под острием угля на ртути возникла воронка. Что бы это значило? Он пошел в библиотеку, перелистал капитальный труд по электрической дуге. О подобном явлении не говорилось ни слова. Тогда он понял, что открыл нечто новое и важное. Почему важное, он еще не знал. Может быть, на этом принципе можно построить двигатель? Или насос? Ему некогда было сейчас раздумывать о таких мелочах. Он снова помчался в лабораторию, включил рубильник. Он видел то, чего никто никогда еще не видел. Ух, какое это было восхитительное чувство!

Необходимо было немедленно, сейчас же с кем-нибудь поделиться, иначе бы он взорвался от восторга. Он поехал в общежитие.

– Одевайтесь! – закричал он с порога. – Витька, Костя, открытие! Поехали в лабораторию.

И Виктор, и Костя привыкли к восторгам Андрея, поднять их с кровати было нелегко.

– Жалкие личности... Открытие, понимаете вы? – Андрей, захлебываясь, рассказал о своем опыте. – Конечно, это произошло случайно. Так ведь все великое находилось случайно.

– Какая скромность, – сказал Костя.

Назавтра они втроем пригласили в лабораторию Одинцова. Фиолетовое солнце забегало по тусклой поверхности ртути.

– Видите бугорок? – замирающим голосом осведомился Андрей.

– Вижу, ну и что из этого? – черство спросил Одинцов.

Не замечая его тона, Андрей объяснил:

– Я обнаружил это вчера случайно.

– Это явление было открыто Александром Ильичом Шпаковским в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, – сухо сказал Одинцов. Он оглядел поникшего Андрея и без всякой жалости добавил: – Случай идет навстречу тому, кто ищет его не вслепую.

– Удар в челюсть, – объявил Виктор после ухода Одинцова. – Тысяча восемьсот пятьдесят шестой год, чуть-чуть опоздал.

– Иди к черту! – неуверенно сказал Андрей.

– Он еще ругается. Осрамил нас только... Эх ты, Архимед!

– Ничего страшного. Подумаешь. Факт, что у тебя есть наблюдательность, – утешал Костя Исаев. – Держи нос выше. Глаза вот ты испортил, это хуже.

И он повел притихшего, упавшего духом Андрея в амбулаторию.

Такого рода «открытый» было немало. Неудачи огорчали Андрея, но быстро забывались. Ему нравился самый процесс исследования. Он сомневался, проверял, выдумывал всевозможные опыты.

Он прибавлял к электромагниту виток за витком, менял толщину проводов, менял все, что можно было менять, и своими руками выводил формулу. Она возникала в точности такая, как в книжке, – длинная, многоэтажная. Каждая ее цифра, каждая буква были запечатлены не только на бумаге, но и на руках – ожогами и ссадинами, оживали в бегущей по шкале стрелке, запоминались навсегда.

Приходила сессия, и Андрей многие предметы сдавал кое-как, еле увертываясь от грозящих двоек. Нет, Андрей не был примерным студентом. Виктор тоже не отличался усидчивостью, но он схватывал, как говорится, на лету, у него все получалось как-то легко, красиво и весело. Он не кичился своими способностями, все любили его и удивлялись, почему Одинцов предпочел Лобанова.

Темой дипломного проекта Одинцов дал Андрею расчет одного прибора, работа была в основном теоретическая. И получалось так, что Виктор возвращался со станции перемазанный, усталый и заставлял Андрея в кровати с книжкой.

– Бездельник ты, брат, – раздраженно говорил он.

С этого и началось их взаимное охлаждение.

Виктора обидел выбор Одинцова. Собственно, Виктор не собирался оставаться в аспирантуре, но его задело предпочтение, оказанное Лобанову.

Они ухаживали за подругами – студентками педагогического института: Виктор – за Лизой, Андрей – за Ритой. Однажды в присутствии девушек Виктор принялся высмеивать Андрея.

– Разумеется, носить за Одинцовым портфель да указку не тяжело – и пальчики не испачкаешь, – язвил он. – Инженер – это для тебя низкогато. А мы, брат, славы не ищем. Мы идем работать.

Они поссорились.

На выпускном вечере, когда собрались в общежитии всей группой, Виктор, задиристо поглядывая на Андрея, предложил:

– Ребята, выпьем за то, что мы наконец начинаем работать. За то, чтобы станции, куда мы попадем, стали самыми лучшими!

Андрею было стыдно перед товарищами: они шли работать, они горячо обсуждали и сравнивали свои путевки, гадали, как примут их на новом месте, один он оставался опять

учиться. И, презирая себя за этот ложный стыд, он поднялся и, зажав в кулаке стакан, вызывающе произнес что-то малопонятное и скучное о науке и о тех самоуверенных невеждах, которые считают, что учеба кончается, как только получен диплом.

Откровенно говоря, большинству порядком надоело учиться. Андрея даже жалели. Но его неуклюжий тост в честь науки подхватили так же дружно, как и первый.

Только Костя Исаев бросил тогда памятную фразу:

– Хватит вам, хлопцы, цапаться; земля круглая, и все равно встретимся – была бы дорога прямая.

Костя прав. Земля оказалась круглой. Судьба вновь свела Виктора и Андрея.

Виктор за эти годы быстро выдвинулся. В журналах и газетах все чаще появлялись его статьи. Он выступал на конференциях, пользовался известностью как крупный инженер. Год назад он был назначен начальником технического отдела Энергосистемы. Андрей же после войны вернулся в аспирантуру и лишь недавно защитил диссертацию.

Они не ожидали, что встреча их выйдет такой теплой и радостной. Помнилось только хорошее. Оба возмужали, изменились и с любопытством приглядывались друг к другу. Никто не вспоминал о старой размолвке. В конце концов, они все же любили друг друга. Несколько лучших лет своей молодости они – Виктор, Андрей и Костя – прожили в маленькой комнате общежития, пропахшей дешевыми папиросами, колбасой и гуталином. Летом в комнате стояла духота, зимой они по очереди спали на той кровати, которая была ближе к батарее.

Можно позабыть, чему тебя учили, позабыть своих учителей, но разве забудешь того, с кем учился, кому рассказывал о первой любви, с кем делился последним рублем и мечтами о будущем!

Вот и пришло то будущее, о котором они мечтали. И все равно кажется, что самое главное еще впереди.

– Да, старина, молоды мы были, глупы и симпатичны, как телята, – сказал Виктор. Он посмотрел на часы, спохватился: – Ого, опаздываю к ужину. Поехали ко мне, – предложил он. – Не пожалеешь!

Андрей согласился. После приема, оказанного в лаборатории, встреча с Виктором казалась подарком судьбы. Больше Андрей не чувствовал себя одиноким в этом новом для него мире. Рядом был старый хороший товарищ, друг, с которым ничего не страшно.

Андрей встал, потянулся, впервые внимательно оглядел комнату. Шеренги письменных столов стояли от стены к стене. Желтый столик Виктора отличался от других лишь количеством телефонов.

– Как же ты, начальник отдела, – и без кабинета?

– Во-первых, нет свободной комнаты, – улыбнулся Виктор, одеваясь, – во-вторых, люблю быть все время с людьми, всегда в курсе их дел – получается как-то оперативнее.

– Черт его знает, я бы так не сумел, – простодушно позавидовал Андрей, – привык к тишине, не могу думать в сутолоке. Впрочем, тебе тут думать некогда, – кивнул он на кипу бумаг, которую Виктор прятал в ящик.

Виктор усмехнулся, рывком задвинул ящик:

– Ничего, поработаешь у нас – привыкнешь и к бумагам, и к сутолоке.

Дверь им открыла Лиза. Андрей не поверил своим глазам. Лиза? Толстушка Лиза? Он узнал ее сразу, хотя не видал с той выпускной вечеринки, когда они поссорились с Виктором. Воистину сегодня – вечер встреч. Виктор всхлипывал от смеха.

Андрей оглянулся на него, потом опять уставился на Лизу, ничего не понимая.

– Какими судьбами занесло тебя сюда, Лиза?

– Совершенно случайно, – сквозь смех выговорил Виктор. – Я сам удивлен.

Лиза схватила Андрея за руку, потащила к вешалке.

– Не все юноши так робки, – шепнула она на ходу, намекая на нечто близкое и памятное им обоим.

Он вертел ее, разглядывая со всех сторон:

– Ты совсем не изменилась, Лизок.

– Это тебе кажется. Просто мы стареем все вместе и поэтому не замечаем...

– Как ты теперь?

– Как видишь, – супруга. Где вы встретились? Кем ты работаешь? Ты женат?

– Нет, боббель. – Он пылливо глянул на Лизу, собираясь что-то спросить, но в это время Виктор окликнул их из столовой.

Пока Лиза накрывала на стол, Виктор показывал Андрею квартиру. Дом был новый, еще пахло краской, и вещи не нашли своих бесспорно единственных мест. Широким жестом Виктор распахивал бесшумные застекленные двери. Вот его кабинет. Книжные полки вдоль стен. Телевизор последнего выпуска. Настольная лампа дневного света, чудесная штука, немножко верещит, но от этого даже уютно.

А стенные шкафы, ванная, душ, спальня!

Да, квартира была прекрасная.

В детской спала девочка лет трех, домработница укладывала мальчугана, удивительно похожего на Виктора – то же круглое лицо, плутоватые, смешливые черные глаза. Увидев Андрея, он насупился, молча протянул сложенную лодочкой руку.

– Меня звать Андрей.

– А меня Вова.

– Учишься?

– Во втором классе.

Обычно взрослые после этого спрашивали про отметки, но этот длинный дядя вдруг убежденно сказал:

– Во втором классе самое скверное – пение.

– Русский тоже.

– Это верно, – согласился Андрей, – с переносами у меня до сих пор чепуха получается.

– А у нас самое скверное «и» краткое. Я вчера его на Зину поставил.

Виктор потащил Андрея в кухню.

Он заставлял Андрея поворачивать краники, щупать гардины, включать холодильник. Андрею скоро все это надоело, ему стало казаться, что от него ждут не только похвал, но и зависти. Он упрекнул себя за подозрительность и участливо осведомился насчет акустики.

– С акустикой конфуз, – признался Виктор. – Сверху и снизу прослушивается на два этажа.

Он был так огорчен, как будто звукопроницаемость чем-то порочила его самого.

Единственное, чему Андрей позавидовал, – это библиотеке Виктора. Он вернулся в кабинет и прилип к полкам, перебирая корешки аккуратно расставленных книг. Здесь имелись все новинки по электротехнике. Несколько удивляла система расстановки – по росту. При таком порядке трудно найти нужную книгу.

– Это Лиза хозяйничала, – усмехнулся Виктор, заметив недоумение Андрея.

Андрей вытащил голубенькую, последнюю, книжку Одинцова. Там имелось одно любопытное место, где старик разрешал спор о выключателях, волновавший когда-то и Андрея, и Виктора. Интересно, согласен ли Виктор со стариком?

– Ах да, – поморщился Виктор. – Признаться, я внимательно не вчитывался. Перелистал и отложил до свободной минуты.

Андрей сперва было обиделся за Одинцова. Сколько надежд возлагал старик на эту книгу! Он был уверен, что она так нужна инженерам-практикам, а тут извольте... Но потом

Андрей сочувственно подумал: «Видно, и впрямь Виктору крепко достается: за год не выкроил времени прочитать книгу своего учителя».

Андрею вдруг стало совестно своей мимолетной неприязни к товарищу. А бог с ними, с книгами, разве в них дело!

Лиза, заглянув в кабинет, застала их катающимися по полу. Кряхтя и пофыркивая, они боролись, как когда-то в общежитии, одурев от споров и чертежей.

– Он щекочется, Лиза! – кричал Андрей. – Не по правилам!

Виктор взобрался на Андрея верхом и, запыхавшись, приговаривал:

– Ага! Правила! Они существуют для слабых.

Лиза потащила их к столу. Руки ее мелькали над скатертью, а глаза, смеясь, неотрывно любовались Андреем. Она заставила его рассказать, как он жил эти годы.

Андрей, как всякий фронтовик, с охотой вспоминал о том, как мерз в окопах на Ленинградском фронте, как брал замок Геринга, как прорывался с ходу на танке через горящий мост.

Он говорил бы еще, но заметил (или показалось?), что Виктору неинтересно. Может быть, действительно это звучало нехорошо – вот, мол, я был на фронте, а ты сидел в тылу, всякое там мужское самолюбие, да еще в присутствии Лизы.

А вот об учебе в аспирантуре рассказывать было нечего. Ну сдавал экзамены, потом писал диссертацию. Выбрал тему теоретическую. Потом защита. В общем, все нормально.

– А отзывы получил хорошие? – прищурился Виктор.

Андрей покраснел.

– Я свинья, Вить. Совсем забыл, там же был отзыв из твоего отдела. Такой хвалебный, дальше некуда.

Виктор потер руки.

– Значит, помогло? Признаться, я ждал, что ты заедешь. Я бы тебе zorganizовал еще парочку таких отзывов. Да ты, кикимора, завоображал.

– Конечно, чихали мы на вас, производственников!

Подняв рюмку и глядя на свет сквозь запотевшее стекло, Андрей вдруг задумался. Наступила тишина. Они чувствовали, что думают об одном. Было хорошо и немного грустно. На минуту вернулась юность, присела к ним за стол. Отсюда, из зрелости, она выглядела чертовски славной.

Андрей смотрел на Виктора и Лизу и вспоминал, как однажды летним вечером они шли по набережной. Лиза в ситцевом платьице, в носочках, со смешной челочкой на лбу. Виктор – худощавый, порывистый, и на лацкане его коротенького пиджачка пять значков: ВЛКСМ, ГТО, ГСО, «Ворошиловский стрелок» и Осоавиахим. Запомнится же такой пустяк! У Виктора был тогда баритон, и он пел шутивную студенческую:

Что за предрассудки —
Есть три раза в сутки
И иметь кровать, чтоб ночевать.

И Рита, Рита подхватывала своим удивительным голосом...

– Ну что ж, за встречу! – раздался басок Виктора. Андрей вздрогнул.

– Выпьем, – сказал он, и видение исчезло.

Виктор крякнул, прищлепнул губы салфеткой.

– Рита в городе, приехала с Урала месяца два назад. Слышал? – сказал он.

– Да?.. А ты от Кости что-нибудь получаешь?

– Он теперь в ЦК работает. Лиза, ты знаешь, Андрей ведь назначен к нам начальником лаборатории.

– Как это получилось, Андрей?

– Сам напросился.

Виктор недоверчиво покачал головой:

– Не крути – наверно, на периферию посылали.

С первой минуты их встречи Андрей ждал этого вопроса.

– Меня Одинцов оставлял на кафедре. Я отказался. Видишь ли, – Андрей почесал кончик носа, и Лиза засмеялась, узнав этот привычный жест, – у меня есть одна идея насчет приборчика, ну а его можно разработать только у вас.

Виктор снова наполнил рюмки.

– Бог с тобой, не хочешь рассказывать, не надо, – благо душно сказал он. – Как бы там ни было, я рад работать с тобой.

Андрей положил обратно на тарелку кружок колбасы.

– Не веришь?

– Ты мне скажи, зачем ты кончал аспирантуру?

– Зачем? Чтобы заниматься наукой.

– Где? У нас? – Черные глаза Виктора насмешливо обежали Андрея. – Какой новатор нашелся! Инженеры на производстве готовят диссертации и уходят в институты, уходят, чтобы заниматься наукой. И правильно делают. Для этого и существуют институты и академии. А тут, пожалуйста, явился Андрей Лобанов, который провел всю жизнь в стенах института, и думает, что он просто перешел в другую исследовательскую лабораторию. Ты, брат, наивен, не знаешь ты железных законов производства.

– А что мне производство! Я не собираюсь заниматься вашим производством.

– Ох, легкомысленный ты парень, – загорячился Виктор. – Хоть бы со мной посоветовался, прежде чем такой шаг делать.

– Подумаешь, страхи, – сказал Андрей. – Человек, который знает теорию, вашими премудростями овладеет в два счета.

– Однако! – Виктор иронически улыбнулся. – Позвольте, товарищ утопист, спустить вас на землю. Знаешь, чем тебе придется заниматься? Пробился где-то кабель – изволь выяснить, почему, отчего. Какой-нибудь пьяный монтажник не так соединил провода, а ты копайся, выясняй. Ремонтируй приборы. Содержи в порядке аппаратуру. Испытывай изоляторы, да поживее, а то начальник техотдела, то есть я, тебе холку намылит. Ругайся со снабженцами, заполняй сводки да отчеты. Вот тебе наша наука.

Лицо Андрея помрачнело.

– А я слышал, у вас лаборатория первое место заняла.

– Лаборатория замечательная, я ее сам налаживал. Пойми, это же оперативная служба, а не научная лаборатория. У нас ребята настоящие, без всяких претензий. Если где затерло, они всегда выручат. У нас свои законы. Сколько раз я обращался за помощью к профессорам. Приедут, напустят научного тумана, в простых вещах разобраться не могут. Навертят формул, а потом все равно сам решаешь, как тебе опыт да интуиция подсказывают.

– Ишь расхвастался, – сказала Лиза.

– Хвастаться нечем, – Виктор покачал головой. – Мы кто? Лошадки. А вот вы – всадники. Ты не обижайся, старик, но большей частью так бывает. Собирал я материалы по регулированию, дал кое-кому посмотреть, а они, голубчики ученые, тиснули в книжку, даже фамилии моей не упомянули. Пенкосниматели.

Чтобы не разругаться, выпили еще по рюмке. Андрей исподтишка наблюдал за Лизой. Ей, как видно, нравился их шумный спор. Она даже подзуживала их и внимательно слушала, положив подбородок на маленький кулачок.

– А я вовсе и не обижаюсь, – спокойно говорил Андрей. – Я пришел к вам делать свой прибор. И от всей вашей административной возни буду отпихиваться всеми силами. А то – ты прав, Виктор, – засосет ваша текучка, и пропал.

Вот оно что! Выходит, он, Виктор, занимается текучкой, а Андрей пришел заниматься серьезным делом? Нет, дорогой товарищ, то, над чем работает Виктор, и есть главное. Пусть оно не такое эффектное, пусть без блеска и без особой славы, но эта черновая, скромная работа тоже требует от человека глубоких и специальных знаний. Да, мы чернорабочие, но мы делаем свет, энергию, а не печатные труды.

Андрей резко отодвинул тарелку:

– Я к вам пришел не за славой.

Виктор почувствовал, как быстро истощается у него запас доброжелательности к Андрею. Смирив себя, сказал:

– Боюсь, ничего у тебя не выйдет. Мне, когда я пытался вроде тебя на науке выдвинуться, приходилось сидеть ночами.

– Теперь не сидишь? – усмехнулся Андрей.

Лиза с силой провела рюмкой по скатерти.

– На двух стульях сидеть не буду. У каждого своя планида. Да и, признаться, когда занимаешься *делом*, не до умствований.

– Не выйдет – уйду, – сказал Андрей. – Во всяком случае, попробую заниматься наукой днем.

– Где, у нас? – с сожалением еще раз спросил Виктор.

– Да, у нас, – подтвердил Андрей, нажимая на последнее слово.

И тут впервые Виктор по-настоящему осознал, что Андрей будет с завтрашнего дня работать вместе с ним. Сразу по-деловому прикинул все «за» и «против», всю новую расстановку сил, связанную с приходом Андрея. Мысленно представил себе житейски непрактичного Андрея, не имеющего производственного опыта, в сложных условиях лаборатории. Трудновато придется его старому другу, впрочем, отныне уж не только другу, но и сотруднику, да еще подчиненному. Скажем прямо – приобретение для лаборатории незавидное. Хотя... вывеска почетная – кандидат наук. Посолиднее, чем молодой, неопытный инженер Майя Устинова. Правда, она человек исполнительный. Старательная. Нет, не женщине руководить лабораторией. Все равно министерство не утвердило ее. Так уж лучше Андрей, чем кто-нибудь другой. Будет он заниматься своим прибором...

– Женить тебя надо, Андрей, – сказала Лиза, чтобы как-то заполнить неприятную паузу. – Ты законченный жених, со степенью.

Андрей с трудом улыбнулся; разговор с Виктором взволновал его, и, отвечая Лизе, он думал, не вернуться ли, пока еще не поздно, назад в институт.

– Ладно, не вешай нос, – громко сказал Виктор, – коли ты решил, за мной дело не станет. Об Устиновой не беспокойся. Войдешь в курс, и мы ее куда-нибудь передвинем. Что-что, а такие мелочи в нашей власти. Долгин, мой помощник, возьмет над тобой шефство. Лаборатория – механизм налаженный, мы тебе создадим все условия, сиди да изобретай.

Андрей хлопнул Виктора по плечу. Друг, настоящий друг.

– Я так и надеялся. Лаборатория у меня много времени не займет. Ребята! – Его зеленые глаза опять посветлели. – У меня руки чешутся скорее дорваться до прибора. Вы бы только знали...

– Что за прибор? – спросила Лиза, разливая чай.

– Определять повреждения на линиях передачи. Это, знаешь, мечта!

Снова стало шумно и весело. Когда Андрей радовался, он никого не оставлял в покое, толкался, подмигивал, размахивал своими огромными ручищами.

Все складывалось как нельзя лучше, все будет так, как он надеялся.

Тонкое лицо Виктора порозовело. Из-под длинных ресниц влажно блестели черные глаза.

«А ведь красив, чертяка, – умиленно думал Андрей, – как хорошо. И дружба, и опять эти споры, как хорошо!»

Слегка захмелев, Виктор рассказывал о своей работе. Он говорил проникновенно и доверительно:

– ...Славно быть руководителем, понимаешь, Андрей, всякую минуту чувствуешь свою полезность на земле. Многие боятся ответственности – вздор! Мне смешно смотреть на таких. Люди доверяют тебе. Без тебя дело не идет. Принимай решение... Ты один-разъединственный можешь его принять. У тебя все ключи и секреты... Приходится быть энциклопедистом. Решай мгновенно. Тут и строительные дела, всякие фундаменты, опоры, и новые топки надо устанавливать, и плохой торф привезли...

«Как это интересно, как интересно», – думал Андрей.

– А за всеми этими котлами – люди, характеры. Кому нужно денег побольше заработать – идеалами сыт не будешь. Кто завидует, кто подсиживает приятеля. Кое-кто берет взятки – да, да, совсем как у Чехова. И это еще встречается. Сплетничают. Знаешь – каждый доволен своим умом, и никто не доволен своим положением. Или вот тебе снабженец: достает он только то, что трудно достать, а не то, что нужно... Или вот толковый инженер, а зашибает водку, – как доверишь ему работу на высоком напряжении? Разбирайся во всей этой путанице. Учитывай каждое слово, взгляд, а то завтра посыплются на тебя заявления в райком, горком. Ответственный работник – следовательно, отвечай за все головой и партбилетом. Ох, дружище, это и психология, и техника, и еще тысяча наук. И змеей будь, и львом, и двутавровой балкой...

– А знаете, ребята, – улыбнулся Андрей, – страшно представить, как это я начну. Вот я сегодня пришел в первый раз, чувствую: все – против. Шутка сказать – пятьдесят человек в лаборатории. Начальником-то я никогда не был.

Лиза поскущела, и Андрей почувствовал себя в чем-то виноватым.

– Начальством быстро научишься быть, – сказала Лиза. – Наука нехитрая. Консультант у тебя опытный, – она кивнула в сторону Виктора.

– Ни один начальник в своей семье авторитетом не пользуется, – пошутил Виктор, закуривая.

Показалось Андрею или нет, что в голосе Виктора прозвучало скрытое раздражение?.. Поссорились они, что ли? Думать об этом не хотелось. А Виктор прав – жизнь сложна. Без всяких дамских завитушек. Много прекрасного, но есть и грязь. И Виктор, как видно, молодец...

Он преисполнился уважения к Виктору. Здорово вырос Виктор за эти годы. Чувствовался в нем умелый, любящий свое дело руководитель. Руководить – это наука...

У Андрея приятно кружилась голова; он говорил:

– Тебе, дружище, шагать до министра.

– И буду шагать, – соглашался Виктор. – Откуда же берутся министры? Ты только держись, Андрей, за меня. Никого не слушай.

Ноздри у Лизы раздулись, но она ничего не сказала.

Андрея все больше веселила покровительственная манера Виктора. Он и закуривал с особым шиком – пристукнет папиросой по изящному портсигару, небрежно отбросит обгорелую спичку, говорит негромко, неспешно. Уверен, что каждое его слово должны, не могут не слушать.

– А пусть его, – миролюбиво сказал Андрей. – Ты не сердись, Лизок, ему охота перед тобой покрасоваться. К тому же человек заслужил...

– Алкоголики вы, – засмеялась Лиза, – и хвастуны. Давайте лучше споем.

Они пели старые студенческие песни; слов толком никто не помнил; дурачась, выдумывали на ходу всякую чепуху. Хмельным, сочным баском Виктор заканчивал каждый куплет припевом:

Довольно, милый, попусту шататься,
Пора, пора за дело приниматься.

– Помнишь? – подмигивал Виктор, и они, хохоча, вспоминали историю с холодными пирожками, которые они подогревали на реостатах.

Улучив минуту, когда Виктор вышел из-за стола, Андрей, не глядя на Лизу, спросил:

– Послушай, правда... Рита приехала?

– Хочешь ее телефон? – Лиза написала на обрывке газеты номер и сунула Андрею в карман пиджака. Андрей вдруг притих, и разговор за столом с этой минуты уже не клеился.

Прощаясь, Лиза крепко стиснула ему руку:

– Ты теперь будешь часто заходить к нам, да?

Уже на лестнице, вспоминая ее голос, вспыхивающие глаза, он понял, что это была не обычная вежливость, а настоящая и почему-то тревожная просьба.

Укладываясь спать, Виктор сказал Лизе:

– Жалко мне его. Потерял столько лет, а пришел к тому, с чего я начинал. И даже рассказать о себе толком не может. Засушила его учеба.

Ему хотелось, чтобы Лиза почувствовала, поняла, какую он взваливает на себя обузу с этой опекой над Андреем, и тогда он сказал бы ей о законах дружбы, о том, что он все-таки любит Андрея... Но Лиза ничего не ответила. Она лежала к Виктору спиной, и по ее дыханию нельзя было понять, спит она или нет.

Глава третья

Аспирантура убедила Андрея, что дело не в том, защитит ли он диссертацию, а в том, удастся ли ему стать ученым. Он учился последовательности, терпению; учился любить неблагодарную черную работу; учился выкарабкиваться из самых глубин отчаяния, когда, казалось, все рухнуло и нельзя продолжать и не с чего начинать. Иной раз результаты всех трудов вдруг повисали на волоске, и Андрей до боли в голове ощущал свое бессилие найти выход, и тогда перед ним возникал пугающий вопрос: а нужно ли кому-нибудь то, что ты делаешь?

Он искал утешения у Одинцова. Безжалостно, с таким наивным видом тот предлагал:

– Повторите-ка этот опыт еще разик.

И там, где можно было найти путь легче, указывал самый тяжелый.

– Стеклодуву поручить? Стеклодув – он сумеет, а вот вы сами попробуйте. У вас должна быть не только голова, но и руки ученого.

И Андрей повторял опыт еще и еще «разик», выдувал стеклянные баллоны для своих ламп, тянул тончайшую кварцевую нить, слесарил, клеил.

– Очень часто требуется больше остроумия для того, чтобы справиться с каким-нибудь куском латуни, чем составить весь план исследования, – говорил Одинцов, шевеля своими узловатыми ревматическими пальцами.

Требовательность старика не знала границ. Стоило Андрею одолеть какой-нибудь расчет, как Одинцов ставил перед ним новую задачу.

– Расчет как расчет, ничего особенного, – равнодушно говорил он, – а вы обоснуйте-ка его теоретически.

Две недели Андрей разрабатывал теорию расчета. Получилась пухлая тетрадь в сорок страниц. Одинцов проверил, даже похвалил. Похвала Одинцова выражалась в следующих словах:

– Ну-с вот, теперь для вас вроде все прояснилось. Это главное. Только для вашей темы ничего этого не нужно.

– Как не нужно? – испугался Андрей.

– Напишите в примечании: вывод дает такую-то величину, – бесстрастно посоветовал Одинцов, и от всей тетради в диссертацию попало примечание в три строчки.

Грубоватая резкость уживалась в натуре Одинцова с привычкой к проповедям, как сам он, посмеиваясь, называл свои беседы. В таких случаях он начинал говорить несколько старомодным, витиеватым, но удивительно обаятельным для молодежи языком:

– Известно, что великие ученые достигали знаменательных результатов не только потому, что верно мыслили, но и потому, что много мыслили и многое из передуманного уничтожали без следа. Какими бы надеждами вы ни воспламенялись, остерегайтесь хитрить со своей совестью. В науке, кроме созидания, важно уметь разрушать.

Трещали сроки, а Одинцов от своей программы не отступал ни на шаг. Порою Андрею казалось, что старик придирается к нему. В конце концов, дело шло о защите кандидатской, а не докторской диссертации.

– Мне из вас не кандидата надо сделать, – упрямо отвечал Одинцов, – а паче – ученого.

Тяжелая это была школа. Андрей метался среди противоречивых теорий. Любая книга оказывалась западней, в которую он летел сломя голову. Потом он запутывался в экспериментальных данных. Не раз Андрей порывался бросить аспирантуру, уйти на производство. Товарищи по кафедре только посмеивались над его угрозами.

По ходу работы потребовалось провести серию сложных и дорогостоящих опытов. Лаборатория учебного института не имела для этого ни оборудования, ни средств. Тогда Одинцов решился на нелегкий для себя шаг: он поехал к главному инженеру Энергосистемы и пред-

ложил заключить договор на усовершенствование прибора по определению повреждений в линиях. Эта работа как раз была связана с темой диссертации Лобанова.

Надо было знать отношения Одинцова с руководством системы, чтобы оценить его поступок.

Когда-то он пытался внедрять автоматику на станциях. Человек «неполитичный» и резкий, столкнувшись с недоверием к своим предложениям, он скоро перессорился с администрацией Энергосистемы, поехал в министерство, протолкался в приемных около двух недель, написал семь писем и заявлений и убедился: чтобы разрешить вопрос, надо год-полтора целиком посвятить себя этому занятию.

– За это время я лучше разработаю еще один прибор, – говорил он. – Ну, допустим, у меня есть и терпение, и хватка (Одинцов считал себя хитрым и тонким политиком), но ведь нельзя же требовать от *каждого* ученого, чтобы он с таким трудом добивался внедрения своих разработок.

Он стал избегать общения с производственниками и особенно с администрацией Энергосистемы. Консультировать – пожалуйста, внедрять – увольте. И вот впервые это правило было нарушено ради Лобанова. О своем визите к главному инженеру Энергосистемы Одинцов рассказывал морщась:

– Битый час убеждал их: прежде чем усовершенствовать, надо общие принципы разработать, – как по-вашему? Они свое: принцип нам ни к чему, нам бы приборчик. Я спрашиваю: «Что ж, по-вашему, приборчик появится на голом месте, в пустыне мрачной и сухой возьмет и вырастет?» – «Так-то оно так, – отвечают, – но на орошение нам денег не дают». Ну, в общем, вымозлил, – устало заключил он.

Чтобы выполнить договор, требовалось много времени, зато отвлеченные рассуждения в диссертации Лобанова должны были обрести несокрушимый костяк опытных данных.

Кафедра готовилась к весенней сессии, студенты до позднего вечера сдавали зачеты – словом, не было ни минуты свободной, и все же ассистентка Зоя Крючкова и лаборанты умудрились помочь Андрею собирать установку.

Поставив несколько опытов, Андрей вдруг прекратил работу. Три дня он вообще не показывался в институте. На четвертый пришел к вечеру и попросил парторга кафедры Фалеева собрать партгруппу.

– Имейте в виду, у меня билеты взяты в кино, – сказала Зоя. – Какой вопрос?

– О воспитании чувств, – невесело улыбнулся Фалеев. – Устраивает?

Он уже знал суть дела. Андрей после первых опытов пришел к выводу, что и прибор, и метод, которые кафедра взялась по договору усовершенствовать, устарели. Последние достижения радиолокации позволяли создать принципиально новый способ определения мест повреждения в линиях. Идея эта принадлежала не ему, ее высказывал ряд московских ученых, он лишь убедился в ее справедливости, проверяя старый метод. Разумеется, сейчас ему нельзя было и думать браться за разработку нового способа. Но тогда спрашивается, имел ли он право возиться со старым, негодным, по его мнению, прибором только ради того, чтобы использовать установку и деньги для своей диссертации?

– Одной рукой накладывать румяна на эту рухлядь, а другой писать в диссертации, что ее пора выбросить на свалку? Так, что ли? – Голос Андрея звучал слишком громко, как будто он хотел перекричать кого-то. – Надо сказать энергетикам: совершенствовать ваш метод мы не будем. Он никуда не годится в сравнении с локационным.

Слушая Андрея, Фалеев почему-то думал о себе. Завтра ему исполняется сорок лет. Пятнадцать лет он преподает в институте. Доцент. Член Клуба ученых. Жизнь его текла размеренно и спокойно. Внимательно следил за литературой по своей специальности, ежегодно обновлял лекции, студенты любили его за ясный и точный язык, за умение красиво демонстрировать опыты. В свободное время занимался теорией регулирования, напечатал несколько

статей по этому вопросу. Он получал удовлетворение, когда ему удавалось изящно решить какое-нибудь запутанное уравнение. Но в последнее время его начинало тяготить это тихое и однообразное течение жизни.

И вот сейчас, слушая Андрея, он вдруг жадно позавидовал его горю, именно горю. Ему захотелось тоже мучиться, искать, терзаться до бессонницы, упершись лбом в какой-то нужный и трудный вопрос, и чтобы кругом все волновались и спрашивали: «Ну как, Фалеев, скоро ли?»

Темнело. Свет не зажигали. За окном в парке уныло накрапывал дождь. Фалеев спросил, какие будут предложения.

– Кафедра должна отказаться от договорной работы, – сказал Андрей.

В сумерках трудно было разглядеть его лицо, но голос звучал спокойно.

– А как же твоя диссертация?

– Вы эгоисты, – с сердцем сказала Зоя Крючкова. – Никто не думает об Одинцове. Он старался, хлопотал. Отблагодарили, нечего сказать.

– Зоя! – возмутился аспирант Дима Малютин.

– Ну что – «Зоя!»? Элементарной чуткости у вас нет.

Поглаживая лысину, Фалеев, по своей лекторской привычке, мерно ходил вдоль стола. Неправда, все они с самого начала думали об Одинцове, и ни к чему Крючковой горячиться. Учтите, Одинцову интересы науки дороже всего. Из самого запутанного дела легче всего выбраться дорогой правды. Лобанов поступил честно... («Об этом никто не спорит, – встала Зоя. – Но такой честностью можно убить старика!») Пострадает диссертация Лобанова, будут неприятности у Одинцова, неудобно получится перед энергетиками, и так далее. («А другого-то выхода нет?!» – сказал Дима Малютин.) То-то и оно, что нет. В науке легкий путь не бывает правильным путем, рано или поздно он мстит человеку...

Фалеев остановился, заметив, что говорит о себе.

Решили так: Андрей покажет Одинцову свои выкладки: если Одинцов согласится с научной частью вопроса, тогда Андрей попросит его отказаться от договора, в случае чего сославшись и на мнение партгруппы.

Назавтра Андрей встретился с Одинцовым.

У Одинцова была привычка, читая рукопись, ставить на полях вопросы, восклицательные знаки и всякие саркастические пометки, вроде «темно», «отважная бессмыслица». На сей раз он, отложив карандаш в сторону, забарабанил пальцем по столу.

«Плохо!» – подумал Андрей. Он смотрел на склоненную голову Одинцова. Сквозь редкие седые волосы просвечивала розовая кожа. Андрей вспомнил отца и почувствовал себя беззащитным перед стариком.

«Черт с ним, – мысленно решил он, – если заупрямится, отложу диссертацию и выполню энергетикам их заказ. Не могу я идти против этого человека».

Закрыв последнюю страницу, Одинцов пощипал брови и, не поднимая головы, заговорил, осторожно подбирая слова:

– Извольте правильно понять меня, Андрей Николаевич. Прежде всего я весьма рад появлению столь замечательной идеи. Она обретает у вас конкретность, осязаемость. Над нею, разумеется, предстоит весьма солидная работа, но об этом потом. Главное, сейчас нам с вами не оступиться. Наш нравственный долг отказаться от договора. – Одинцов поднял голову. – Не огорчайтесь, Андрей Николаевич. – Он нежно положил руку на стиснутый кулак Андрея. – Иначе нельзя, поймите меня. Честность в науке так же необходима, как знания. Конечно, при-скорбно, что в диссертации будет изъян, – скажут: мало фактов. Ну что ж, зато идея у вас чудесная. Наука-то останется в выигрыше – так?

Андрей кивнул, с трудом сдерживая радость.

– Вы не падайте духом. Я завтра съезжу к энергетикам. – Одинцов поморщился, но сразу спохватился и улыбнулся Андрею. – Объясню и откажусь. Пообещаю после вашей защиты уса-

дить вас за разработку этого нового прибора, – как вы его назовете? По-моему, «локатор». Итак, согласны?

– Я?.. Конечно! А мы-то... Но вы всегда были против того, чтобы иметь дело с ними... Я знаю, как вам неприятно...

Морщинистое, в склеротических жилках лицо Одинцова покраснело.

– Мало ли что я! Я имею право на всякие предрассудки, а вы нет. Коли вы отвергаете старый метод, извольте осуществить вашу новую идею. А так, извините меня, это выглядит прожектерством. Да-с!

Андрей вышел из кабинета, наткнувшись на студентов, пересек коридор, вошел в лабораторию. Глупая большая улыбка растягивала его рот.

– Ну как? – спросил Фалеев.

Андрей недоуменно посмотрел на него, потом покачал головой и сказал:

– Дурак!

– Кто?

– Я. Ты. Мы все дураки!

Через две недели, после того как диссертацию послали оппонентам, один из них, профессор Тонков, позвонил в институт и попросил Лобанова заехать к нему на квартиру.

В назначенный час Андрей сидел у Тонкова в гостиной, перелистывая старые номера «Огонька»: профессор был занят. Затрепаные журналы напоминали Андрею парикмахерскую. На стенах под стеклом висели отлично исполненные фотографии. На каждой осанистый, бритоголовый мужчина в толстых роговых очках, с черной бородой, подстриженной лопаткой, был заснят с кем-нибудь из известных ученых страны. Андрей никогда раньше не видел Тонкова и теперь с интересом рассматривал фотографии: Тонков играет в шахматы с академиком Веденевым, Тонков гуляет по парку под руку с президентом Академии наук, Тонков в президиуме беседует с академиком Зелинским, Тонков в группе академиков на каком-то строительстве. Отовсюду Тонков как бы спрашивал: «Заметили, с кем я?»

Домработница в белом фартучке пригласила Андрея к профессору. У себя в кабинете Тонков выглядел еще величественнее, чем на фотографиях. В мохнатой, верблюжьей шерсти куртке, с черной ермолкой на яично-гладкой голове, он имел внешность того самого профессора, которого каждый представляет себе, произнося это слово, и кабинет у него выглядел так, как должен выглядеть типичный профессорский кабинет.

В шкафах мерцали позолотой корешки книг. Стол был завален ворохом рукописей, корректур. Висели портреты Фарадея, Ломоносова, Максвелла. На отдельной этажерке были собраны книги, написанные хозяином дома.

Тонков ласково потряс руку Андрея, горячо извинился, что заставил ждать, и дал прочитать черновик своего отзыва.

Оппонент обрушивался на тот раздел, где Андрей выступал против существующих методов определения повреждений в линиях.

«Автор бездоказательно зачеркивает славные традиции отечественной науки... Вместо того чтобы развивать существующую теорию, он отрицает... Идея локатора не является новой и не подкреплена никаким экспериментом...»

– Вы понимаете, я, собственно, поступаю против правил, – улыбнулся Тонков, открыв красивые белые зубы. – Мое дело дать отзыв, и все. Написал я сей черновик и вижу – не защитить вам. Провалю вас. Эх, думаю, была не была, поговорю лично. Совесть ученого не позволила мне отнестись формально. В конце концов, я возражаю против одного и вовсе не решающего тезиса. Верно?

– Верно, – обрадовался Андрей, слабая надежда блеснула перед ним.

– ...Измените его – и все остальное приемлемо.

Тонков порылся на этажерке и вытащил оттиск одной из своих старых статей. Возможно, она пригодится для этого случая, тут как раз рассмотрены способы усовершенствования метода, созданного в свое время самим Тонковым. Да, этим методом определяли и определяют место повреждений в линиях, и народ привык к этому методу и не захочет отказаться от него...

Подавленный величественной любезностью Тонкова, Андрей почтительно слушал его рассказ о том, как эта работа была перепечатана за границей и как там ее результатами интересовались крупнейшие фирмы, у нас же только сейчас спохватились и начинают...

Надо было отдать должное Тонкову: он точно нащупал слабое место диссертации. Новой теории явно не хватало лабораторного материала. Вот когда Андрей еще раз крепко пожалел о несостоявшейся работе для Энергосистемы! Тонков располагал убедительными, многократно проверенными доказательствами. Против новорожденной беззащитной идеи он двинул тяжелую всесокрушающую машину математики, обрушился богатым опытом практики. Что мог противопоставить Андрей? Общие рассуждения, свое чутье, поддержку Одинцова?

– Одинцов, к сожалению, сейчас не модная фигура. – Тонков дал понять, что ему известна история договора с энергетиками, она подорвала авторитет Одинцова, закрепив за ним репутацию кабинетного отшельника. – Советую вам придерживаться противника, ищущего ваших ошибок, он полезнее друга, который пытается их скрыть.

Положение было безвыходным. Памятуя наказ Одинцова («не лезьте на рожон»), Андрей крепя сердце согласился кое-что изменить в своих выводах. Тонков сказал:

– Я понимаю, вас прельщает возможность связать вашу теорию с практикой. Но, дорогой мой, вы ставите под удар свою диссертацию. Я почувствовал сразу: вы человек талантливый, а ваш нигилизм – так это от молодости! Я надеюсь, нам с вами предстоит немало работать вместе, поэтому я и решился на такой шаг. Человек для меня дороже любых формальностей.

Тонков замолчал, ожидая, по-видимому, изъявлений благодарности, но Андрей не в силах был это сделать.

Тонков поинтересовался, получил ли Андрей назначение на работу. Узнав, что распределение задерживается, он спросил, каковы планы Андрея. В институте считали необходимым оставить Андрея на кафедре. Он начал даже готовить курс лекций, чтобы с будущего года немного разгрузить Одинцова.

– Преподавателем? – поглаживая бородку, Тонков оценивающе разглядывал Андрея. – А знаете, молодой человек, вы мне чем-то нравитесь. – Он хохотнул, сверкнув белыми зубами. – Сам не знаю чем. Только глаз у меня верный.

Он вышел из-за стола, и Андрея поразило в его фигуре несоответствие между короткими ногами и длинным, крупным туловищем. Сидя за столом, Тонков производил более солидное впечатление.

– Стоит ли вам киснуть в учебном заведении? Стариковское занятие! У меня есть вакантное место в институте Академии наук. Подумайте.

Какие там разрабатывали темы! Андрей невольно заслушался. Передача электричества постоянным током на тысячи километров. Создание единой высоковольтной сети страны. Государственное значение... Полная самостоятельность... Внимание, уделяемое Академией наук...

– Да, все это очень интересно, – вздохнул Андрей. – Очень. Но мне хочется решить другую задачу.

– Какую же?

– Доказать, что локатор осуществим. И создать его.

– Ого! И где же вы собираетесь это проделать?

Вот этого-то Андрей и не знал.

Размышляя о создании будущего прибора, он убеждался, что учебные лаборатории, которыми располагала кафедра, не годились для этой цели. Ему предстояло вести широкие исследования на линиях передач разных напряжений, на кабелях. Такую возможность могла предоставить только лаборатория Энергосистемы. Он решил добиваться назначения туда. Если бы его послали туда даже рядовым инженером, он согласился бы не раздумывая. Он видел перед собой цель и не желал считаться ни с чем.

Лишь однажды он заколебался, осознав, какой дорогой ценой приходится платить за свою мечту. Это случилось перед распределением, когда Андрей решил открыть свой план Одинцову.

В последнее время Одинцов часто болел. Выражение тревожной заботы появилось на его лице. Андрей не раз ощущал на себе испытующий взгляд старика. словно наверстывая упущенное время, Одинцов спешил подготовить себе преемника.

Одинцов считал преподавательский труд высоким искусством. Всякий раз перед вступительной лекцией он волновался, как новичок. Его возбуждал вид аудитории, заполненной молодыми головами, озорной шум голосов, блеск глаз, следящих за каждым его движением.

Постепенно Одинцов сумел внушить Андрею если не любовь, то интерес к преподаванию. Свободное время Андрей тратил на подготовку к лекциям. Одинцов черкал его конспекты с придирчивой, дотошной требовательностью и в то же время с нежностью старого человека, видящего в недоверчивом прищуре зеленых глаз Лобанова свою молодость.

Андрей провожал Одинцова домой. Они шли через институтский парк, кружа по узким песчаным аллеям. Одинцов тяжело опирался на палку, и Андрей все старался идти с ним в ногу, умеряя свой размашистый шаг. Стояла глубокая осень. Ветер срывал последние листья с дубов. Сухой рыжий лист, кружась, упал на плечо Одинцова.

Разговор был окончен, хотя, в сущности, разговора и не было. Одинцов не требовал никаких доводов, Андрей мог бы ответить на любое его возражение, как отвечал вчера и позавчера товарищам по кафедре. «Будешь бегать на поводке у техотдела, вот и все», – доказывал ему Дима Малютин. Зоя Крючкова – та просто обиделась: «По-твоему, мы все должны уйти на производство? Оригинально представляешь себе место науки! Я расцениваю твой уход как механистическое искажение идеи содружества». Они вчера крепко повздорили, и все-таки ему удалось доказать, что судьба прибора может решиться только там, на производстве. Он надеялся убедить в этом и Одинцова. Но Одинцов молчал.

Он шагал в глубоких старомодных ботах прямо по лужам, палка его неприятно поскрипывала в сыром песке. За его молчанием скрывалось что-то укоряюще тяжелое. Ведь он тоже был прав.

Достанет ли у него сил снова искать и готовить себе преемника? Он был обманут в своих лучших надеждах. У старости свои законы, ее потери трудно возместимы...

– Выходит, я ошибся в вас, Андрей Николаевич, – с трудом сказал Одинцов, – не вас я теряю, а... – Он не кончил, как-то вяло махнул рукой и отвернулся. Для Андрея этот знакомый жест был тяжелее пощечины.

Они дошли до подъезда. Андрей незаметно снял листок с плеча Одинцова.

Оглушительно хлопнула дверь, втянутая пружиной, и Андрей остался один. Он долго смотрел на мокрые ступени, на закрытую дверь. В зеркальных стеклах качались сосны и плыли грузные серые облака.

Когда он снова придет сюда, откроет эту дверь? Когда это будет? Зимой? Летом? Через год?

Глава четвертая

Электроработатория, куда пришел работать Лобанов, занимала три большие комнаты в первом этаже. Кроме того, в ее ведении находились мастерские, отделенные коридором. В мастерских дребезжали старые, изношенные станки, которые держались, как было сообщено Лобанову, исключительно энтузиазмом Кузьмича, пожилого неразговорчивого мастера. Слово «энтузиаст» никак не шло к внешности этого человека. Знакомясь с новым начальником лаборатории, он пожал Андрею руку и буркнул, как будто они виделись накануне:

– Пока фрезерному мотор не сменят, заказы на фрезеровку брать не буду.

Широкий коридор делился как бы на две части. Под лампочкой, где висели стенгазета и выцветшая Доска почета, находилась официальная половина. Здесь секретарь комсомольского бюро Игорь Ванюшкин вел переговоры с неплательщиками членских взносов, советовался с членами бюро о некоторых нерастущих товарищах, а культпроп Саша Заславский консультировался у парторга Борисова, будет ли в Китае нэп или не обязательно.

На вторую половину коридора выходили поболтать, покурить; тут, у красного пожарного ящика с песком, рассказывали особого рода анекдоты, выясняли взаимоотношения, обсуждали роман Лени Морозова с Соней Манжула.

Комнаты лаборатории были разгорожены высокими шкафами на маленькие клетушки. Одна принадлежала измерителям, другая – автоматчикам и т. п. Внутри клетушек ютились столы инженеров, стиснутые верстаками и стендами. Каждая группа имела свои тайнички для инструмента, свои радости и огорчения. Неотступно гудели моторы, сухо трещали фиолетовые вспышки разрядов, отделяя каждый угол плотной завесой шума, усиливая разобщенность людей.

После просторных, сосредоточенно тихих лабораторий института здесь казалось невыносимо шумно и тесно.

– Какие-то удельные княжества, вотчины, – возмутился Андрей.

Приняв дела от Майи Устиновой, он никак не мог выбрать себе подходящего уголка. Насупись, шагал из одной комнаты в другую, что-то вымеривая и прикидывая. В крайней комнате он заметил низенькую дверцу, запертую на всякий замок. За ней оказалась крохотная, похожая на чулан комнатка. Вдоль некрашенных стен тянулись стеллажи с материалами. Из квадратного, заделанного решеткой оконца пробивался тусклый свет.

Пригнув голову, Андрей вошел в этот чулан, закрыл за собою дверь, прислушался: здесь был островок тишины.

Андрей велел перенести кладовку в другое место, а помещение вымыть и убрать с окна решетку. Каморка стала его кабинетом. В ней было холодновато и темно, так что днем приходилось включать лампочку, но все неудобства искупала тишина.

Новый кабинет, с легкой руки инженера Кривицкого, был окрещен «кельей отца Ондreja».

Лобанов распорядился очистить и крайнюю комнату, куда выходила дверь его кабинета, лаборантам и техникам разместить свое оборудование в остальных двух, а инженерам с их письменными столами и чертежными досками перебраться сюда, в отдельное помещение.

Переселение было встречено в штыки, оно ломало устоявшийся годами порядок, оно не устраивало ни инженеров, ни лаборантов. Инженеры боялись оставить участки без «хозяйского глаза», лаборанты обижались, считая, что Лобанов хочет подчеркнуть разницу между людьми с высшим образованием и остальными работниками лаборатории. Кое-кто посмеивался – «новая метла» – и с любопытством ждал дальнейших событий.

– С вами-то хоть Лобанов посоветовался? – спросил у секретаря партбюро Борисова инженер Новиков.

Борисов с нарочитым равнодушием ответил:

– Зачем? Это вопрос чисто хозяйственный.

Между тем Андрей вовсе не желал уподобиться «новой метле». Лаборатория считалась передовой, и перестраивать всю ее работу он не собирался. Он будет заниматься своим прибором. Для этого ему необходимы тишина и несколько знающих инженеров, которые могли бы спокойно сидеть, думать и делать расчеты.

Переезд начался со скандала. Техник Леня Морозов заявил, что перетаскивать свой верстак он не намерен.

– Не моя это обязанность. Пусть приглашают такелажников. – Он вызывающе бросил эту фразу инженеру Кривицкому в тот момент, когда мимо проходил Лобанов.

В комнате мгновенно смолкли все разговоры. Пека Зайцев, сидящий на стремянке, перестал отбивать от стены щиток и приготовился наблюдать за ходом событий. В другое время Кривицкий нашел бы что ответить Морозову, сейчас он пожал плечами и с улыбкой повернулся к Лобанову.

Лобанов остановился. Майя поняла, что он растерялся. На него смотрели с выжидающим любопытством, и Майе Устиновой вдруг стало жаль его. Все, вся лаборатория были сейчас против него одного. Это было несправедливо. И в то же время ей было приятно, что Лобанову не подчиняются, что все настроены против него. А он своей неопытностью еще усугублял это. Ему следовало бы пройти мимо, не обратив внимания на слова Морозова, тогда она пристыдила бы Леню, и все. Теперь бог знает, чем это кончится. Морозов не из тех, на кого можно прикрикнуть, да и, кроме того, подзадоренный общим вниманием, он явно вызывал Лобанова на скандал.

Честно говоря, она, пожалуй, не стала бы вмешиваться – пусть Лобанов сам выкручивается. Но, странное дело, стоило ей признаться себе в этом, как она тут же возмутилась собой.

– Морозов, – твердо и холодно сказала она, – не валяй дурака.

Но в это время Лобанов подошел к верстаку.

– Неужели так тяжело? – просто спросил он. – А ну, попробуем.

Он нагнулся, расставил ноги, подхватил верстак снизу за поперечину, взвалил на плечо и, стуча бурками, понес в соседнюю комнату. Шея его надулась, покраснела. Пека скатился со стремянки и побежал за Лобановым.

– Чего же вы стоите! – крикнула Майя Морозову и его подручному. – Покажите, куда поставить.

Когда верстак водворили на новое место, Лобанов, потирая шею, сказал Морозову:

– Пожалуй, для вас действительно тяжело.

– Где ему! – презрительно подхватил Пека Зайцев. Он попробовал сдвинуть верстак с места. – Тут килограммов сто, тут тяжелоатлетика нужна.

То, что Лобанов отнесся к выходке Морозова с добродушной насмешливостью сильного человека, вызвало симпатию. Над Морозовым потешались: не тяжело ли ему перенести табуретку, – может быть, вызвать такелажников?

Инженеры, очутившись впервые вместе в просторной солнечной комнате, где стояла непривычная тишина, тикали большие стенные часы и белели свежей бумагой столы, почувствовали себя так, словно их выставили на витрину.

Раньше с утра их тормозили со всех сторон, требуя указаний; на глазах у них мерили, разбирали, монтировали. Все это отвлекало, заставляло поминутно вязываться. Теперь, дав задание и потолкавшись по привычке среди своих лаборантов, они возвращались в «инженерную». Да и техникам неудобно стало обращаться к ним со всякими пустяками, как прежде. Инженеры могли спокойно заниматься своими расчетами. Со смущением они обнаруживали, что располагают кое-каким свободным временем. Лобанов пока что не вмешивался в их

работу. Всех расселив, он уединился в своей «келье» и раз в день вызывал к себе кого-нибудь из инженеров.

Они входили к нему настороженно, готовые ко всяким неожиданностям, а покидали до разочарования успокоенные. Он интересовался только их теоретической подготовкой. Словом, судя по всему, реформы кончились, можно было спокойно работать дальше.

Большинство сошлось на суждении, высказанном Кривицким: «Теоретик... Фигура не столько для пользы, сколько для украшения».

Борисов отмалчивался, не зная, можно ли еще чего-нибудь ждать от нового начальника.

– В самом деле, Борисов, согласитесь, что Лобанов далек от производства и не желает вникать в него, – говорил инженер Усольцев.

Он был недоволен Лобановым. Начальник лаборатории в ответ на его просьбу дать новые установки по текущей работе, мельком взглянув на схему, сказал:

– Ну, тут вы сами разберетесь.

Усольцев действительно мог сам разобраться, он знал свое дело, и все же спокойно работать можно только тогда, когда знаешь мнение начальства, – мало ли какие обстоятельства возникнут...

– Какое там мнение, – усмехался Кривицкий. – Лобанов понимает, что ему лучше не соваться в практическую сторону. Известно: тот, кто вместо ответа на вопрос умеет пожать плечами, всегда считается умным. А для создания авторитета он беседует на отвлеченные темы – вот, мол, какие вы необразованные. Понятно?

Секретаря партбюро инженера Борисова покорило то, что Лобанов начал свою деятельность с устройства собственного кабинета и «инженерной». Прошла неделя, другая, и Борисов на самом себе начал ощущать последствия переезда. Он нехотя признавался себе, что отвык сидеть в тихой комнате и думать. Именно думать – не торопясь осмыслить свою работу, подумать над перспективой, над формулами.

Как-то для справки он взял новую книжку по радиолампам и незаметно зачитался. К нему подошел Леня Морозов с какой-то бумажкой. Борисов поймал его быстрый насмешливый взгляд и почувствовал себя словно застигнутым на месте преступления. Во время рабочего дня читает книгу!

Присматриваясь к инженерам, Борисов замечал, что и они испытывают такое же не осознанное еще то ли неудобство, то ли неуютность от избытка свободного времени.

Борисов понимал, что ему, как секретарю партбюро, надо как-то определить свою позицию. Строго говоря, он обязан был поддержать нового начальника, но если начистоту, без формальностей, то не лежала у него душа к Лобанову. То ли дело Майя Устинова. С ней было просто и легко. Она всех устраивала, все ее любили. Даже скептик Кривицкий и тот соглашался: «С Майей Константиновной работать можно. Она без претензий и удобна, как английский король».

Допустим, в действиях Лобанова есть какая-то система, какая-то цель – тогда почему бы прямо не собрать весь коллектив и не выложить все, что думаешь? Не желает собирать всех – пускай соберет коммунистов. Неужели он так и рассчитывает в одиночку действовать? Неопытность? Майя Устинова тоже начинала без опыта и со всеми советовалась. Борисов даже бранил ее: больше самостоятельности. А тут, пожалуйста, явился этакий ученый петушок, ни с кем знаться не хочет, держится особняком, восстановил людей против себя, разговорчики начались, а он при этом и в ус не дует.

Он ждал повода объясниться с Лобановым.

До сих пор Борисов никогда не задумывался, как ему подойти к человеку. Отношения со всеми складывались сами собою, плохие или хорошие, во всяком случае – без предварительных размышлений. На что уж несносный и трудный характер у Кривицкого – и с тем Борисову было просто: ругались, обижались друг на друга и никаких особых подходов не искали.

С Лобановым не то. Борисов испытывал перед ним какое-то тягостное стеснение. Лобанов с плохо скрытым презрением относился к тому, чем занимались в лаборатории, и люди чувствовали себя неучами и словно в чем-то виноватыми.

Сам же Андрей был далек от подобных размышлений. Он действовал по точно продуманной программе. Прежде чем приступить к локатору, необходимо подобрать знающих инженеров. Успех предстоящей работы зависел также от квалификации техников, от опытности лаборантов.

Он вызывал к себе одного за другим своих сотрудников и бесцеремонно проверял их теоретический багаж.

Багаж!.. К сожалению, это сравнение оказывалось довольно точным. Многие давно уже отложили в сторону свои теоретические знания, как ненужный в походе груз. И он покоился на самых задних полках их памяти, ветшая и портясь от бездействия. Большинство прекрасно обходилось скромным набором практических рецептов.

Неиспользуемые знания – утрачиваемые знания. В грустной справедливости этой истины Андрей убеждался, беседуя со своими инженерами. Они позабыли решения простых дифференциальных уравнений, путались в основных формулах. Редко кто знал новые типы измерительной аппаратуры.

От драгоценного, некогда грозного оружия остались запыленные, заржавленные обломки. И странное дело: никого из инженеров не смущала эта бесхозяйственность, эта горестная, возмутительная картина.

Новиков даже оскорбился: что это еще за экзамен!

Самое резкое столкновение произошло с Кривицким. Один из ведущих инженеров лаборатории, Кривицкий принадлежал к категории так называемых неуживчивых людей. Его не терпели и побаивались. С обидной пронизательностью он умел высмеивать слабости окружающих, без различия должности и заслуг. Несмотря на опыт и способности, он за пятнадцать лет так и не пошел дальше старшего инженера. Озлобленный несправедливостями, он превратился в скептика, любая правда представляла в его словах цинично-оскорбительной.

Кривицкому было около сорока, выглядел он пятидесятилетним. Лицо серое, всегда плохо выбритое, с запавшей верхней губой. Пиджак болтался на его сутулой, костлявой фигуре, как халат. Пахло от него табаком и какой-то сладкой помадой, которой он мазал свои жидкие волосы.

Выставив острый щетинистый подбородок, он язвительно сказал Лобанову:

– Оттого что я позабыл тензорное исчисление, Андрей Николаевич, ремонт самописцев не задерживался и не задержится ни на один день. Это исчисление нужно мне для ремонта, как компас машинисту паровоза.

– Не знаю, – уклончиво отвечал Андрей. Пока что он предпочитал спрашивать и слушать.

– Один мудрый человек сказал: люди заблуждаются не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими. Сие, конечно, относится к нашему брату производственнику. А вам... – Кривицкий, прищурясь, осмотрел свой длинный желтый ноготь на мизинце. – Да-с, так вот, как видите, я не сгораю от стыда за свою отсталость. И не побегу от вас в библиотеку. Мне и так хорошо.

Андрей молча сдерживал ярость.

– Позвольте на правах старшего по возрасту предупредить вас, – приторным голосом продолжал Кривицкий, – со стороны ваш розовенький энтузиазм кажется смешным.

Андрей заставил себя спокойно улыбнуться и ответил:

– Другой мудрый человек сказал, что привычка находить во всем только смешную сторону есть верный признак мелкой души, поскольку смешное лежит всегда на поверхности.

Откровенный цинизм Кривицкого возмутил Андрея. Они все насквозь пропитаны производственным делячеством, думал он. Всех негодных – а негодными после разговора с Кри-

вицким ему казались все – уволить из лаборатории! Набрать способную молодежь и с нею начинать.

Теперь, когда картина была ясна, он вызвал Борисова. Оба они намеревались поговорить спокойно и обстоятельно, но ничего из этого не вышло. Они стремились скрыть свою враждебность, и каждый из них, видя это стремление у другого, все сильнее раздражался.

По сравнению с Андреем Борисов выглядел низкорослым. Лицо у него было невыразительное, безбровое, нос, как говорят в народе, картошкой. Единственное, что привлекало в Борисове, – это глаза. Затененные длинными ресницами, ярко-синие, они смотрели из-под надбровий с какой-то готовностью к радостному удивлению, словно уверенные, что сейчас должно случиться что-то хорошее.

Теперь, когда этот жизнерадостный огонек погас, взгляд стал чугунно-неподвижным. И все лицо, как у всех сдержанных людей в минуты гнева, стало тоже неподвижным. Вклинивая свои спокойно продуманные фразы между словами Лобанова, он обвинял его в зазнайстве, в нежелании прислушаться к людям, в голом администрировании.

Андрей и не думал защищаться. Видно, Борисов беспокоится только о своем самолюбии: как это так – с ним не посоветовались! А лучше б он поинтересовался знаниями всех коммунистов. Позор! Еще называются научными сотрудниками лаборатории! Невежды! Равнодушные деляги! Никаких творческих интересов!..

– Это типичное верхоглядство. – Борисов смотрел в упор на Лобанова круглыми злыми глазами. – Разве можно судить о людях, устроив им экзамены? И вообще, чего вы добиваетесь? Зачем вы шли в лабораторию?..

– Ну, знаете, – Андрей даже задохнулся. – Я не обязан вам давать отчет. Вы! Вы обязаны помогать мне! А не заниматься болтовней.

Борисов торжествующе повеселел:

– У нас производство. У нас парторганизация пользуется правом контроля, к вашему сведению. Это вам не институт.

– Да, это не институт, – с горькой иронией подтвердил Андрей, – к институту таких инженеров, как у вас, и не подпустят.

Андрей заметил, как Борисов начал нервно, часто моргать. «Ага, проняло!» – с удовольствием подумал он, чувствуя себя от этого сильнее.

Он вытащил новенькую папку. На белой наклейке старательно написано крупным почерком: «А. Лобанов. Локатор повреждений. Начато 28 октября».

Это была дата его размолвки с Одинцовым.

Положив перед Борисовым схему, Андрей, мрачно сдвинув брови, начал раскрывать свой замысел. Незаметно он увлекся, морщины его разгладились. Впервые произносил он вслух сокровенные, еще не привычные языку мысли.

Борисов смотрел на большие пылающие уши Лобанова, и ему было приятно, что этот человек, перед которым он тайно робеет, тоже волнуется и переживает.

Под натиском сердито-страстного, восторженного потока его смелых замыслов Борисов, казалось, отступил. На какое-то мгновение в глубокой синеве его глаз вспыхнуло веселой догадкой: «Давай, давай! Вот, оказывается, на что тебя можно зацепить». Лобанов, увлеченный своим рассказом, ничего не заметил.

– Ведь это чертовски интересно! А как важно! – восклицал Лобанов, вопросительно улыбаясь и ища ответной улыбки. Было неожиданно, трогательно видеть, как Лобанов, волнуясь, ждет ответа. Это продолжалось какую-то секунду; тотчас, словно устыдясь своего волнения, он сердито сказал: – Такой вот я хотел сотворить локатор, товарищ Борисов. На ваши благословенные порядки я не покушался. Я искал себе соратников, да, видно, зря. С такими инженерами, как у вас, ничего не выйдет. Это вам не приборы ремонтировать.

Борисов поднял голову от листков и тоже пренебрежительно усмехнулся:

– Сматываете удочки?

Андрей поставил на пустую папку свой огромный кулак.

– Э-э, нет, товарищ Борисов, не на такого напали. Уйдут те, кто не захочет со мной работать.

– Кого вы имеете в виду?

– А всех, начиная с Кривицкого, – сказал Андрей. – Да хотя бы и вас.

– Ого!.. – Борисов вдруг успокоился. Что-то веселое, колючее блеснуло в его глазах. – Насчет меня не выйдет. Меня этот прибор, кажется, интересует. Вот автор... меня не совсем устраивает. Послушайте, Андрей Николаевич, а переносный локатор можно сделать? – спросил он.

– Еще не ясно, – буркнул Андрей.

Он помолчал, сбившись с мысли. «Вот типичный потребитель. Еще схемы толком не знаем, а он о размерах беспокоится». Но та минута, когда он почувствовал интерес Борисова к локатору, не прошла бесследно. Борисов был первый посторонний человек, которому он показал свою схему. Андрея тянуло поговорить о деталях, и, сохраняя вызывающую интонацию, он спросил не без скрытого волнения:

– Вы же не только партийный руководитель, вы еще инженер. Почему прибор вас, «кажется, интересует»? Вам что, принцип действия непонятен?

Борисов впервые смешался.

– Не совсем, – запинаясь, ответил он, – Тут много электроники, я в ней не силен, – Он осторожно положил листки на стол, – Зато я понимаю другое. Вы себе помощников ищете, а нам нужен руководитель всего коллектива. Вас только локатор интересует, а нас – вся лаборатория.

– Не вижу, чтобы она вас особенно интересовала.

– Андрей Николаевич, я лично окончил институт всего два года тому назад. До этого на станции монтером работал, а по вечерам учился. Дома смеялись: четвертый десяток пошел, студентом сделался. Семь с половиной лет я ухлопал на пять курсов. Когда в лабораторию попал, как на крыльях был. Вот, казалось, тут-то и начнется то самое, ради чего стоило жизнь ломать. Что же получилось? Да ничего. Завертело среди этой крошки из мелких делишек, и не успел оглянуться – прошел год, другой. Я входил сюда, как в святилище. Вам, конечно, не понять, а для меня... – Голос его дрогнул, и Андрей не решился поднять глаз. – Для меня это был храм науки. Оказалось, что храм – всего-навсего мастерская Метбытремонта: чиню, паяю.

– Ага! Вот-вот, – обрадовался Андрей.

– Не к чему было институт кончать, хватило бы и техникума. А нет – я до сих пор еще барахтаюсь. Читаю журналы, задачи решаю, лишь бы не забыть. Пересыпаю свое имущество нафталином. Да что толку! Этим не спасешься. Нас с вами учили: бытие определяет сознание. Вот вы и оглянитесь на бытие. Почему наши инженеры стали техниками, монтерами? Вы бы по-человечески побеседовали с нами, так узнали бы, что каждый из нас переживает. Даже такой, как Кривицкий. Весь его цинизм – маска, а под нею тоска по настоящей работе. Читаешь в газетах – повсюду борьба за новую технику, а у нас... как будто приплыли в тихую заводь. Пробовали мы несколько раз с Майей Константиновной добиваться новой тематики. Я убедился, что лестницу надо мести сверху, а не снизу. Начинать надо с главного инженера и техотдела.

– И с вас, – непримиримо ответил Андрей.

Борисов доказывал, что локатор важен прежде всего как средство, которым можно расшевелить коллектив лаборатории, заразить людей творческой лихорадкой, чтобы они поверили в свои силы. Пусть каждый почувствует: вот к нам пришла наука, без нас она не может, но и нам без нее неинтересно. Андрея все эти общие слова не трогали и даже обижали. Как, его локатор всего лишь средство? Перестраивать всю лабораторию? С какой стати! Конечно, кое-

что придется все же изменить. Поддержкой Борисова воспользоваться не мешает. Тем более что ему нравится локатор. Что ни говори, а один в поле не воин...

Они медленно сближались, полные еще не остывшей настороженности, и каждый пытался тащить другого в свою сторону. Во всяком случае, хотя бы для этого они должны были протянуть друг другу руки.

Глава пятая

Оказывается, он забыл ее отчество. Тогда она была еще Рита, просто Рита Гусева. Возможно, он никогда и не знал ее отчества. Поэтому, когда мужской голос в трубке сказал: «Я слушаю», – Андрей запнулся.

– Слушаю, – нетерпеливо повторили в трубке.

– Попросите, пожалуйста, Риту, – сказал Андрей.

Мужчина помолчал, потом сказал:

– Кто спрашивает?

Крепко сжав трубку, Андрей ответил, не скрывая усмешки:

– Старый товарищ.

Наступила тишина. Шорох. Шаги. Он весь обратился в слух, жило лишь одно его ухо, тесно прижатое к трубке. Тишина в трубке казалась черной, густой...

– Аллю.

– Рита? – спросил Андрей, не веря, что слышит ее голос, и наслаждаясь этой неповторимой минутой узнавания.

– Кто это говорит?

– Ри, ты не узнаешь меня? – Когда-то он звал ее этим коротким именем.

– Кто это? – снова, но уже испуганно и жалобно переспросила она.

Андрей с силой провел свободной рукой по лицу, растирая одеревенелые мускулы.

– Ри, – повторил он. – Ри... – Он закрыл глаза, представляя ее в эту минуту. – Ты узнаешь меня?

– Андрей? Ты? – тихо сказала она, будто шепнула на ухо. Он засмеялся, прислонился плечом к стене.

– Я хотел бы повидать тебя, Ри.

Она долго молчала, потом вдруг сказала оживленно и успокоенно:

– Разумеется. Приходи к нам.

Андрей не понял.

– А... можно повидать тебя одну?

– Да, конечно.

Она замолчала, как бы ожидая, подталкивая его.

– Когда же?

– Я буду очень рада посмотреть, какой ты стал.

По мере того как они говорили, голос ее становился напряженной. Искренняя радость сменилась ровной, громкой веселостью, в которой было что-то успокаивающее для третьего человека, наверно слушающего ее.

– Ри, я не вовремя позвонил?

Она спокойно продолжала отвечать невпопад:

– Кто тебе дал мой телефон?

– Лиза. Так как же, Ри?

– Ах, Лиза! Мы с ней недавно вспоминали, как встретили вас с Виктором в Петровском саду. Помнишь?

Андрей наконец понял ее игру.

– Помню, помню. Ты стала дипломатом. Значит, завтра в Петровском? В котором часу?

– Мне это безразлично.

– Тогда в семь вечера.

– Хорошо, так ты заходи, Андрей. До свидания.

Он пришел в сад в половине седьмого. Вечер стоял безветренный, морозный. В глубине сада за черными стволами деревьев горел огнями каток, звучала музыка. Андрей искал место их прежних встреч. Но тогда была весна, и все было так непохоже. Их познакомила Лиза на каком-то танцевальном вечере. Потом они стали встречаться, и Лиза с Виктором, у которых были уже установившиеся отношения, как старшие посмеивались над ними.

Вдруг Андрей вспомнил: тот разговор произошел в глухой аллейке, ведущей к пруду.

Отыскать эту аллейку оказалось нелегко, недавно выпавший снег прикрыв дорожку. Пушистый, он лежал на единственной скамейке возле пруда. Андрей смахнул снег рукой, но не сел, а продолжал шагать взад и вперед по аллее.

Восемь лет прошло с того дня. Вот этой березки тогда еще не было, этот клен был, наверно, подростком, эти деревья стали толще, выше.

– Здорово, молодцы! Не узнаете? – негромко спросил Андрей. Он смутно представлял себе, каким он выглядел в ту пору. Зато Риту он помнил хорошо: крутой изгиб ее ярких губ; низкий, грудной смех – смеясь, она запрокидывала голову назад и забавно вскрикивала: «Ох, умора!»

Провожая Андрея на фронт, Рита спохватилась – они не обменялись фотографиями.

– Подумаешь! – небрежно отмахнулся Андрей. – Я помню тебя всю. Если мы встретимся, к чему нам фотокарточки! Если разлюбим, тогда тоже ни к чему.

«Уж если разлюблю, то не я», – думал каждый из них.

Андрей продолжал шагать взад-вперед по заснеженной аллее. Узкая тропка тянулась за ним. Дойдя до спуска к пруду, он повернулся и увидел в начале аллеи темную фигурку.

Он остановился, сунув руки в карманы тужурки, с силой упираясь кулаками в дно карманов.

Она приближалась к нему знакомой, щемяще знакомой легкой походкой, как будто проходя все расстояние, разделявшее их эти годы. Сквозь синие сумерки все явственнее проступали краски ее одежды. На ней было светло-серое пальто с пушистым меховым воротником, закрывшим подбородок. Из-под широких полей голубоватой шляпки блестели глаза. Снег скрипел под ее маленькими черными ботинками.

Андрей хотел побежать к ней, протянуть руки, обнять, но остался стоять недвижимо.

И с каждым ее шагом мелкие осколки его воспоминаний все быстрее соединялись в одно целое.

Она мало изменилась. Черты ее приобрели законченность, стали почти жесткими в своей совершенной красоте.

Она все так же улыбалась, подняв верхнюю губу, открыв белые зубы. Андрей вглядывался, ища приметы прошедших лет, пугался, находя новое, непривычное, и радовался и страдал, узнавая старое. Вынув из широкой муфты руку, она нерешительно протянула ее ладонью кверху, рука была горячей, обжигающе горячей. Продолжая держать Андрея за руку, она присела на скамейку.

– Ну вот и встретились, – сказал Андрей, и Рита засмеялась.

– Я так и знала, ты скажешь эту фразу. Я очень постарела, Андрей?

Он сумрачно помотал головой.

– Ты стала моложе. Если так пойдет дальше, ты скоро начнешь болеть scarлатиной и коклюшем. – Он почувствовал, как натянуто звучит его шутка.

Она заговорила о Лизе, о Викторе. Он кивал, отвечал ей, благодарный за то, что она помогала ему одолеть смущение...

Странно, не правда ли, знать каждый ее жест и не знать самых простых вещей, как будто они только что познакомились, – где она живет, работает, кто ее муж... Чужая, такая чужая...

Она всегда отличалась удивительным душевным изяществом. Никогда ни у одной женщины он не встречал такого такта, с каким она умела выходить из самого неловкого положения. Вот и сейчас – выкрутилась как ни в чем не бывало.

Андрей наклонился, взял горсть снега, начал скатывать снежок, стужа руки.

– Ну, как ты живешь? – спросил он так, будто спрашивал: «Ну, с кем ты теперь живешь?»

Она сразу же стала покорно отвечать, не увиливая, не переводя разговор на другую тему. Ответив, молча ждала следующего вопроса. Эта робкая покорность, такая несвойственная прежней Рите, портила его торжество. Упреки, которые он мечтал высказать, не принесли бы ему сейчас никакого удовлетворения.

– Между прочим, у тебя не было неприятности оттого, что я позвонил? – безжалостно спросил он.

Она пожала плечами. Ну была, какая разница. Пусть это его не беспокоит.

Кто бы мог подумать, что им придется прятаться и скрывать свои отношения!

Он полагал, что годы стерли его обиду. Во время войны она написала ему, что сошлась с одним полковником и у нее родилась дочь. Потом, лежа в госпитале, Андрей узнал о том, что полковник погиб в бою. Охваченный жалостью, Андрей выслал ей аттестат, она дружелюбно-печально поблагодарила его. За месяц до его демобилизации Рита вернула аттестат с коротким письмом. Она сообщала о своем втором замужестве. Писала, что выходит за человека, который будет заботиться о ее дочери. Там были такие строчки: «... Я не вправе ждать тебя. Пойми, я всегда буду чувствовать себя виноватой. Как бы ты ни относился ко мне, между нами все время будет это. И потом, я устала жить одна. А он меня не может ни в чем упрекнуть».

Письмо пришло с Урала, оно было месячной давности и без обратного адреса. Андрей не оправдывал, не обвинял, он сделал все, чтобы забыть, прочно и навсегда.

Оказывается, не сумел забыть!

Рита не защищалась. Она робко держала его руку, и мелкие капли талых снежинок сверкали на спутанных нитях ее светлых волос.

– Вот как оно получилось, – говорила она. – А все могло быть иначе. Нам не хватило с тобой одного месяца. Я почему-то капризничала. Помнишь, ты взял билеты на «Красный мак», а я не пошла. Сколько таких вечеров у нас пропало из-за меня!

– А в мае ты поехала на неделю к тетке. Что тебе надо было у тетки?

– Я хотела проверить тебя... И себя. Мне всегда казалось, что ты – просто так. Что ты не любишь по-настоящему.

– Это я не любил тебя?! – воскликнул он, вставая и отбрасывая ее руки.

– Но ты всегда был такой... Ты даже ни разу не поцеловал меня как следует. Помнишь, когда мы поехали за город...

– Замолчи! Неужели ты не понимала? Я боялся оскорбить тебя.

– Теперь я все понимаю, Андрей. Понадобилось уйму пережить, чтобы понять... У тебя ничего не осталось, кроме горечи, а у меня... – Она грустно усмехнулась. – Ну что ж, ты, конечно, можешь наслаждаться своей правотой, у тебя сегодня праздник. А мне... Я виновата перед тобой. Чем я могу оправдаться?.. Единственное, что я могла, – это прийти и сказать. Видишь, я пришла...

Из всего того, что они говорили, эти слова потрясли Андрея сильнее всего. Рита пришла – пришла, готовая ко всему обидному, что ожидало ее. Пришла не защищаться, не оправдываться, а вознаградить его даже ценой своего унижения.

Она сидела замерзшая, боясь посмотреть на него. Тихонько, стараясь не привлечь его внимания, она постукивала одной ногой о другую.

– Ты на коньках еще катаешься? – робко спросила она.

Не отвечая, он шагнул перед скамейкой взад и вперед.

– Тогда ты тоже так ходил, сунув руки в карманы, – сказала Рита, – только тогда ты говорил, а я слушала.

– Замолчи.

– Андрей, – неожиданная боль зазвенела в ее голосе, – неужели ты не понимаешь... Я все помню, все... Это единственно хорошее, что у меня есть!

– Замолчи! – еще громче сказал он.

Она вздрогнула, подняла голову, напряженно ловя его взгляд.

– Ты... ты мог бы еще любить меня? – Она поднялась, подбежала к нему на негнущихся, замерзших ногах, вцепилась в плечи. – Ты любишь, любишь, любишь!.. – смеясь и плача, повторяла она.

Сжав ее голову обеими руками, он посмотрел ей в глаза. Ожидание счастья в них доходило до страдания. Лицо его вдруг дрогнуло, сморщилось, он быстро наклонился, поцеловал ее в холодную соленую щеку, потом еще и еще и, зажмурясь, крепко прижал ее голову к груди.

Он боялся, он стыдился признаться. Он обнимал прежнюю Риту. Она шагнула из той довоенной весны прямо в эту зиму. Как будто они не расставались. Как будто она ждала его все эти годы, вот здесь, на этой аллее... Они словно продолжали тот неоконченный разговор.

Начиная с этого вечера, они виделись все чаще. Рита встречала Андрея после работы, и они уезжали куда-нибудь на окраину. Особенно они любили старый парк в Сосновке. Бесчисленные лыжни петляли между редкими деревьями. Толстый снег пригибал зеленые лапы сосен. От заката снег на вершинах становился красным, и этот веселый румянец удивительно шел к смолистому морозному воздуху, к высокому темнеющему небу. В лиловых сумерках горели желтые окна маленьких деревянных домов. Дома здесь были старые, с обломанными резными наличниками.

– Спой, – просил Андрей. Память хранила все ее песни. Бывало, Виктор играет на гитаре, а она, закрыв глаза, поет самозабвенно.

Сейчас она пела для него одного. Голос ее окреп, приобрел глубину. Низкий, грудной, что называется хватаящий за душу, он дурманил Андрея.

Она пела полузабытые старые песни. Казалось, они были созданы для этого леса, для них двоих.

На Муромской дорожке
Стояли три сосны.
Мы с миленьким прощались
До будущей весны.
Он клялся, обещался
Одну меня любить...

Он стоял за ее спиной, обнимая ее. Руки его чувствовали сквозь пальто, как дрожит голос в ее груди. Он уже не понимал, пела она или шептала ему на ухо, или звуки сами возникали в воздухе вместе с летящим снегом.

Рита умолкала, и ему становилось грустно. Он вспоминал, что им надо расстаться. Еще час – и она уйдет.

Неслышно падал снег. Андрей бережно отряхивал снег с ее плеч, ее волос – в сумерках на ней все казалось белым, только зрачки, черные, блестящие, не мог запорошить снег.

Кроме как на улицах, встречаться им было негде. Заходить домой к Андрею Рита не хотела. Андрей жил с отцом и сестрой. Перед самой войной, когда Николая Павловича Лобанова перевели в город и Андрей переселился из общежития к родным, Рита часто бывала у них. С Катей, сестрой Андрея, она подружилась. И Николай Павлович хорошо знал Риту. Она

не могла представить себе сейчас, как это она скажет Николаю Павловичу про свое замужество. Зачем же она тогда ходит к Андрею? А перед Катей совсем неудобно. У Кати дочь, семья, и, как каждая замужняя женщина, она будет осуждать и Риту, и брата.

– Как поживает Катя? – спрашивала Рита.

Андрей пожимал плечами: живет нормально. Муж у нее вроде хороший, этакий добродушный тюфяк, дочку обожает.

– Отец болеет... Ты бы его не узнала, – грустно говорил Андрей. И ему было жаль, что Рита не увидит отца, не придет, не посидит с ним.

...Она прибегала к всевозможным уловкам, не давая почувствовать Андрею, как трудно ей отлучаться по вечерам из дому. Они избегали касаться ее настоящего, они не заговаривали о ее семье, о муже, о дочке. Андрей рассказывал Рите о себе все, она – ничего. Не потому, что она не хотела, – она знала, что ему это неприятно. Чем это все кончится, куда они идут – не все ли равно. Будь что будет...

Глава шестая

Один человек в лаборатории оставался внешне равнодушным ко всем переменам. Это была Майя Устинова. Сдав Лобанову дела, она твердо решила уволиться или перейти в другой отдел.

Чрезвычайно щепетильная и мнительная, она считала свое положение настолько двусмысленным, что увольнение казалось ей единственным выходом. Любое ее слово против новых порядков могло быть истолковано дурно. Одобри она что-нибудь, обязательно скажут: «А вы что смотрели, когда были начальником?»

Начальником она, положим, не была, а временно исполняла должность; в служебной характеристике напишут: с обязанностями справлялась. Ничего больше ей и не требуется.

Она пришла на работу раньше обычного. В лаборатории никого не было, только тетя Нюра заканчивала уборку. Майя прошла в кабинет Лобанова и положила на стол заявление об уходе. Она постояла перед пустым креслом, пытаясь представить выражение лица Лобанова, читающего ее заявление. Наверняка будет доволен. Возьмет перо и напишет: «Согласен». И обоим удастся избежать неприятного объяснения.

Она медленно переходила из комнаты в комнату, прощаясь с вещами. Потрогала холодный мрамор щита. На пальцах остались следы пыли. Опять тетя Нюра не вытерла – сколько ей ни растолковывали, она все боится прикасаться к щиту. Звонко капала вода в раковине. Майя завинтила кран и вспомнила, скольких хлопот ей стоило провести в лабораторию водопровод. Кто об этом сейчас помнит? На готовеньком легко распорядиться. Она тоже могла бы потратить минувший год на диссертацию, вместо того чтобы возиться с водопроводом, составлять сводки...

Она вынула из кармана халатика зеркальце и долго с жалостью рассматривала свое лицо. Как только Лобанов явился, Майю вызвали к нему.

– Это еще что за выходы? – спросил он тихо, но Майе показалось, что он кричит. – Бежать? – Он фыркнул. – Наверно, в душе умиляетесь своим благородством.

Он стоял у печки, по-видимому так и не успев присесть, и потирал озябшие красные руки.

– По-моему, если бы вас даже уволили, вам нужно бы скандал поднять. Именно вы должны работать сейчас. Кто за вас обязан чистить эти авгиевы конюшни?

Майя возмутилась – какие конюшни, как не стыдно, ведь лаборатория получила знамя! Конечно, новому начальнику выгодно представить все в черном свете!..

Андрей шагнул к ней, смерил ее глазами.

– Я подпишу ваше заявление, – сквозь зубы сказал он, – но прежде я вам докажу, как скверно вы работали.

Он выложил начистоту все, что думал о лаборатории и о ней как о бывшем руководителе.

По совету Борисова он просмотрел старые отчеты лаборатории. И Борисов, и Виктор были правы. «Оперативная служба»! Она сводилась к наладке и подгонке простейших схем, ремонту приборов, разработке инструкций. Теперь он понимал, как, избалованные отсутствием сложных работ, развращенные мелкими текущими поручениями, люди постепенно отучались самостоятельно творить. Благополучные цифры плана тушили интерес к новой технике. При такой тематике лаборатория свободно обходилась скудным оборудованием. Аппаратура соответствовала примерно школьному кабинету физики. Куда-то расходовались средства, запланированные на новые приборы. Где-то в других отделах работали люди, числившиеся в штате лаборатории.

Он разбивал вдребезги все, что казалось Майе самым ценным и нужным.

Она была моложе Андрея, ей было двадцать четыре года, и то, что ее почти прямо со студенческой скамьи поставили на эту должность, хотя бы и «врио», тоже показывало, как мало начальство заботилось о лаборатории. Эта мысль сейчас впервые пришла к Майе как горестное подтверждение лобановских доводов.

– О чем вы, собственно, думали? – словно тряс ее за плечи голос Лобанова. – Людей разбазарили... Бегали на посылках у начальства. Хотели быть для всех хорошей...

Губы у нее дрожали, она презирала себя за то, что не могла унять их.

– У нас был план научных... – с трудом начала она.

– Бросьте! – тотчас перебил он. – Министерство поручило вам заниматься автоматизацией. А вы? Рисовали ваши схемки и сдавали их в архив. А в отчетах зато ставился процент. Это автоматизация, по-вашему? Это обман!

– Я писала. Я вам покажу копии докладных. Потапенко и главный инженер знали.

– Заготовили себе соломку, чтобы мягче падать. – Андрей сел за стол, взял заявление, печально повертел в руках. – Я представляю, сколько сил вы ухлопали. Сейчас самая драка разгорается... – Он позабыл свою молодую начальническую суровость. – Не понимаю, неужели так спокойно можно зачеркнуть полтора года своей жизни?

Она хмурилась, кусала губы, но глаза неудержимо наполнялись слезами. Так странно было видеть слезы на ее строгом лице, так не вязались они со всем обликом не склонной к шутке, сдержанной Майи Устиновой, что Андрей растерялся.

На его счастье, зазвонил телефон. Он поднял трубку. Начиналось диспетчерское совещание.

Майя вышла, медленно притворив дверь. В «инженерной» к ней подошел Кривицкий.

– Бушует. А? – сочувственно спросил он. – Ничего, помню, вы тоже поначалу горячо брались.

Майя криво улыбнулась. Да, она помнила, слишком хорошо помнила.

– Кривицкий, вы верите вообще в людей? – спросила она, не прерывая хода своих мыслей.

– Ого! – усмехнулся Кривицкий. – В моем возрасте непривычно философствовать на такую тему. Я прежде всего стараюсь увидеть человеческие недостатки.

– Вы заметили их у Лобанова? – задумчиво спросила Майя.

Кривицкий церемонно взял ее под руку.

– Майя Константиновна, обсуждать качества начальника рискованно, хотя и приятно. Все же рискнем: Андрей Николаевич – романтик! – Кривицкий сделал страшное лицо и продолжал шепотом: – Нис-про-вер-га-тель! Не улыбайтесь, есть такая симпатично-безнадежная категория. Ну-с, и, обладая подобной точкой опоры, он будет переворачивать мир, невзирая на технику безопасности. Начнет с того, что перессорится с начальством. Затем возможны два варианта: либо смирится, либо плюнет и уйдет, оставив нас у разбитого корыта.

– Да... в одиночку ему не справиться, – сказала Майя, думая о своем.

Он выпустил ее руку, придвинул кресло.

– По законам старой драматургии, вам следовало бы вставлять ему палки в колеса. По крайней мере злорадствовать. На худой конец, швырнуть ему просьбу об отставке.

– Как? – очнувшись, переспросила Майя.

– Уйти в отставку. Но вы не обладаете для этого необходимым количеством пережитков. Так вот, знайте, – меняя тон, серьезно сказал он, – если, вопреки моим предсказаниям, ваш Лобанов добьется хоть чего-нибудь реального, если хоть где-нибудь треснут наши задубелые порядки, тогда я его союзник. – И такая необычно свирепая решимость проступила на лице Кривицкого, что Майе стало почему-то стыдно. Но и он смущенно откашлялся и сказал со всегдашней иронией: – К сожалению, скептики и циники вроде меня легче других становятся пророками.

Безрассудная запальчивость была вообще свойственна Андрею. В этом отношении Кривицкий был прав. Однако он не учитывал другого – научной добросовестности, с которой Андрей привык подходить к каждому вопросу.

Никогда раньше Андрей не сталкивался с экономикой. Теперь на каждом шагу он упирался в какие-то неведомые статьи расходов. Ему приходилось иметь дело с фондами на зарплату, с лимитами по труду, с нормами – все это наваливалось, связывало по рукам и ногам, и, не умея разобраться во всех этих тонкостях, он был беспомощен.

Прямота, свойственная Андрею, подсказала ему самый короткий путь. Он пришел в бухгалтерию и, разведя руками, сказал:

– Помогите мне. Научите. Я абсолютный невежда в вашей науке, но без нее мне не обойтись.

Главный бухгалтер, проработавший в Управлении свыше двадцати лет, слышавший человеком бессердечным, встретил его сухо и подозрительно. Два дня он наблюдал, как Лобанов, отложив в сторону лабораторные дела, с утра садился в бухгалтерии, постигая тайны статей расходов и ассигнований.

Ожесточенное в непрерывных боях сердце главного бухгалтера постепенно смягчалось. Ему нравилось, что новый начальник лаборатории уважительно называл бухгалтерию наукой и, не кичась своей ученой степенью, почтительно слушал счетовода, двадцатилетнюю Машеньку.

Но бухгалтерия не только наука, она – искусство. И главный бухгалтер, взяв в свои руки дальнейшее образование Лобанова, открыл перед Андреем сущность финансовой жизни предприятия. Он показал, как вдумчиво, по всем направлениям идет борьба за экономию каждой копейки. Раньше Андрей считал главным занятием бухгалтеров вовремя выдавать зарплату и бороться с растратами. На самом же деле речь шла о более серьезных вещах – об огромных ценностях, залежавшихся на складах «запасливых» хозяйственников, о начатых и законсервированных стройках...

– Финансовая политика нашего предприятия... – любил говорить главный бухгалтер. Больше всего Андрея изумляло, что этот пожилой человек, словно вросший в огромный письменный стол, где в каждой мелочи сказывался годами установленный порядок, этот человек с черными сатиновыми нарукавниками, с каллиграфическим почерком – словом, со всеми приметами канцеляриста, – оказывается, превосходно знал производство. Он свободно разбирался в особенностях каждой станции; оборудование лаборатории он знал лучше, чем Андрей.

В шумных комнатах бухгалтерии, на столах, заваленных бумагами, где стояли длинные ящики картотек, шелкали костяшки счетов, трещали арифмометры, люди вели самую настоящую исследовательскую работу. Они изобретали средства, повышающие рентабельность. По неуловимым признакам выявлялись слабые места отдельных электростанций, и сразу же заботливая и грозная рука главного бухгалтера останавливала, предостерегала, показывала.

И Андрей начинал понимать, что упрекать главного бухгалтера в бесчеловечности могут лишь близорукие эгоисты, для которых интересы цеха выше интересов государства.

После ухода Андрея главный бухгалтер задумчиво сказал:

– В человеке важен не чин, а начин.

Таким же образом Андрей познакомился с отделами труда и зарплаты, с плановым отделом. Тайнственные кабинеты Управления, где чем-то занимались десятки людей – плановики, экономисты, – оказывались такими же необходимыми для Энергосистемы, как машинные залы и котельные, в которых работали машинисты турбин и кочегары.

Андрей по-иному стал смотреть на мир, окружавший его. Работа лаборатории составляла частицу работы всей системы, и все это надо было заранее обеспечить материалами, найти средства, разумно их истратить.

В кабинете Андрея висел написанный им от руки плакатик «Курите дома!», под ним он прибил новый – «Техника = физика + экономика». Но физики не было.

Каждый вечер он прятал свою лиловую папку в стол, так и не успев притронуться к ней. Жизнь воздвигала все новые препятствия между ним и локатором. Все требовало времени. Он дрожал над ним, как скупец, и все же ему пока не удавалось выкроить и часа в день для работы над локатором. Единственное, в чем он не мог отказать себе, – это в свиданиях с Ритой. После них он чувствовал в себе неукротимое желание работать (работой он называл локатор, все остальное было подготовкой), и это желание копилось в нем, бесплодно перегорая. «А может, вернуться в институт, – думал он, – пока из-за моего упрямства меня не засосало с головой?»

Усталый, он валился на кровать, стараясь поскорее заснуть, чтобы избавиться от своих малодушных мыслей.

Глава седьмая

Солнце забиралось в спальню с утра. Сперва оно захватывало тот край подоконника, где стоял столетник. Потом лучи вспыхивали радугой среди туалетных флаконов, ползли по стене, двигались к картине. В это время Виктор вставал и шел в ванную. Следом за ним бежал Вовка. Лизе было слышно, как они плещутся и шлепают друг друга по спине.

Затем они завтракали, позвякивая ложками. Внизу нетерпеливо сигнализировал шофер. Виктор на цыпочках входил в спальню и целовал Лизу. Она слабо улыбалась, не открывая глаз. Из детской доносился приглушенный шум – это Клава торопила Наденьку одеваться и уводила в детскую группу. Лиза оставалась одна...

Солнце подступало все ближе к кровати. Косая тень изголовья тянулась через ковер. Мысли скользили мелкие, легкие, но глубоко внутри они всякий раз, как маятник в часах, двигали большое колесо какого-то трудного раздумья.

Лиза ждала, когда солнечный квадрат окна вползет к ней на подушку. Она могла лежать хоть до вечера. Никто не торопил ее, нигде ее не ждали.

После того как Андрей начал бывать у них, налаженный ход ее жизни как-то непонятно нарушился. Временами она, словно посторонний зритель, наблюдала за собой, за мужем, за детьми. Она не оценивала, не сравнивала, ей хотелось представить себе, что мог увидеть в их доме Андрей.

В том мирке, который окружал ее, их семья считалась образцом счастливой семьи. Они с Виктором привыкли взимать как дань с окружающих хорошую, уважительную зависть к своему счастью. Андрей не только не отдавал этой дани, но Лиза заметила, что с каждым его посещением в нем росла какая-то неловкость и скука. Именно потому, что это чувство было чем-то знакомо Лизе, она сразу обнаружила его у Андрея.

Когда и как оно выросло, откуда оно поселилось в ней? И почему никак не изгнать его?

С беспощадной придирчивостью оглядывала она свою жизнь. Взяв за руку смешливую девушку с челкой коротко стриженных волос, вздорную и наивную, которую тоже звали Лизой и которая ни за что не узнала бы себя в солидной, красиво одетой, располневшей двадцативосьмилетней женщине, она, как судья, шла за ней через годы, всматривалась в каждый ее шаг, каждый день... Был, был же такой, откуда все началось!

Она вышла замуж сразу после окончания института. Вовка родился в войну, он был хилый, болезненный, и Лизе пришлось бросить учительство, чтобы выходить ребенка.

Раньше она посмеивалась над замужними подругами, а теперь сама почувствовала приятную власть новых обязанностей – жены, матери, хозяйки. Маленькая комнатка в рабочем общежитии, где они тогда жили, стала «домом», «семейным очагом».

Виктор вышучивал серьезность, которой она окружала эти понятия. Семья-то три человека, а хлопот – как будто она руководит крупным учреждением. Она не обижалась – он ничего не понимал, ведь их было не три человека, а семья, действительно целый коллектив, с его будничными и бесконечно важными делами.

Наморщив лоб, она по вечерам раскраивала свой бюджет, и Виктор, безошибочно воровавший многотысячными сметами у себя на работе, здесь становился в тупик: чем отоварить карточки? Что надо купить раньше – валенки для Вовки или кровать? Сколько денег можно отложить, чтобы снять дачу?

Он виновато целовал ее в глаза. Щеки у него всегда были колючие. Она видела, как он страдает оттого, что они вынуждены экономить каждый рубль, оттого, что живут в общежитии, и ее трогали эти тайные, милые доказательства его любви. И было легче мыть полы, стирать и чинить свои старые платья. Ей было приятно, когда он порывался помочь ей убрать комнату или почистить картошку. От этого ее скучная работа приобретала особый смысл.

Лиза чувствовала себя соучастницей больших и важных дел Виктора. В войну все жили трудно, и никто и не думал жаловаться.

Когда родилась Наденька, им совсем редко удавалось побыть наедине, вдвоем. Виктор приходил поздно, у Лизы все время отнимали дети. Война давно кончилась, но годы по-прежнему летели, заполненные бесконечными, безостановочными домашними заботами, и Лизе казалось, что настоящая жизнь ее с Виктором впереди; вот выздоровеет Наденька, вот Виктор кончит расчет какого-то аппарата, вот они получают комнату.

Дети подрастали, Лиза подумывала о возвращении в школу. Виктор отнесся к этому равнодушно. «Материально мы не выгадаем, – сказал он. – Придется брать домработницу. А где она будет спать? У нас и так повернуться негде». Она грустно согласилась.

Он не заметил ее грусти. У него был свой, особый мир неизвестных ей радостей и тревог. Когда, подняв голову от чертежной доски, он смотрел на нее, рассеянно улыбаясь, она понимала: он далеко и не слышит ее. Что же будет, если она поступит на работу, – они станут совсем чужими.

Как-то приехал известный французский дирижер. Лиза достала билеты в Филармонию, предупредив Виктора, чтобы он пораньше освободился. В половине девятого он позвонил и сказал:

– Лизок, ты пойдись с кем-нибудь, тут у нас с юга один товарищ, мне интересно узнать, как там у них с грозозащитой.

В другой раз – это был день его рождения – она с утра прибирала, пекла, волнуясь, как будто вечером должно было решиться что-то важное. Гости разошлись, они остались вдвоем. Виктор посадил Лизу к себе на колени, она перебирала его черные жесткие волосы, разглаживала морщинки на висках. Ее тянуло рассказать ему про свои обиды – как это он не заметил ее нового платья и что он больше не делится своими планами, – но она подумала: зачем, сейчас так хорошо, и, наверное, ей это все показалось, ведь это тот же Виктор. Она вспомнила, как неуклюже он объяснялся ей в любви и как через полчаса они впервые поссорились из-за того, что Виктор доказывал, что он любит ее больше, чем она его. Она вспомнила это и притянула его к себе – от волос его исходил родной горьковатый запах чая.

– Ты еще любишь меня?

Он отстранился и озабоченно посмотрел на нее.

– Что? – переспросил он.

Она не ответила. Сохраняя все то же озабоченно-напряженное выражение, он осторожно снял ее с колен и, подойдя к своему столу, стал что-то быстро рисовать.

Она видела перед собою его спину, и ей показалось, что он уходит от нее. Все равно куда, он уходил от нее. В такую минуту он думал о другом, в такую минуту! Она решила вернуть его, стать нужной, чтобы он не мог обходиться без нее. Ведь у нее не было ничего другого.

Не рассуждая, инстинктивно, она поняла, что не следует требовать от Виктора выбора: или – или. Она действовала в обход, расчетливо пользуясь его слабостями.

Несмотря на волевой характер, Виктор быстро сдавался перед молчаливым укором, который она умела вкладывать в каждую мелочь. Он чувствовал себя виноватым в том, что она обслуживает его, что она привязана к дому. Прощая и оправдывая ее состояние, он уступал: ему казалось, что театр, кино, гости – это капризы, которые скоро пройдут.

Уступки не успокаивали, а воодушевляли Лизу.

Виктора назначили заместителем начальника технического отдела. Она поощряла его горделивую самоуверенность – теперь можно немного отдохнуть, у него достаточно опыта, способностей, ему будет легко руководить. Она решила вернуть Виктора к себе.

Летом они отправили детей к родным, а сами поехали на Кавказ. Исполнялась давнишняя мечта Лизы. Они путешествовали вдвоем по Военно-Грузинской дороге.

Виноградные лозы карабкались по террасам, волоча за собою черные и зеленые с подпалинами гроздья. Лиза и Виктор поднимались в горы навстречу высокому яркому небу, удивительному, как всё в этом краю. Они проходили висячие мосты в прохладных сырых ущельях, разыскивали развалины старинных замков, вспоминали Лермонтова, ели маленькие пахучие дыни и, как будто после долгой разлуки, любовно вглядывались друг в друга.

Виктор получил отпуск на полтора месяца, но он сам хотел вернуться на две недели раньше и окончить какое-то усовершенствование по автоматике. Он работал над ним всю зиму.

Несколько дней они прожили в маленьком горном селении. Внизу сливались две Арагви – Черная и Белая. Их быстрые струи, темная и светлая, долго мчались не смешиваясь, о чем-то бурливо споря, и Лиза думала о судьбе своей любви.

– Представь себе, что можно было прожить жизнь и не увидеть всего этого, – сокрушался Виктор.

Она осторожно попробовала уговорить его остаться до конца отпуска. К ее удивлению, он не возражал.

– Твой синхронизатор, или как его там, – это частность, – говорила она. – Посади за него несколько инженеров, и они его закончат. Ты должен набирать силы для дел, которые ты один можешь сделать.

Он согласился и отправился покупать сливы.

И она была счастлива!

Все шло как нельзя лучше. Административная работа пришлась Виктору по душе. Ему нравилось управлять людьми, требовать, проталкивать, руководить; та честолюбивая жилка, которая всегда была в его характере, теперь, когда он вкусил власть, заставляла его прилагать все силы, чтобы стать начальником отдела. «Если уж я выбрал административную карьеру, – говорил он, – надо скорее расти, чтобы не перестояться». Виктор добился своего – он стал начальником отдела. Его хвалили, считали способным руководителем. Его приводили в пример на активах, отмечали в приказах по министерству. Его статьи печатались в газетах. Он стал получать персональный оклад. Они наняли домработницу.

Их дом начали посещать новые приятели Виктора. С наивным тщеславием Лиза слушала, как они расхваливали организаторские таланты ее мужа. Они раздували парус его честолюбия, а ей чудилось, что это попутный ветер ее семейного корабля. Она искренне соглашалась с Виктором: его призвание – административная деятельность. Инженерный опыт у него есть, знания тоже, остальное, как он считал, зависит от искусства руководить. Туманные слухи, что Виктор не терпит способных людей в своем отделе, окружает себя подхалимами, свидетельствовали лишь о черной зависти обойденных.

Он сам жаловался ей на козни своих недоброжелателей, посвящая ее в тонкости взаимоотношений с начальством, и она не чувствовала себя больше чужой и ненужной в его мире.

Он вырывался домой, мечтая укрыться от бесконечных совещаний и писанины.

Появилось материальное благополучие, и сразу исчезли поводы для многих мелких раздоров.

У Виктора завелось множество связей. «Мы живем в век электричества», – шутливо объяснил он. Стоило ему позвонить, и Лиза могла без очереди достать дефицитный габардин или фрукты. В театрах они сидели в директорской ложе.

По воскресеньям они отправлялись по комиссионным магазинам. Для Лизы извлекали из-под прилавка недорогой хрусталь. Она была довольна не только покупками, но и тем, что Виктор получал удовольствие, удовлетворяя ее желания.

В день его рождения они большой компанией поехали в ресторан. Кутить так кутить. Подняв шипучий бокал шампанского, Виктор чокнулся с Лизой, глядя ей в глаза, и вдруг рассмеялся:

– А я и не замечал. Оказывается, у тебя зрачки рыженькие.

Она закрыла щеки руками:

– А где у меня родинка?

Он смешно поднял черные брови, пытаясь вспомнить.

Меж столиков, под тягучую мелодию оркестра, мягко шаркали пары. Лиза быстро захмелела и беспричинно улыбалась. Ей было хорошо, потому что на ней красивое, модное платье и чернобурка, и потому что все это Виктору было приятно, и все любят Виктора и ее.

– Через три года, Виктор Григорьевич, быть тебе начальником главка, – рассуждал подвыпивший заместитель управляющего Ивин, – У меня глаз – алмаз. Как люди достигают? Путем верных друзей. Они ему мостят – он их тащит...

Виктор отвернулся от него и задумался, положив голову на руки.

– Мостят... тащат... – тихо бормотал он.

Она сразу поняла, о чем он, и в тревоге взглянула на него. Он повел ее танцевать.

– К черту дела! – сказал он, когда они вернулись к столу. – Мне хватает их на работе. Вообще, старушка, нам следует почаще выбиратья на люди. Ивин прав: работай, но помни, что ты не лошадь.

Совесь ее была спокойна. И Лиза опять была счастлива.

Под Новый год, затеяв уборку, Лиза поставила за шкаф чертежную доску с наколотым эскизом. Прошли праздники, и только тогда она вспомнила, что Виктор так и не спросил про эскиз. А ведь это был тот самый синхронизатор, над которым он бился чуть ли не год. Впервые тогда что-то царапнуло ее душу.

По-видимому, счастье имеет свои законы. Оно чахнет без надежды. Лиза не знала, о чем ей мечтать. Напрасно она называла себя неблагодарной, беспокойное недоумение все чаще посещало ее.

Она стала подмечать в себе опасную и ненужную наблюдательность.

Ей все меньше нравился этот Долгин с его ускользящим взглядом, льстивый Ивин и другие друзья Виктора. Среди них попадались и славные люди, но что-то нехорошее было в их зависимости от Виктора, и сам Виктор как будто нуждался в этой зависимости. Он, всегда такой сильный, гордый, почему-то дорожил их обществом. Когда они уходили, он презрительно высмеивал их, сам же с каждым днем все приближался к ним, словно в чем-то уступая. Тогда ей казалось, что ему просто нравится, чтобы им восхищались. Постепенно она стала понимать, что это не просто слабость.

Приезжая из Москвы, Виктор восторженно рассказывал о министерских работниках. Как быстро там продвигаются люди! Все-таки что значит быть на виду. И вообще, там, в министерстве, даже мыслят другими масштабами. Вопрос, над которым они тут бились год, заместитель министра шутя решил в пять минут. Вот такая работа может приносить истинное удовлетворение. На такой работе он мог бы показать себя. Расстановка кадров. Общие принципиальные проблемы развития энергетики. Встретился какой-то специальный вопрос – пожалуйста, к услугам заместителя министра любой консультант. Никакой тебе войны со станционниками, с монтерами. А кто, спрашивается, критикует министерских работников? Только высшее начальство. Или вот, к примеру, начальник главка. Имеет двух референтов. На дипломатических приемах бывает!

– А ты знаешь, Лиза, он старше меня всего лет на шесть. Думаешь, у него какие-нибудь исключительные способности? Ничего подобного. Я знаю людей не менее способных, чем он. И сидят рядовыми инженерами. Случайность? Случай идет навстречу тому, кто его ищет.

...После обеда пришла жена Ивина. Звонкий живой голос помогал Анне Павловне походить на подростка. Она повязывала крашенные волосы черным большим бантом, старалась двигаться быстро и называла Лизу своей подружкой.

Чмокнув Лизу в щеку, она предупредила, что торопится в Дом моделей, и, поминутно поглядывая на часики, просидела полтора часа.

Круг интересов Анны Павловны был чрезвычайно широк. Она ходила на дискуссии в Союз писателей, на выставки в Союз художников и на весенние выставки собак. Она была в курсе всех дел Энергосистемы. Она знала, где случилась авария, с кого снимут премию, чем болен управляющий.

– Представьте себе, Лизочка, жена главного инженера, – разве можно в наше время так жить, – я звоню ей, мне надо было проверить, кого представили к наградам, – она не имеет понятия. Полное отсутствие всяких общественных интересов. Так легко можно переродиться в обывательницу. На нас лежит обязанность создавать мужьям абсолютные условия. Пусть это будет парадокс, но наша личная жизнь – это производственная жизнь наших мужей.

Лиза с тоской поддакивала. На прощание Анна Павловна пригласила Лизу с мужем к себе на дачу.

– Зимой там чудесно. Серебряный снег, такая светотень. Между прочим, Лизочка, я слышала, вы знакомы с новым начальником лаборатории? Возьмите его с собою. Молодые неженатые люди всегда вносят какой-то аромат романтики.

Лиза живо вообразила резкого, неуклюжего Андрея в обществе Анны Павловны и ее мужа, любителя поесть, выпить, организовать пульку, представила и всю остальную публику, бывающую у Ивиных, и усмехнулась. Виктор зло называл их «аппендиксы». Когда Лиза спрашивала: «Зачем же к ним ходить?», Виктор пожимал плечами – положение обязывает.

– Нет, на Лобанова никакие чары не действуют, – усмехнулась Лиза.

Что-то в тоне ее показалось Анне Павловне обидным. Напрасно Лиза так уверена в своем Лобанове, вообще мужчинам не стоит верить, уверенность делает женщину слепой. Виктор Григорьевич тоже не составляет исключения. Эта Нина Цветкова, секретарша главного инженера, девчонка, ничего опасного в ней нет, но, знаете, иногда все происходит неожиданно. Конечно, в семейных отношениях сквознячок необходим. И все же следует быть начеку, чтобы вовремя захлопнуть форточку.

Лиза ни о чем не стала расспрашивать, но после ухода Анны Павловны задумалась. Сплетню всерьез принимать не стоило. Ни с какой Цветковой Виктор ей не изменит. Она чувствовала это как женщина. Виктор ее по-прежнему любит. По-прежнему?.. И вдруг с пугающей ясностью она поняла: неважно, ухаживал он за Цветковой или нет, важно то, что, если бы ему по сугубо деловым расчетам понадобилось, он, не задумываясь, изменил бы ей с этой самой Цветковой. Просто в этом пока нет нужды. Для тех мелких услуг, какие может оказать секретарша начальника, достаточно было подпустить парочку многозначительных фраз (на это он мастер), подвезти на машине (да, да, на машине – что-то подобное Лиза слышала), подарить флакон духов...

Виктор переменялся, и его чувство тоже переменялось. А она? Она любила так же, как и раньше.

Его же чувство стало расчетливо-эгоистичным. Лизе припомнилось, как встревожился Виктор, узнав о служебных неприятностях у ее брата. Он так боялся, что это может повлиять и на его, Виктора, дальнейшее продвижение. И если бы у брата не наладилось, Виктор мог бы ослиться на нее...

В передней раздался звонок, это почтальон принес газеты и журнал «Электричество». Лиза отнесла журнал в кабинет Виктора. Последние номера лежали стопкой, заклеенные в бандероли. Торопливо она порвала обертку. Андрей – он может прийти сегодня, завтра – не должен этого видеть.

Глава восьмая

Проклятая низкая притолока! Никак не привыкнуть. Который раз, выходя из кабинета, Андрей ушибался. В «инженерной» стало приметой: если стукнулся – значит, о чем-то задумался или что-то случилось. Так и есть. На сей раз попало Кривицкому. На каком основании он принимает в ремонт самописцы?

– Было указание главного инженера. – Кривицкий развел руками. – Так заведено испокон веков, что от сложных приборов ремонтные мастерские отказываются.

– Так вот, с сегодняшнего дня в ремонт не брать, – сказал Андрей, потирая голову. – У вас есть своя тематика, будьте добры ею заниматься. Есть у вас самолюбие? Попробуйте дать краснодеревщику бревно тесать, куда он вас пошлет? Вы же инженер!

Кривицкий поморщился:

– Тут не до самолюбия. Вот главный узнает, поднимется шум. Спорить с начальством, Андрей Николаевич, все равно что плевать против ветра.

Андрей невольно улыбнулся. И когда он научится удерживать свою дурацкую улыбку!

– Шум начался, – строго сказал он. – Главный уже вызывает меня по этому вопросу.

– Ну вот вам и трещина, а вы не верили, – задумчиво сказала Майя после ухода Лобанова.

Кривицкий покачал головой:

– Идет, гудет зеленый шум... Нет, Майя Константиновна, это он лишь замахнулся, а треснет от его удара что-нибудь или нет – посмотрим... А вообще отважен, – добавил он, помолчав. – Ей-богу, отважен!

– Садитесь, – морщась, нетерпеливо бросил главный инженер, потому что Лобанов еще топтался на пороге кабинета. – Вы почему не выполняете моего приказа о ремонте приборов?

Не отвечая, Лобанов подошел, уселся в кресло, развернул папку, достал план работы лаборатории.

– Пожалуйста, – коротко сказал он, – я не нашел тут пункта о ремонте.

– План – это не догма.

– План – приказ, – возразил Андрей, – тем более что он утвержден вами.

Это походило на прямой вызов. Полчаса назад на диспетчерском совещании директор Октябрьской станции Тарасов попросил срочно отремонтировать самописцы, Лобанов категорически отказался принять их в ремонт: для этого существуют мастерские. Главный инженер решил, что тут какое-то недоразумение, а теперь выходило, что это обдуманное решение. Ему ничего не стоило приказать Лобанову, и тот вынужден был бы повиноваться, но его заинтересовали намерения нового начальника лаборатории.

– Вы что же, хотите поссориться с нашими производственниками? – полюбопытствовал главный инженер.

– Нет, зачем. Просто я хочу заниматься своим делом.

Умиляясь наивности этого новичка, главный инженер растолковывал как можно мягче ошибочность избранной Лобановым линии:

– Основное у нас – станции, они производят электроэнергию. Мы же с вами существуем для того, чтобы удовлетворять их нужды. Вам следует начать с изучения запросов производства, продумать, как лучше помогать станциям. Вы же начали с того, я слышал, что оборудовали себе отдельный кабинет. Верно?

Андрей нащупал шишку, пока что единственную «радость» от кабинета, и равнодушно согласился:

– Верно.

Главный инженер укоризненно вздохнул: упрек, как видно, не достиг цели.

– Вот видите, какое неудачное начало. Вместо того чтобы наладить качественный ремонт...

– Я хочу создавать новые приборы. Для этого мне нужна хорошая лаборатория, в частности с кабинетом для начальника и комнатой для ведущих инженеров, чтобы они могли сидеть и думать, не зажимая уши... – И, не давая прервать себя, Лобанов методично изложил свои требования. Тут было и создание мощного экспериментального цеха с заменой ветхих станков Кузьмича, и новые штаты, и пересмотр тематики, и ремонт помещения, и обеспечение консультантами, и новая аппаратура.

Главный инженер сперва изумленно поднял брови, потом, когда поднимать их выше было уже некуда, недоверчиво улыбнулся, но так как Лобанов продолжал развивать свои фантазии, не обращая внимания на эти знаки, главный инженер нахмурился и забарабанил пальцами по столу.

– Всё? – спросил он с видом величайшего терпения.

– Нет, это, так сказать, программа-минимум.

– Н-да... Пока что одни права и никаких обязанностей. Вы что же, намерены только просить да просить?

Прием был не совсем дозволенный, вроде подножки. Про обязанности, какие он брал на себя, Лобанов уже говорил. Он упомянул о локаторе, о том, что лаборатория должна стать научным центром Энергосистемы, толкать ее вперед, внедрять автоматизацию на станциях. Но главному инженеру важно было сейчас добить вопрос о ремонте. Как говорится, ближняя соломка лучше дальнего сенца.

Андрей решил не уступать. Слишком многое зависело от этой первой их встречи. Он готовился к ней по всем правилам, ничуть не меньше, чем к какому-нибудь исследованию.

– Просить? Не просить я намерен, а требовать то, что положено, – твердо сказал он.

Главный инженер, костлявый, угловатый, весь немного встрепанный, имел вид человека, заверченного до головокружения. Одевался он небрежно, морщины тоже небрежно, как бы наспех, перечеркивали его лицо во всех направлениях. Такая внешность создавала своеобразный удобный стиль. Трудно обижаться, если такой человек что-нибудь забудет, недослышит, неловко надоедать ему мелочами. Но там, где дело касалось действительно важных вещей, главный инженер ничего не забывал и не упускал. Он умел, сохраняя замученное выражение лица, спокойно обдумать и решить быстро и безошибочно.

Сейчас уже дело сводилось не к ремонту самописцев – необходимо отрезвить этого фантазера, выбить у него из головы мальчишеский идеализм. Ну и кадры, возись с такими! Туман и грезы.

Посмеиваясь, он рассказал Лобанову, как недавно явился к нему один горе-изобретатель с идеей немедленного перевода всех электростанций на атомную энергию. Установить атомные реакторы и все такое силами самой Энергосистемы.

– А когда я стал отказываться, назвал меня консерватором. У вас тоже нечто вроде. Если бы вы не были новичком на производстве, я бы вас живо выставил за дверь с вашими требованиями, – добродушно признался главный инженер. – Что мы тут, олухи царя небесного? Сами не знаем, что к чему? Мы на земле живем. На земле, – с удовольствием повторил он, – не на небесах. Откуда я вам высижу деньги, людей? У нас хозяйство плановое. Дойдет до вас очередь – пожалуйста. Рад бы душой, да хлеб-то чужой. Сперва станции оснастим, – он поднял палец, – нам надо энергию безаварийно производить. Электроэнергию, а не приборы. До тех пор мобилизуйте внутренние ресурсы. – Тут он выбрался на дорожку испытанных доводов, которыми успешно усмирал слишком настойчивых сотрудников.

Обычно в таких случаях дело кончалось тем, что он удовлетворял какое-нибудь одно из десяти требований, и подчиненный уходил, довольный своим упорством. Поведение Лобанова

не обещало ничего похожего. Он невозмутимо сидел, закинув ногу на ногу, покачивая ногой в такт словам главного инженера.

– Насчет планового хозяйства я согласен, – сказал Лобанов. Он снова открыл свою папку и стал выкладывать бумаги. – Закупленная для лаборатории аппаратура разошлась по станциям... Деньги, ассигнованные на ремонт лаборатории, в действительности израсходованы на диспетчерскую службу – раз, на ремонт жилого дома – два... – Он дотошно перечислил все до последней копейки.

«А говорили, что теоретик, не от мира сего, – подумал главный инженер. – Как бы не так! Что называется, наскочил топор на сучок».

– ...Далее. Восемь человек, числящиеся в штате лаборатории, работают в других отделах.

– Вот это безобразие! – вырвалось у главного инженера.

Лобанов, не отрываясь от бумаг, сообщил:

– Между прочим, ваша вторая секретарша числится лаборантом.

Щеки главного инженера надулись, он еще секунду силился удержаться и вдруг, отвалившись на спинку кресла, захохотал, подняв руки вверх...

От главного инженера Андрей вернулся воодушевленный, сразу собрал руководителей групп.

Все вопросы снабжения будут решены в ближайшее время, тематика будет пересмотрена, штаты укомплектованы. Его спросили, как с ремонтом. Прекратить! Передаем в мастерские. Он был доволен, что может уже чем-то реальным порадовать товарищей. Теперь за работу. Начинаем подготовку к исследованиям. Пока что готовимся за счет внутренних резервов, покажем, что мы не иждивенцы.

Его воодушевление действовало заразительно на всех, кроме Кривицкого. Этот безнадежный скептик уныло заключил:

– Вот с ремонтом – факт, остальное – бабушка надвое сказала. Надвое, а то и натрое.

– Не бабушка, а главный инженер, – сухо поправил его Андрей. Однако замечание Кривицкого запомнил.

Майя Устинова молчала.

Если бы Лобанова постигла неудача, если бы он вернулся от главного убитый и опечаленный, она стала бы на его сторону. В лаборатории, если не считать Борисова, он до сих пор оставался, в сущности, одиноким. Но сейчас, когда все приветствовали его как победителя, она почувствовала себя униженной, она почти возненавидела его. И себя она ненавидела за все эти мелкие, завистливые, пакостные чувства. Она перестала быть откровенной. Молчит и ждет. Злорадно ловит всякое недовольство Лобановым. Радуетя, когда Морозов говорит: «При вас, Майя Константиновна, было лучше». И походка у нее изменилась. Нет прежней уверенности. Ну а что делать? Ей надо найти такую работу, чтобы утвердить себя в собственном мнении. Так дальше продолжаться не может.

Глава девятая

В этот вечер Рита предложила встретиться у Консерватории. Андрей решил, что она хочет пойти на концерт, но, когда он приехал, темный подъезд Консерватории был заперт. Он ждал, теряясь в догадках, немного раздосадованный и встревоженный. Рита вышла из-за угла, взяла его под руку и снова повернула за угол.

– Не спрашивай, ни о чем не спрашивай, – посмеивалась она.

Андрей почувствовал ее волнение, и волнение это передалось ему. Они пересекли какой-то двор, на лестнице Рита не утерпела и, пряча лицо в воротник, сказала, что, вместо того чтобы мерзнуть на улице, они посидят у ее подруги: она уехала и оставила Рите ключ.

Это была маленькая, тесно заставленная мебелью комнатка, половину ее занимала высокая кровать. Было тепло, пахло пудрой, духами.

Рита закрыла дверь на крючок, скинула шляпу. Она с головой спряталась под расстегнутую полу его тужурки, и так они стояли, как будто отдыхая. Андрей нежно, едва касаясь, гладил ее.

Они о чем-то говорили, и с каждым словом смысл произносимого все больше исчезал. Сейчас имело значение то, как, не сводя с нее глаз, он расстегивал большие серые пуговицы ее пальто, как она скинула вязаную жакетку. Понял ли он, как она скинула жакетку? Да, он понял. Чуть располневшая, с голыми руками, длинной, открытой шеей, Рита была удивительно хороша. На локте кожа у нее была шершавой. Андрей тронул это памятное, когда-то любимое им местечко, и Рита вспыхнула, как девочка. Застенчивого, девичьего в ней было сейчас больше, чем женского. С закрытыми глазами она поцеловала его. Поцелуй был особенный, непохожий на все их поцелуи.

С этого дня не нужно было мерзнуть в трамваях, добираясь до окраины, чтобы остаться наедине. Маленькая комнатка у Консерватории стала их крепостью, за ее стенами Рита чувствовала себя спокойно. Андрей понял ее переживания, когда однажды они чуть не столкнулись лицом к лицу с Виктором. Он шел навстречу с каким-то мужчиной. Рита увидела их первая и бросилась в ближайшую парадную. Андрей ни о чем не спрашивал – вряд ли она могла так испугаться Виктора. Дело было не в Викторе, а в его спутнике – знакомый, может быть даже муж.

Этот случай открыл Андрею глаза.

До сих пор Рита существовала для него сама по себе, отделенная рамкой воспоминаний от окружающего мира. И вдруг эта рамка сломалась, и он увидел Риту такой, какая она есть: женщина, имеющая дочь, мужа, какую-то неизвестную ему семейную жизнь. Он растерялся. Он уверял себя в том, что нет ничего некрасивого, дурного в их отношениях. Несправедливым и плохим было все то, что мешало их встречам. Никто не может любить Риту так, как он, и, значит, никто не имеет на нее таких прав.

Опасность подстерегала их на каждом шагу. Он подозрительно следил за лицами прохожих, всякий пристальный взгляд вызывал в нем опасения, и эти опасения были ему самому противны. Его удивляла выдержка Риты.

Непроизвольно он стал отбирать из всего окружающего то, что как-то касалось его отношений с Ритой. Раньше он просто не услышал бы, а услышав, не обратил бы внимания на рассказанный Новиковым анекдот о любовнике и обманутом муже. Слово «любовник», столько раз читанное и слышанное, впервые покорило Андрея. Припомнилось все пошлое, двусмысленное, связанное с этим понятием.

Рассказы Новикова о женщинах стали вызывать у Андрея болезненный интерес. История отношений с Ритой всегда казалась Андрею особенной; слушая же Новикова, он со страхом

находил в ней все больше общего с банальными историями о ловких женах, обманутых мужьях и торжествующих любовниках.

Новиков, молодой красивый инженер, считался одним из тех, кого принято называть «душой общества». Он любил одеваться и уделял своему туалету много внимания, он пользовался успехом, искусно вел одновременно несколько романов и откровенно рассказывал о своих похождениях.

Мужчинам нравилось новиковское гусарство, а женщины многое прощали ему за то, что с ним было весело, легко, за то, что он умел ухаживать за женщинами и любил любить женщин.

– Не будет она изменять со мной, так будет с другими, – рассуждал он, – а кто знает, может быть, другой будет хуже меня? Я, по крайней мере, уважаю ее мужа и не позволю себе никаких бестактностей по его адресу.

Послушать его – так изменяли все: тот жил с секретаршей, тот – с подругой жены. Не существовало семьи, в которой все было бы в порядке.

– Да, это аморально, – беспечно соглашался он, – но такова жизнь. Да, с этим надо бороться, но кому поручить эту борьбу? – Он насмешливо оглядывал всех.

Кривицкий предлагал: Майе Константиновне...

Майя строго и холодно говорила, что борьбу ведет все наше общество. Мужчины смеялись – обезличка!

– Борисову? – предлагал Кривицкий.

Борисов сердито отшучивался, утверждая, что Новиков просто-напросто страдает щенячьим цинизмом.

Когда очередь дошла до Лобанова, Андрей, сделав над собой усилие, криво усмехнулся – дескать, он не лучше других.

– То-то и оно, – философски заключил Новиков, – разве что Пеке Зайцеву еще можно поручить.

Когда Игорь Ванюшкин пригласил Андрея вместе с сотрудниками к себе на свадьбу, Андрей как-то пристыженно отказался, ссылаясь на занятость. На самом же деле он просто боялся всяких расспросов, разговоров, горьких мыслей и сравнений. Он всячески старался обособить, изолировать ту часть жизни, которая была связана с Ритой, от работы, от лаборатории.

Целуя Риту, он не мог не думать о том, что все это она будет сегодня же повторять с другим, с тем, кого она не любит, и эта мысль разъедала его радость, вытравляя самое ценное. Он ревновал – и это было его право, любовь мешала ему смириться, закрыть глаза, не замечать, как старались это делать другие.

На туалетном столике лежала сегодняшняя газета. Андрей вспомнил, как Рита по дороге сюда снова повторила ему, что подруга ее все еще в отъезде, и ему стало грустно оттого, что даже между собою они не могут обойтись без обмана.

– Рита, нам надо серьезно поговорить, – хмуро начал он.

– Сейча-ас? – нараспев сказала она.

– Да, да, именно сейчас, – твердо повторил он.

– Хорошо, только я погашу верхний свет. У меня глаза болят. – Она щелкнула выключателем, усадила Андрея на стул и обняла его.

– Рита, – сказал он, не видя ее, чувствуя только ее голые руки и горячее дыхание. – Рита, – говорил он торопясь, – давай поженимся. Уйди. Возьми дочь и уходи. Почему мы должны так встречаться. Ты его любишь?

Она восхищенно прижалась к нему.

– Как ты можешь спрашивать об этом?.. «Уйди!» – повторила она с его интонацией.

Андрей высвободился:

– Нет, ты отвечай.

Она зажала ему рот рукой, села на колени:

– Слушай, брось мучить себя. Не надо... Подари мне этот вечер.

Он отвел ее руку. Рита сразу стала серьезной.

– Я подумаю, Андрей. Я обещаю тебе... Все это очень сложно. Но ты – милый, какой же ты хороший у меня! – Она приблизила к нему свое похорошевшее лицо. Большие неподвижные зрачки ее смотрели прямо в глаза Андрею. – Сейчас ты не смеешь ни о чем думать, понимаешь ты?..

Он не мог сладить со своими руками, они тянулись к ней, не повинуюсь ему, как все его тело.

Воспоминания об этом вечере всякий раз возбуждали в нем ярость. Он с беспощадной ясностью увидел все. Высокая, скрипучая, чужая кровать. Матрац какой-то вздутый. Андрей лежал у стенки, касаясь холодного гранитового коврика, разукрашенного пестрой безвкусной мазней: длинноногий аист, выпучив глаза, упирался тонким красным клювом в живот Андрею.

Осторожно выпростав руку, Рита посмотрела на часики. Она думала, что Андрей задремал, лицо ее было озабоченно-деловитым. Часы на золотой браслетке показывали половину двенадцатого.

Незнакомое ее лицо и торопливое прощание помнились больше всего, заслонив радость, благодарность Андрея, все чудесное, что было.

Несколько дней после этого он ходил, как в похмелье, чувствуя себя разбитым, упрекая себя в слабости, скучая по Рите и боясь с ней встретиться.

В их запоздалой любви было слишком много запретного, в ней было больше мучения, чем счастья. Куда-то уходило самое чистое, искреннее, оставался грязноватый осадок обмана. Андрей обессилел душевно и, как назло, в тот момент, когда работа требовала от него величайшей собранности.

Глава десятая

Отказ Лобанова ремонтировать приборы создал ему опасного врага.

До сих пор лаборатория находилась под опекой Долгина, заместителя Потапенко. Директора станций обращались к Долгину с просьбами о ремонте, уговаривали: «Удружи, помоги, челом бью». Он мог прижать, пропустить без очереди, отказать – словом, лаборатория составляла базу его могущества. Теперь он лишился всех этих возможностей.

Кирилла Васильевича Долгина сотрудники техотдела звали между собою «КВД». Инициалы расшифровывались по-разному: «Куда ветер дует» или «Казенщина. Вероломство. Демагогия».

В отделе его не любили и боялись. Технически беспомощный, невежественный, он мстил всякому, кто осмеливался критиковать его. Если только ему удавалось отыскать у кого-нибудь в прошлом малейшее пятнышко, оно всплывало самым таинственным образом, вырастая в грязное пятно, пачкающее человека с ног до головы.

Он выбирал одного-двух советчиков среди инженеров отдела – это помогало ему слыть в глазах руководства сведущим человеком.

На первых порах Долгин показался Андрею несколько жестковатым, но сугубо принципиальным товарищем. Черты его плоского, малоподвижного лица постоянно выражали суровость во всех ее оттенках – осуждающую, подозрительную, великодушную, почтительную, но всегда – суровость. Говорил Долгин резким, металлическим голосом, чеканя каждую фразу. В неизменной черной гимнастерке, он выглядел внушительно за столом президиума, ему часто поручали вести собрания. Многим нравилось, как строго он соблюдал регламент, беспощадно обрывал ораторов и умел провести собрание гладко и быстро. Репутация принципиального и непримиримого помогла ему войти в состав парткома.

Знакомясь с Лобановым, Долгин сказал:

– В тесном содружестве с техническим отделом вы должны добиться новых успехов в деле мобилизации лаборатории в соответствии с поставленными нашей партией задачами.

Андрей не совсем понял, какие задачи имелись в виду, но расспрашивать постеснялся.

Когда главный инженер освободил лабораторию от ремонта приборов, Долгин обратился к Потапенко, доказывая, что подобный акт затрагивает интересы не только Долгина, но и самого начальника отдела. Однако Потапенко воспринял сообщение равнодушно: он знал, что ему-то Лобанов никогда не откажет.

Долгин решил выжидать – рано или поздно Лобанов придет к нему за чем-нибудь на поклон, тогда-то он ему поставит свои условия.

Примерно в ту пору пришло сообщение с Комсомольской станции: в генераторе происходят непонятные толчки. Потапенко предложил Долгину выяснить, в чем дело.

Получив задание, Долгин, как обычно, выяснил мнения своих негласных референтов. Один из его советчиков считал, что у генератора повреждены обмотки; другой, Аничков, знающий, но крайне робкий инженер, которого Долгин держал в постоянном страхе, порекомендовал привлечь лабораторию. Обращаться с просьбой к Лобанову не входило в расчеты Долгина, поэтому он резко отчитал Аничкова: «Привыкли сваливать на других, бежите от ответственности!»

Аничков перепугался и торопливо согласился: вполне вероятно, повреждены обмотки, он только думал...

Молодой инженер отдела Захарчук, хотя его никто не спрашивал, высказал мнение, что обмотки ни при чем, но он вообще любил противоречить и был на плохом счету у Долгина.

Долгин составил письмо на имя главного инженера, предлагая вывести генератор в ремонт. Подписывая бумагу, Потапенко поморщился.

– Самое благоразумное решение, – заверил Долгин. – Генератор остановят и разберутся.
– Всё же насчет обмоток у вас бездоказательно.

– Лучше рискнуть своим благополучием, чем оборудованием. Таков партийный принцип в технике, – произнес сурово Долгин, так что за соседними столами прислушались.

Неожиданно для всех главный инженер попросил электролабораторию дать заключение о генераторе.

На станцию откомандировали Кривицкого с лаборантами. Он вернулся оттуда через два дня и мрачно выложил перед Андреем пачку заснятых кривых. Выводы делать он категорически отказывался. Замеры он произвел, а выводов у него никаких нет. Делайте их сами.

Андрей с интересом рассматривал странные пики и впадины на кривых.

– Хотел бы я знать, при чем тут обмотки... – задумчиво сказал он.

Кривицкий насмешливо фыркнул и снова увильнул от прямого ответа. Техническому отделу виднее. Коли они утверждают, что повреждены обмотки, не станем же мы с ними ссориться!

– Меня двенадцать лет назад один профессор приговорил к смерти от язвы желудка. Смешно было бы мне спорить с ним. Он ведь больше меня понимает.

Андрей пристально посмотрел на Кривицкого:

– Есть у вас какие-нибудь соображения – выкладывайте. Нет – так не напускайте туману. Скажите честно – сдаюсь, не понимаю. Тогда будем вместе разбираться.

Кривицкий свесил голову набок, прикрыл один глаз красным морщинистым веком и стал похож на петуха, прикидывающего, стоит ли ему бросаться в драку.

– Позвольте прежде узнать, правду ли говорят, что вы друзья с Потапенко?

– Правду, – нахмурился Андрей. – Старые друзья. Ну и что же? Наша дружба в делах не помеха.

– Тогда получайте: Долгин – халтурщик, – со вкусом сказал Кривицкий. – Мастер спихотехники, вот кто такой ваш Долгин. Он не потрудился изучить данные. Обмотки тут, конечно, ни при чем – я ручаюсь. Вы и сами видите. А в чем тут суть, я так и не постиг. Техотдел мы посадить на мель можем. Вполне. Зато и самим нам не выкарабкаться. – Он задумался. – Единственная моя надежда – на станционников. Я оставил копии всех замеров Борису Зиноввичу. Дежурный техник – не знаете его? – старый, опытный зубр.

– Еще чего недоставало, – возмутился Андрей, – у нас просят заключение, мы же поднимаем руки вверх, и нас должны выручать. Кто? Станционники! Что станут говорить – в лаборатории сидят дармоеды, невежды. Другое дело, когда обращаются за консультацией к профессору. А то дежурный техник!

Инженер, вооруженный приборами, спасовал и обратился к технику. Великолепно!

Кривицкий воинственно выставил острый подбородок.

– Я заботился о деле, Андрей Николаевич. Дай бог мне знать эти генераторы, как знает Борис Зинович. Вас беспокоит честь мундира? – Он язвительно изогнул губы. – Стыдно за меня? Пожалуйста. Будьте добры, возьмите материалы и найдите сами причину.

– И найду. За вас, учтите.

– И очень хорошо. Разрешите идти?

– Идите.

Андрей сидел над материалами всю ночь. Сидел из упрямства, сознавая, что разгадку ему не найти, причина таилась где-то вне генератора и черт ее знает, где именно.

Наутро он сказал Кривицкому:

– Поедьте на станцию к вашему Борису Зиновичу.

Он так и не понял, почему Кривицкий упустил возможность злорадно съязвить, и лишь пробурчал:

– Давно пора поездить по станциям. А то, как пришли, не вылезаете из лаборатории.

На Комсомольской Андрей был однажды еще студентом, во время практики. В памяти остались горы угля, копоть, перемазанные как черти кочегары у гудящих пламенем топков.

Теперь станция была неузнаваема. Ветер, когда-то гонявший тучи черной угольной пыли, пригибал тонкие молодые липки. Они выстроились шеренгами вдоль новых асфальтовых дорожек, отважно топорщась мерзлыми дрожащими ветками. Там, где высились хребты угольных гор, стояли длинные бетонные склады.

– А где дым? Кривицкий, где дым?

Кривицкий ткнул пальцем куда-то в землю:

– Золоулавливатели поставили. Да... Я живу за два квартала отсюда – мы раньше никогда окон открыть не могли.

Встреча с Борисом Зиновьевичем происходила в конторке дежурного техника. Сколоченному из одних костей Борису Зиновьевичу можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят лет. С Кривицким у них существовали своеобразные отношения. Подобно многим сотрудникам Энергосистемы, они разговаривали чаще, чем виделись. Поэтому, встречаясь, они любили поболтать о таких вещах, о которых по телефону не скажешь. Оба они работали в системе давно, оба были остры на язык и понимали друг друга с полуслова. Несмотря на скверный характер, Кривицкий на каждой станции имел таких друзей.

Борис Зиновьевич подал Андрею твердую, как щепка, руку:

– Слыхали, слыхали. Давно пора нам своих ученых занять.

– Какие там ученые! – отмахнулся Андрей не без досады. – Видите, пришел к вам с поклоном.

– Следовательно, считаете за унижение. Та-ак. – Борис Зиновьевич поправил под спецовкой черный затрепанный галстук. – А вот академик Костинов Яков Сергеевич постоянно советуется с нами. Не стыдится. В книге своей так и написал: благодарю за помощь техников таких-то.

Он обиженно замолчал, а Андрей подумал: «И поделом, правильно меня раскусил. Ох, и скотина же я!»

Плохо было, что не мог заставить себя сказать такие вещи вслух, и от этого злился и еще упрямей морщил переносицу и стучал пальцами по столу.

Кривицкий, как ни странно, накинулся на Бориса Зиновьевича: нечего сказать, культурная станция – гостей встречают попреками.

Борис Зиновьевич расстелил схему генератора. Отголоски обиды еще звучали в его витиватом предисловии: мы люди неученые, провинция, рассуждаем без интегралов.

– Никак нашел? – быстро спросил Кривицкий. – По носу вижу, что нашел.

Борис Зиновьевич осторожно покосился на Андрея:

– Признаться, набрел на одну мыслишку.

«Мыслишка» поразила Андрея – до чего просто! Потом он бурно обрадовался, потом с горечью подумал о себе: тупица! Потом, расспросив Бориса Зиновьевича, успокоился. Цоколь контрольной лампочки в цепи возбуждения! Найти здесь причину толчков нагрузки мог только человек, который годами работает с этим генератором, хранит в памяти все его капризы.

Борис Зиновьевич окончательных выводов не делал:

– Мне трудно судить. Вроде бы и так, а кто его знает – теоретически, может, и неверно.

Он настороженно следил за Андреем – вдруг этот самоуверенный парень высмеет все его теории?

Другой на месте Лобанова давно бы заметил его смущение, но Андрея целиком поглотила схема, вычерченная техником, – бывают же на свете люди, которым схема может доставить не меньшее наслаждение, чем картина художника. В этой корявой схеме присутствовало то, чего не добиться никаким образованием, – удивительно верное чутье.

– Честное слово, я вам завидую, – признался Андрей.

Борис Зиновьевич мгновенно вспотел.

– Мне осциллограммы Кривицкого помогли. Они выявили гармоники периодического процесса... – Он варварски щеголял техническими терминами: и мы, мол, не лыком шиты! Говорил он сердито, не желая показать, насколько ему была приятна похвала этого мальчишки.

– Начинаются комплименты, – сказал Кривицкий, – а дело будет стоять.

Андрей принялся быстро чертить.

– Давайте тут же переключим генератор на другой возбудитель и проверим.

Заглянув через его плечо, Борис Зиновьевич в ужасе выхватил у Андрея карандаш:

– Что вы делаете! Мы же так погасим абонентов. Вот как надо. С вами тут недолго аварию натворить...

Уточнив программу испытаний, Кривицкий и Борис Зиновьевич отправились «утрясать» ее с диспетчером. Андрей вышел в машинный зал.

Поднимаясь на пульт, Кривицкий сказал Борису Зиновьевичу:

– Горячий больно. И молод, с людьми не умеет ладить.

– И нечего об этом тревожиться, – неожиданно возразил ему Борис Зиновьевич. – Специалистов ладить у нас и без него хватает.

Машинный зал встретил Андрея блеском стен, выложенных белым изразцом. Лакированные, словно потные, громадные машины выталкивали волны теплого воздуха. Как будто они жарко и шумно дышали в своем неустанном беге.

Навстречу Андрею шла группа людей. Впереди в синей спецовке – Виктор Потапенко.

– Ты чего сюда явился? – спросил он, здороваясь с Андреем, и тут же, не дослушав, представил своим спутникам.

– Мой однокашник, новый начальник лаборатории. Прошу любить. Ну как? – спросил он у Андрея, широко, по-хозяйски обводя зал рукой. – Нравится? К лету все цветами засадим!

На ходу Виктор оглядывал приборы, пробовал рукой нагрев машин; приложив ухо, слушал ход новой турбины. От его взгляда ничто не ускользало.

– Почему до сих пор маслоподачу не привели в порядок? – обрушился он на сопровождающих. – Вы мне бросьте, думали – не замечу? Ишь, замаскировали!

С машинистами он здоровался за руку, знал их по имени-отчеству, с каждым у него происходил краткий, но свой разговор.

У молодого машиниста в лихо сдвинутом берете спросил: «Привык к новой колонке? А помнишь, как боялся? Вот, брат, кто смел, тот и съел. А что ходишь ты в отрепьях, это не годится. Культурный вид станции портишь». С седоусым турбинщиком побеседовал о рыбной ловле. Перекинулся шуткой с веселой крановщицей, справился у дежурного инженера про экзамены, словом, всем было понятно: идет свой человек, хоть и начальник, а простой, заботливый, настоящий хозяин.

Андрей с удовольствием наблюдал за Виктором. Большое дело – уметь подойти к разным людям без наигранной простоты. У Виктора получалось это с пленяющей естественностью.

Кто-то рядом с Андреем сказал:

– Напористый мужик. Дотошный.

Андрей обрадовался, будто это его похвалили. Он гордился сейчас своим другом. Наблюдая за Виктором, он примеривал к себе все, что ему в нем нравилось. Сила Виктора заключалась в умении обращаться с людьми. У него был свой продуманный стиль. Честно говоря, Андрей пытался несколько раз скопировать манеры Виктора: похлопывал по плечу, ругался, запросто болтал с рабочими, играл на их самолюбии и так далее. Оставалось ощущение стыда, как будто он совершал что-то оскорбительное по отношению к этим людям, обманывал их.

Возле злополучного генератора Кривицкий и Борис Зиновьевич присоединяли приборы. Виктор мельком оглядел собранную установку и принялся расспрашивать Бориса Зиновьевича о здоровье жены. Борис Зиновьевич выпрямился, держа в руке провод, пальцем другой руки прижал нужное место на чертеже. Отвечая Потапенко, он переминался с ноги на ногу с видом

школьника, попавшегося на глаза нудному учителю. Когда Виктор в сопровождении свиты двинулся дальше, Борис Зинович посмотрел на зажатый в руке провод, на схему и, восстанавливая нарушенный ход мыслей, ни к кому не обращаясь, покачал головой:

– Демокра-ат!

По его тону трудно было разобрать, какой смысл он вкладывал в это слово.

Началось испытание. Оно заняло всего несколько минут, полностью подтвердив предположения Бориса Зиновича. Все трое почувствовали себя именинниками; Андрей пришел в болтливое настроение – верный признак удачи.

– Представьте себе, еще вчера вечером сидели мы трое по своим комнатам и ломали головы, – рассуждал он. – Мудрили все врозь, и так могли мудрить еще год. Хорошо, что Кривицкий показал вам свои замеры. Вот, кстати, где надо искать стиль научной работы, – погрозил он пальцем Кривицкому, словно до этого спорил с ним.

Кривицкий напомнил о заключении Долгина.

– Эх вы, – разочарованно сказал Андрей. – Мы обнаружили любопытнейшее явление, вас же заботят какие-то бумажки.

– А вам известно изречение Долгина? – иронически осведомился Кривицкий. – Без бумажки – ты букашка, а с бумажкой – человек!

Борис Зинович до отказа подтянул затрепанный галстук.

– Желательно было бы, Андрей Николаевич, генератор в ремонт не выводить. У нас график собьется.

– Тебе одна забота, – проворчал Кривицкий. – А от нас потребуют доказательств. Почему не выводить? Придется все точненько рассчитать.

– Я сейчас посоветуюсь с Потапенко, – сказал Андрей.

Борис Зинович и Кривицкий переглянулись и молча начали отсоединять приборы.

Потапенко находился у крайнего агрегата, где мостовой кран осторожно опускал ротор турбины; такелажники, слесари, инженеры напряженно следили за движением огромного ротора, будто поддерживая его со всех сторон своими пристальными взглядами.

Бригадир монтажников подал крановщице команду «стоп». Ротор повис, покачиваясь над самыми подшипниками. Бригадир начал измерять зазоры, подсовывать деревянные подкладки. Присутствие начальства его явно нервировало. Он замялся и показал крановщице пальцем – снова поднимай вверх.

Андрей издали увидел, как Виктор тронул бригадира за плечо, сердито закричал на него. Тот помотал головой – видимо, отказывался. Черные брови Виктора гневно сомкнулись.

– Раззява! Сапожники... – долетело до Андрея.

Отстранив бригадира, Потапенко сам дал знак крановщице. Тросы дрогнули, ротор плавно качнулся в сторону. Виктор, продолжая одной рукой показывать, другой ловко действовал деревянными подкладками. Он работал легко, улыбаясь, бесстрашно подсовываясь под качающуюся стальную махину. Он сочно, с азартом поругивался, и постепенно вокруг прояснело, люди повеселели, задвигались быстрее, ротор уверенно пошел вниз и мягко лег на подшипники.

– Виктор Григорьевич, вы – бог! – пропел начальник цеха, подавая ему паклю.

Вытирая перепачканные в масле руки, Виктор подошел к Андрею. Разгоряченные глаза его весело блестели.

Андрей был восхищен.

– Они бы тут еще битый час провозились, – самодовольно сказал Виктор.

Охваченный гордостью за Виктора, Андрей начал с восторгом рассказывать о сообразительности Бориса Зиновича и о результатах испытания.

– Значит, нашли, – не дослушав, сказал Виктор и повернулся к директору станции.

– Нет, я вижу, ты не понял, – огорчился Андрей. Он начал быстро чертить пальцем на лакированном кожухе генератора.

– Смотри сюда. Остроумно? Теперь ясно, какая бессмыслица подозревать обмотки.

Виктор вздохнул. Поодаль стояли, ожидая его, директор станции и начальники цехов.

– От тебя требуется дать заключение, – с холодком говорил он. – Либо выводить генератор в ремонт, либо ты гарантируешь его безупречную работу. В последнем случае ответственность ложится на тебя. Кроме того, придется детально рассчитать новый режим. На кой тебе возиться... Я делаю все, чтобы ты мог заниматься своим прибором, ты же сам себе болячки наживаешь. Напиши, что гипотеза этого Бориса Зиновича заслуживает рассмотрения, но, поскольку она нуждается в добавочном исследовании, целесообразно, во избежание риска, вывести генератор в ремонт. И будешь спать спокойно. Я тебе плохого не посоветую.

Виктор направился к инженерам, Андрей шел за ним, споря, доказывая, не обращая внимания на насмешливые и удивленные взгляды окружающих.

– Как у вас со спецодеждой? – спросил Виктор у директора, и все громко, наперебой заговорили, оттеснив Андрея в сторону.

Назавтра, прежде чем подписать заключение, Андрей показал его Кривицкому. Прочитав, Кривицкий посерьезнел и сказал, что такое заключение – это перчатка, брошенная в лицо техотделу.

– Перчатка! – Обращаться к Лобанову с подобными предостережениями было так же разумно, как заливать огонь бензином. – Написано правильно? – ожесточенно переспросил Андрей.

– Технически да, но форма!.. К чему такие выражения: «перестраховка», «верхоглядская ссылка на обмотки»? Или вот еще...

– Раз правильно, так нечего поливать сиропом. А насчет перчатки – глупости. У вас устарелые понятия о служебных отношениях.

– Возможно, – миролюбиво согласился Кривицкий. Иногда он сам поражался, как добродушно он сносит замечания этого лопухого мальчишки. – Все же, знаете, лучше молчать, чем говорить, и лучше говорить, чем писать. Если уж на то пошло, позвольте подписать эту бумагу мне.

– Убирайтесь к черту с вашим благородством! – огрызнулся Андрей. – За кого вы меня принимаете?

Проследив, как он, царапая пером, размашисто расписывался, Кривицкий вздохнул. Ему было жаль Лобанова. Чем дальше, тем больше он убеждался, что Лобанову не ужиться с этим «террариумом», как называл он компанию Долгина. «Ваш Лобанов годится для лаборатории, как Адмиралтейская игла для зубочистки или как телескоп для театра», – доказывал он Борису. Если переделать Лобанова невозможно, так следует хотя бы удержать его от безрассудных поступков.

– Хорошо, я уберусь, – сказал он. – С одним условием: давайте все расчеты сделаем мы с Борисовым. А вы отражайте атаки Долгина. И займитесь наконец вашим прибором!

Андрей погрузился:

– Надо еще поехать по станциям... Иначе я всякий раз буду попадать впросак, вроде как с вашим Борисом Зиновичем.

– Это все хорошо, но трубы...

– Какие трубы?

– Я слышу, как Долгин трубит боевой сигнал, – мрачно сказал Кривицкий, – он нам объявит войну. Увидите.

Проницательность этого скептика удручала Андрея. Пока что Кривицкий во многом уже оказался прав. Из всех обещаний главный инженер до сих пор выполнил одно: через несколько дней после их разговора он направил к Лобанову свою секретаршу.

Андрею подобные девицы казались на одно лицо – надменная пустышка, сияющая отраженным светом своего начальника, специалистка по телефонным разговорам и затачиванию карандашей.

Представшее перед ним надушенное зеленое платье, увенчанное кондитерским сооружением из шоколадных волос, как нельзя более соответствовало этому стандарту.

Андрей допрашивал ее придиричиво, уверенный, что ничего путного из нее не получится. Однако у него не было повода отправить назад эту девицу. Может быть, она сама откажется? Андрей обрисовал самыми черными красками тяжесть лабораторной работы.

Как-никак это был первый человек, которого он принимал на работу. Мельком взглянул на направление – Цветкова Нина... «И фамилия какая-то игривая».

– Так, товарищ Цветкова. Сами-то вы хотите у нас работать?

Цветкова разочарованно надула губки:

– Я полагала, что вы меня используете по специальности.

– Секретаршей? Хороша специальность! Вы значите младшей лаборанткой. Так и будете работать, – твердо заключил он.

Он послал Цветкову в группу Устиновой, попросив Майю поделикатнее намекнуть, что лаборатория – это не салон дамских мод, и подыскать Цветковой работу интересную и тяжелую.

Глава одиннадцатая

По предложению Бориса Зиновьяча генератор на Комсомольской переключили на новую схему. Кривицкий и Борисов сделали расчеты, нужные переделки, и толчки прекратились. Таким образом, благодаря заключению лаборатории генератор не был выведен в ремонт. Однако эта история вызвала своего рода «толчки» в техотделе.

– Пока Устинова была начальником, лаборатория с нами советовалась, – ехидно сказал Долгин.

Виктор смолчал.

Через некоторое время, когда надо было затребовать отчеты, Долгин сказал:

– Не знаю, Виктор Григорьевич, как подступиться к Лобанову. Если уж вы для него не авторитет, так на меня он совсем смотреть не будет.

– Откуда вы это взяли? – спросил Потапенко.

Лицо Долгина выразило непримиримую суровость.

– Если уважаешь руководителя, то, согласитесь, так не напишешь. – И он в третий раз положил перед Виктором заключение лаборатории. – Поскольку Лобанов ваш друг, я воздерживаюсь от комментариев.

– А все же?

– Виктор Григорьевич, я человек прямой и принципиальный. – Тут Долгин сделал паузу и сурово, испытующе посмотрел на подбородок Виктора. – Партия учит нас отличать критику от злопыхательства. Когда сотрудник, вместо того чтобы прийти и честно, по-партийному, в глаза сказать: «Товарищи, вы тут не правы!» – допустим, мы были не правы! – начинает кляузничать главному инженеру... такая тактика, – будем откровенны – тактика склочников.

– Какова, по-вашему, цель этой тактики? – иронически спросил Виктор.

– Хочет показать себя за счет других.

– Ну, такими бумажками моего авторитета не подорвешь.

– Так-то так... – сказал Долгин, и плоские безбровые глаза его стали зеркально-непрозрачными.

– Между прочим, электролаборатория находится в вашем ведении, Долгин. Я не имею возможности заниматься всем сразу. У меня таких лабораторий несколько и еще тысячи людей.

– А я, Виктор Григорьевич, нахожусь в критическом состоянии. С одной стороны, я сталкиваюсь с фактом дружбы. С другой стороны, я должен практически претворять в жизнь ваши установки и быть на уровне выдвигаемых вами задач...

Перенимая манеру Долгина, Виктор строго сказал:

– Там, где речь идет о работе, для меня не существует дружеских отношений. – Он протянул Долгину заключение лаборатории.

Долгин взял листок с суровой торжественностью, как будто это был приговор или приказ о наступлении, сложил его и опустил в верхний кармашек своей черной гимнастерки.

Неосмотрительность Лобанова создавала ему врагов там, где, казалось, этого можно было свободно избежать.

Как-то Андрею позвонил заместитель управляющего Ивин.

– Лобанов, дорогуша, пришли ко мне домой кого-нибудь из твоих мальчиков – приемничек мой чего-то скис.

– У меня всего два радиотехника, – сказал Андрей, – и оба сейчас очень заняты, да и потом...

– Ерунда, – перебил Ивин. – Подумаешь, какие у вас там срочные проблемы. Бери мою машину и отправляй их. Они мне антенну устанавливали, так что они в курсе.

Андрей сдержался и посоветовал обратиться в радиомастерскую.

– Ну что ты, дорогуша, иметь свою лабораторию и бегать к дяде? – весело удивился Ивин.

– Вот именно, лаборатория! Холуев у меня нет, товарищ Ивин.

– М-м-да, – ошеломленно поперхнулся Ивин и, придя к какому-то решению, сказал с затаенной угрозой: – Трудно, я вижу, будет нам с вами сработаться.

– А я и не собираюсь ни с кем срабатываться. – Андрей с силой бросил трубку на рычаг.

Встретив в столовой Виктора, он громко поделился своим негодованием. Рядом, за столиками, услышав фамилию заместителя управляющего, прислушались.

– Возьми тоном ниже, – сухо попросил Виктор. – Ты зря ломаешь копыя по пустякам. Взял бы и послал кого-нибудь. Откуда у тебя такая унылая прямолинейность? Интересно, а если бы я тебя попросил о том же?

– Послал бы тебя подальше.

– Хм... вот она – твоя дружба!

– Дурачина, я бы сам пришел и починил.

– А что за история у тебя произошла с директором Октябрьской, с Тарасовым? – вспомнил Виктор.

Андрей расхохотался.

– Я у него настоящий митинг устроил. Вижу, установлена на одном котле автоматика горения. А машинист управляет вручную. Почему? Объясняют – не налажена автоматика, вручную лучше получается. Я – к директору. А тот: «У меня план по экономии топлива, не могу я рисковать планом из-за вашей автоматики». – «Где же, – спрашиваю, – ее налаживать прикажете, если не у вас?» – «Не знаю, на другой станции, в общем – где хотите. Вот если нам дадут готовые, отработанные приборы, пожалуйста, спасибо скажем. И народ я тоже заставить не могу, говорит, они материально заинтересованы в экономии топлива. А автоматика им все сбивает». Понимаешь, инженер, директор, и так рассуждает! – Андрей перевел дух и ожесточенно набросился на свою тарелку супа.

– Что же дальше? – спросил Виктор.

– Остался я до конца смены, собрал всех, кого мог, и стал держать речь. Нельзя, говорю, требовать, чтобы такое сложное устройство с первого дня действовало безупречно. Его месяцами надо налаживать. Всем вместе. Придется кое-чем пожертвовать. Иначе нельзя. Как наладим, автоматика окупит себя с лихвой, на всех котлах поставим, вам же легче станет. Котлы у вас новые, а управление ими устарелое. Поговорили мы по душам. И что же ты думаешь – включили автоматику.

– А Тарасов? – спросил Виктор, катая по столу хлебный шарик.

– Что Тарасов? Самое интересное, что теперь машинисты с других котлов следят, чтобы автоматика была все время в работе.

– Ну а Тарасов? – повторил Виктор.

– Не знаю, наверно, в амбицию ударился, – равнодушно сказал Андрей.

Виктор поднял глаза, с любопытством взглянул на Андрея и тотчас снова опустил их.

– Недостаток этой автоматики, – начал Андрей, отставляя тарелку, – заключается...

– А с Долгиным что у тебя за новая стычка? – спросил Виктор.

Андрей пожал плечами и уже без прежнего воодушевления стал говорить, как он потребовал от Долгина заняться автоматикой на Октябрьской – ведь это обязанность техотдела, – и оказалось, что Долгин ни черта не смыслит в автоматике, понятия не имеет, как она должна работать. Конторщик. Андрей, недолго думая, сказал ему: «Позвольте, как же вы можете руководить, не разбираясь в технике? Подавайте в отставку».

– Глупо, – нахмурился Виктор. Он кончиком пальца придавил хлебный шарик, как будто сплющивая все, что было до сих пор сказано Андреем. – Зачем ты восстанавливаешь против себя людей? Долгин, конечно, не шибко грамотен. И в то же время он человек ценный. Дать ему отдельное задание – он вцепится в него как бульдог.

- Виктор, но я не могу спокойно проходить мимо...
- Ты не руководитель, а перпендикуляр какой-то...
- А ты... ты – параллель, – принужденно улыбнулся Андрей.

Но Виктор по привычке человека, которого не перебивают, продолжал говорить, не слушая Андрея:

– Пора бы уже тебе почувствовать, что такое ответственность. До сих пор ты отвечал за самого себя, поэтому тебе кажется, что так просто вводить новое на производстве. Тебе пора научиться смотреть не только снизу, но и сверху...

Андрей поймал себя на том, что ищет предлог, чтобы встать и уйти. В его чувстве не было ничего неприязненного, лишь привкус досады. Вряд ли стоило распространяться о митинге с кочегарами, да еще с таким пылом.

В тот же день Тарасов, приехав в Управление, пожаловался Виктору на Лобанова. Кто дал право этому тра-та-та хозяйничать на станции? Директор я или не директор?

Тарасов бушевал, грозился пойти к главному инженеру.

Виктор прищурился:

– Брось. Ты не прав. Скажи мне спасибо, что Лобанов не пошел к главному. Автоматику, мой милый, надо внедрять. Тебе всыпали бы по первое число. А так можешь написать в отчете – автоматика внедрена. И получишь благодарность.

Некоторое время Виктор еще пытался соблюдать обязанности опекуна по отношению к Андрею. Он убеждал его заниматься своим локатором и оставить в покое станции.

Андрей твердил:

– Я не могу быть невеждой, я обнаружил, что многому недоучился. Пока я корпел над диссертацией, техника ушла далеко вперед. Я должен изучить производство.

– Если бы ты изучал. Беда в том, что ты лезешь не в свои дела.

Оба они делали теперь над собой усилие, чтобы сохранить прежний дружеский тон. Это удавалось им все хуже. При встречах они испытывали принужденность. Андрей старался преодолеть это необычное для него чувство и никак не мог.

К себе домой Виктор больше его не звал. С Лизой творилось что-то неладное. Виктор все время ощущал в ее взгляде, в ее голосе какую-то скрытую, но не то осуждающую, не то жалостливую насмешку и не хотел, чтобы Андрей это заметил. Собственно, Андрей мог бы прийти и без приглашения, и он пришел бы, потому что Лиза да и, пожалуй, Виктор были все же единственными людьми, с кем он мог посоветоваться относительно Риты, но сейчас отношения с Ритой были такими трудными, что ни с кем о них не хотелось говорить.

Глава двенадцатая

Снова и снова он убеждал Риту развестись, переехать к нему и зажить нормальной человеческой жизнью. Так дальше продолжаться не может. Как она выносит фальшь их положения?..

Они снова сидели в той же комнате. Красноклювый аист насмешливо пялил на них круглый глаз.

Она придвинулась к Андрею, но он отодвинулся, требуя ответа.

Он чувствовал, как ее обижает эта незаслуженная грубость, и в то же время понимал, что ему нужно держаться настороже.

– Ты стала мне нужна, ты мне нужна каждый день. Я больше так не могу... Эта комната... Подруга... Неужели ты сама не видишь, какая это грязь?

Рита легла на кровать, потянулась, закинула руки за голову. Под кофточкой ясно обозначились ее маленькие груди.

– Опять, – скучая, вздохнула она. – Неблагодарный человек. Ну, иди сюда. Иди!.. Ты что, боишься меня?

– Я не хочу, чтобы ты смотрела на часы! – резко сказал он.

Сегодня она не вывернется, а он не поддастся. Он поклялся себе в этом. Он говорил, стараясь не смотреть на вырез ее расстегнутой кофточки, на ее длинные ноги в тонких чулках. Разозлить ее... Пусть и она помучается, как мучается он.

– Кому ты лжешь? Я перестал понимать. Мужу?.. Мне?.. Не хочу я тебя такую. Не хочу!

Рита облокотилась на подушку.

– Ты собственник, – удовлетворенно улыбнулась она, снимая часы.

Он ошеломленно следил за ее пальцами, соображая, что все, о чем он говорил, имело и другое значение, льстящее ее женскому самолюбию, и, понимая только это значение, она не обижалась на его слова.

– Рита, все зависит сейчас от нашей искренности. Все!

– Историческая минута? – пошутила она, сохраняя ту же улыбку.

Охваченный плохо сдерживаемым гневом, он подошел к кровати:

– За что ты цепляешься? Не смей юлить... Почему ты не хочешь развестись? Чего ты боишься?

В его тоне было нечто такое, что заставило ее сесть.

– Да, я боюсь, – вдруг так же враждебно, как и Андрей, сказала она. – Ты один... тебе это незнакомо. А у меня есть семья. Худая, хорошая, но семья. У меня есть что-то прочное. А с тобой... Кто знает, как у нас получится, когда я приду к тебе. – Она успокоилась и погладила свою голую вытянутую руку. – Ты попусту сердисься. Я верю – ты меня любишь и будешь делать все, чтобы было хорошо, но это ничего не значит. Может не получиться. Тут не застрахуешься, дружок... – Тень абажура делила ее лицо пополам: лоб, волосы, глаза, прикрытые тенью, были мягкими и молодыми, а ярко накрашенный рот, подбородок, шея казались Андрею жесткими, и голос звучал суховато, рассудительно. – Когда в войну пришла похоронка и в райвоенкомате мне сказали: вы не зарегистрированы, пенсии вам не положено, я на своей шкуре почувствовала, что такое «одинокая мать». Известен тебе такой термин? Из комнаты – я не была прописана у него – меня выгнали. Я стояла на улице одна, с дочкой. В одной руке дочь, в другой – чемодан. Ко мне подошел один тип и предложил переночевать у него. «Полкило хлеба дам». Да, я боюсь. Вот откуда у меня страх. Я не люблю мужа. Ты это прекрасно знаешь. Но я ему благодарна. Обязана ему. Понятно? Ну, пускай привыкла... И дочка знает его как папу. Он ее любит. Чем они виноваты?.. Нет, нет! – Она зажмурилась, передернула плечами.

Она открыла глаза, улыбнулась, ласково взяла его за руку, словно уговаривая большого непослушного ребенка:

– Так нельзя рубить с маху, Андрей. Мне надо как-то самой подготовиться... Привыкнуть, что ли, к тебе.

– А я так не могу, – не разжимая зубов, сказал Андрей. – Я приду к твоему мужу и объясню ему все.

– Ты можешь испортить мне жизнь, и только... Куда ты торопишься? Мы нашли друг друга, мы любим, встречаемся. Тебе мало этого? Неблагодарный. Я ведь не жалею. Мне-то труднее. Знал бы ты, как мне тяжело врать...

Она спрыгнула с кровати, все лицо ее оказалось на свету и стало некрасивым. Таким никогда не видел его Андрей. Он с неприязнью вглядывался в эти черты – какое-то странное сочетание безволия и суховатой рассудочности.

– Вот я и не желаю твоего вранья. И сам не могу терпеть, да еще обманывать. Я хочу ясности. Я так не могу, – повторял он, чувствуя, что, если она попробует снова увернуться, он способен ударить ее, хватить стулом по всем этим туалетным склянкам, бить, ломать, до крови рассаживая кулаки...

Она стиснула ворот кофточки, медленно опустилась на стул.

– Какой ты жестокий, – тихо сказала она. – Ну, чем я виновата? Я люблю тебя. Люблю. Больше у меня ничего нет. Чего тебе от меня надо? За что ты мучишь меня? За что?

Он вдруг весь сгорбился, его большие руки повисли.

– Как же так... если ты действительно любишь... – Всю силу воли он собрал сейчас, пытаясь устоять перед внезапно нахлынувшей жалостью и болью. – Не понимаю я такой любви. Мне так вот ничего не страшно.

Она криво усмехнулась. Он смотрел на ее яркие, плотно сжатые губы, все еще ожидая ответа.

– Ну так как же, Ри?

Она молчала.

Тяжело переставляя ноги, он подошел, осторожно прижал ее голову к своей груди. Им вдруг стало грустно. Они не понимали и не думали – отчего, им просто было до боли грустно. Андрей тихонько гладил ее волосы. Концы их были светлее, подпаленные, словно измученные частой завивкой. И только на шее сохранились маленькие нетронутые нежные завитки.

Они расстанутся, они уже расставались – эта мысль ошеломила обоих. Молчание все больше отдаляло их, и никто первый не мог нарушить его. «Она не виновата», – думал Андрей, не сознавая, что его грусть и нежность были верными признаками наступающей разлуки. Ну хорошо, пусть разлука, но только не разрыв...

– Если ты передумаешь, я буду ждать, – горло его пересохло, голос хрипел. – Может быть, ты решишься... Ри?

– Может быть, – тоже хрипло повторила она.

– Ну что ж... – сказал он, откашливаясь. Он осторожно отстранил ее и отошел.

– У тебя пуговица висит, – сказала Рита. – Дай я пришью.

Она достала нитки, иголку. Андрей сел, не снимая пиджака.

– На тебе пришивать? Плохая примета, – пошутила Рита. Ее пальцы с иголкой медленно двигались под полый пиджака. Ее колено касалось ноги Андрея, он чувствовал теплоту ее тела и сидел окаменев. Она наклонилась откусить нитку – прямо перед ним светились ее волосы, мелкие прозрачные завитки на белой шее.

– Ты еще не уходишь? – тихо спросила она.

Он поднялся, потрогал пуговицу.

– Крепко пришито, спасибо... Нет, я пойду.

Потерянная улыбка скривила ее губы. Андрей испытал невыносимую жалость, он хотел остаться, он должен был остаться, но знал, что стоит ему уступить, и он больше не найдет в себе сил снова начать этот разговор. Их отношения затянутся на годы, наполненные ложью, страхом, ревностью, замкнутые в мучительно-безвыходный круг, порвать который он уже не сумеет.

Руки ее недвижно лежали на коленях. Широко открытые сухие глаза следили, как Андрей торопливо надевал пальто, путаясь в рукавах. А на стене, над кроватью, глуповато посмеивался красноклювый аист.

У двери он обернулся. Она вдруг шевельнула рукой, протянула пальцы, будто удерживая его. Сердце его дрогнуло от злого предчувствия.

И потом, когда бы Андрей ни вспоминал Риту, ее лицо, ее голос, они возникали почему-то вместе с этой протянутой рукой, на фоне этого нелепого, грубо раскрашенного коврика.

Глава тринадцатая

Мать Андрея умерла, когда ему было пятнадцать лет. Хозяйство перешло в руки Кати. Она была на три года старше брата и считала своим долгом заниматься его воспитанием. Николай Павлович тоже стал строже следить за сыном.

Война подкосила здоровье отца, он вышел на пенсию, страдая от вынужденного безделья. В последний год, немного оправясь, он увлекся работой по дому как член комиссии содействия. Андрей радовался, что эта безобидная деятельность отвлекает отца от мыслей о болезни. Когда-то отец, монтажник гидротурбин, был в глазах Андрея героем, мудрым, всезнающим. Теперь Андрей водил его гулять; посмеиваясь, выслушивал суждения о порядках в домоуправлении и поддавался, играя с ним в шашки.

– Папа, я ничего не знаю! – не раз сокрушался он, возвращаясь из лаборатории. Ему необходимо было кому-то пожаловаться.

Он изливал отцу горести, делился своими проектами, не ожидая совета, не интересуясь одобрением, потому что ему важно было иметь лишь слушателя. Как бы там ни складывалось на работе, он никогда не чувствовал себя одиноким. В этой части своей жизни он ощущал превосходство молодости, здоровья, силы и, как все взрослые дети, все меньше чувствовал себя сыном.

Там же, где он нуждался в участии, он неожиданно оказался по-настоящему одинок. Он не мог рассказать о Рите никому: ни Кате, ни отцу – никому. Здесь все были чужими. Шли дни, и каждый день уносил часть надежды. Он все еще не мог поверить, что это не разлука, а разрыв. Понимал, знал и не верил.

Любовь умирала медленно и слишком мучительно. Заниматься он не мог: избегая распросов отца, он по вечерам ходил в кино или слонялся по улицам, и время после работы тянулось уныло.

Весна в тот год наступала не под приветственный блеск солнца. Она сражалась многогранно, денно и ночью ковыряясь в грязи, под хмурым небом, отступая перед ночными заморозками, отвоевывая каждый клочок земли. Со взморья налетали серые ветры, мотая окоченелые, но уже упругие ветви с примерзшими к ним комьями снега.

Кое-где лежали сугробы талого, источенного каплями снега. Он был совсем непохож на голубой снег ранней весны. Он уже не скрипел, а хлопал под ногами. Казалось, что город устал от зимы. Устала промерзшая земля, устали крыши, стены, устали люди. И Андрей чувствовал, что он тоже устал от всего того, что было.

А солнце отовсюду упрямо соскребало тусклый налет зимы.

По реке, медленно кружась, толкаясь, плыли темно-серые льдины. На дворе битый лед лежал черными кучами подле мокрых полениц, прикрытых ржавыми листами железа. Обнажились облупленные карнизы с красным мясом кирпичей. Чистое яркое белье на веревке сле пило своей синевой – такой сейчас снег где-нибудь за городом. Синева эта, наверное, от неба. Но сквозь пыльные окна оно казалось низким и мутно-голубым. А когда Андрей выходил на улицу, оно поднималось, чисто-синее, такое синее, что не было на свете ничего синей. И начинало казаться, что, может быть, вовсе не печально звенит капель по водосточной трубе. И ветви молодых лип вовсе не плачутся. На них лишь кое-где блестят прозрачные полукапли. Этим уж, наверно, не суждено упасть. Им не хватает влаги, чтобы собраться и полететь вниз. Они висят, как слезы ребенка, который раздумал плакать и уже смеется.

Внешне жизнь лаборатории текла размеренно и спокойно, но где-то в ее недрах шел все нарастающий процесс разрушения старых порядков. Борьба разрывала коллектив на группы, чуть ли не ежедневно меняя соотношение сил.

Андрея это мало беспокоило – логика жизни заставит всех рано или поздно признать его правоту. Бороться надо не за людей, а за дела. Он мало интересовался, есть ли у него враги в лаборатории, кто они; вот что действительно плохо, так это то, что в Управлении со дня на день оттягивали пересмотр тематики лаборатории, не хватало денег на покупку оборудования, и Долгин на все требования металлическим голосом отвечал: «Ничего, товарищ Лобанов, материальные затруднения обостряют ум ученого».

Что же касается обстановки в лаборатории, то Андрей думал так: никаких противников нет, просто есть люди, которые еще не поняли, чего он добивается. Дайте им завтра интересную работу – и не нужно никакой агитации.

Зачастую он даже не догадывался о подробностях той кропотливой работы Борисова и членов партбюро, которая разрушала старые привычные взгляды людей, завоевывая Андрею новых сторонников.

Когда на заседании парткома Борисова спросили, что творится в лаборатории, он с удовольствием заявил: «Раскол. Полный раскол». То, что прежде представлялось ему дружным коллективом, на деле оказалось просто механической смесью. Сейчас же начиналась реакция химического соединения, и ничего страшного, если эта реакция протекает бурно.

Борисова поняли и поддержали, несмотря на грозные предупреждения Долгина.

В лаборатории значительная группа недовольных сосредоточилась вокруг техника Морозова. Хороший электромеханик, «золотые руки», Леня Морозов пользовался влиянием среди молодежи. Ему подражали в манере одеваться – небрежно, щеголевато, курточка с молниями, широкое, свободное пальто, яркий галстук. Он играл на аккордеоне и превосходно танцевал. Дружба с Морозовым ценилась высоко. Считалось лестным провести с ним вечер; вокруг него всегда царила атмосфера какого-то заманчивого шика, у него было много знакомых хорошеньких девочек. Морозов и его приятели где-то собирались, выпивали, и случалось, что он являлся на работу под мухой. Ему прощали – он считался незаменимым.

Морозов бил на то, что Лобанов, отказываясь от ремонта, лишает ребят возможности заработать. При Майе Константиновне все зарабатывали хорошо. На ремонте наловчились, а с этими научными работами выйдет полный прогар. После первой же полочки действительно пошли разговоры.

– За что ишачим? – шумел Морозов. – За пять пальцев и ладонь.

Ему сочувствовали, и попытка Борисова вмешаться ни к чему не привела.

– Вы на зарплате, – сказал Морозов, – а нам, сдельщикам, надо заработать.

В тот же день, зайдя в мастерскую проверить свой заказ, Борисов обнаружил на станке бронзовую зубчатку.

– Срочный заказ самого начальника лаборатории, – объяснил Кузьмич.

– Какой заказ?

– А вы узнайте у Морозова, он принес наряд.

Вызвали Морозова. Он заявил, что часовой механизм для нового реле ремонтируется по приказу Лобанова.

Начиная догадываться, в чем дело, Борисов осмотрел механизм.

– Непонятно, – сказал он, пристально смотря на Морозова, – зачем корпеть над этим старьем, когда у нас на складе есть почти такие же готовые.

– Не почти, а в аккурат такие же, – улыбнулся глазами Морозов. – Там только дырочку просверлить для крепления.

– Почему же ты не подсказал Андрею Николаевичу?

– Ученого учить – только портить, – наглово усмехнулся Морозов. – Я доложил ему: вот шестеренки стерлись, он говорит: отфрезеруйте новые. Наше дело маленькое, слушай да подчиняйся.

Сдержанного Борисова вывести из равновесия было не так-то легко. Он попробовал вызвать Морозова на откровенность:

– Мы бьемся над перестройкой лаборатории, хотим заняться большими научными вопросами, установить новые автоматы на станциях, вы же нам палки в колеса суете. Почему?

Разговора не получилось. Морозов прикинулся непонимающим:

– Откуда вы взяли, Сергей Сергеевич? Вредитель я, что ли?

– Насчет учебы ты отговаривал ребят?

– Я про себя говорил. Мне до них какое дело. А я и так вроде с работой справляюсь. – Он поиграл металлической застежкой на куртке, пренебрежительно оглядел поношенный, с обтрепанными рукавами костюм Борисова. – Может, я плохой стал, что ж, поищите другого.

Борисов собрал комсомольское бюро и спросил – до каких пор они намерены идти на поводу у таких, как Морозов?

Резкость Борисова поначалу восстановила против него большинство комсомольцев. Как так – мы идем на поводу? Факты! А чем плох Морозов? Он хороший производственник!

Борисов попытался раскрыть нехитрую жизненную философию Морозова. Да, дело свое знает, чувствует себя незаменимым, понимая, что сверхурочные ему платить будут и нянчиться будут. Ну а когда работа изменится и больше начнут головой, чем руками, действовать, тогда кто впереди окажется? Неизвестно. Может, Ванюшкин. Может, Заславский. Может, Вера Сорокина. Если еще учиться начнут, тогда совсем Морозова позади оставят.

– Его не слава интересуется, – задумчиво сказал Ванюшкин. – Ему только рубль подавай. Рубль – это его компас.

– Не компас, а компас, – поправила Вера Сорокина.

Воронько подозрительно посмотрел на нее:

– С моряками познакомилась?

– А как сформулировать его вину? – никого не слушая, говорил Ванюшкин. – Фактов особых нет. Вредное влияние он, конечно, оказывает. Он угощает, вот за ним любители выпить на дармовщинку и тянутся.

– Это ты не прав! – покраснев, воскликнул Саша Заславский. – Ты слухи собираешь.

– Ты, видать, сам выпивал с ним?

Саша вскочил, стукнул кулаком по столу:

– Выпивал, ну и что? Я на свои выпивал. А потому, что хотел у Морозова кое-чему поучиться.

Воронько нерешительно пробасил:

– Товарищи, у нас поднимается благосостояние трудящихся. – Он замешкался. – Конечно, у Морозова сильные отрицательные пережитки... Он действует на психику... ну вот я, к примеру, в эту получку... на сто пятнадцать рублей меньше пришлось.

– Обывательщина, – сказал Ванюшкин. – Ты член бюро, ты дай политическую оценку.

– Очень просто, – затараторила Вера Сорокина. – Очень просто. Морозов – типичный мещанин. Посмотрите, как он к девушкам относится. Про Соню Манжула вам известно – почему же отпора ему не даете? К нему тянутся, он веселый парень. А мы что же, у себя веселья организовать не можем?.. А насчет денег тоже надо решить. Заработать всем хочется!

Перебить Веру никто не мог, она строчила без пауз, сваливая в одну кучу и лакированные туфли, которые она не может купить второй месяц, и методы агитации среди молодежи – на одном энтузиазме далеко не уедешь, и перевод, который ей надо матери послать, – вы его пошлете за меня, Сергей Сергеевич?

Борисов умышленно до поры до времени не вмешивался. Отступления «не по существу вопроса», как выразился Ванюшкин, обнаруживали новые, неизвестные Борисову причины морозовского влияния на ребят и то, как относились комсомольцы ко многим важным вещам, о которых почему-то стеснялись говорить на собраниях.

Вот, например, о деньгах, когда его спросили, Борисов сказал:

– Мы все не прочь получать побольше. Вопрос только, каким путем этого добиваться. Дайте мне три тысячи в месяц и пошлите пивом торговать – не пойду. И никто из вас не пойдет.

– И Морозов не пойдет, – вставил Саша Заславский.

– ...Кроме хороших костюмов и прочего, у нас есть потребность в интересной работе. Мы мечтаем о коммунизме, мы хотим учиться, технику двигать вперед. Возможно, Морозов в пивной ларек не пойдет, но ремонт – это тоже вроде пивного ларька. Ремонтировать проще и денежней.

Ребята сидели в пальто, красные, потные. Они думали, что собираются на минутку, и не заметили, как заговорились до вечера.

– Вообще бы его следовало исключить из комсомола, – сказал Ванюшкин. – С другой стороны, это позор для организации. Райком не утвердит. Скажут: воспитывать надо, не исключать.

– А что, мы не в силах перевоспитать? – самонадеянно сказала Вера Сорокина.

Ребята замахали на нее руками.

– Он сам кого хочешь перевоспитает.

– Скажет: «А-а-а, здрасте, начинаются ЦУ», – передразнил Ванюшкин, не раз без успеха принимавшийся за Морозова.

– Какие ЦУ? – не понял Борисов.

– Ценные указания.

– Да, бывает, одним ЦУ человека не проймешь, – улыбнулся Борисов.

Саша вскочил, стукнул кулаком по столу, полное, добродушное лицо его вытянулось.

– Вот так всегда. Дипломатия! Если уж на честность говорить, так давайте до конца. Думаете, нам неизвестно, Сергей Сергеевич, Морозов даже пьяным на работу являлся, и ему взыскания не дали. Майя Константиновна считала, что у нас и так много нарушений, что премии могут лишить и знамя не дадут...

– Правильно считала! – вставила Сорокина.

– А нам это боком выходит. Разве после этого мы можем воспитывать? Меня бы выгнали, если бы я пьяным пришел, да и любого из нас. Факт. А его нет. Закон-то для всех одинаков? А мы маневрируем. И все видят. По оглобле стееаем, а не по лошади...

Борисов вздохнул. Дело не в Морозове. Все сводить к Морозову неумно.

Он задумался, почесал затылок, как бы сомневаясь, можно ли делиться какой-то тайной.

– Чувствуете ли вы, друзья, у нас, не где-то там, а у нас, здесь, разворачивается нешуточная борьба. («Черт его знает, правильно ли я поворачиваю?») – подумалось Борису. У нас начинается борьба с консерваторами. На нашей стороне пока еще сил недостаточно. Противники у нас есть посильнее, чем Морозов. Тут будет война серьезная. И кое-чем пожертвовать придется. Нам надо убедить, завоевать всю нашу молодежь. Во-первых, начнем с учебы...

Борьба! Это слово манило и звало вперед. Выходит, можно бороться и здесь, в этих до скуки привычных закопченных стенах лаборатории; и здесь есть опасности, есть враги...

– Бороться, а за что бороться – толком неизвестно, – заметил Ванюшкин. – Ребята в мастерских еще меньше нашего в курсе.

Решили просить Лобанова выступить на комсомольском собрании с докладом о задачах лаборатории.

Накануне собрания Лобанов показал Борису добросовестно составленный конспект доклада.

– Ну что ж, все правильно, – разочарованно сказал Борисов.

Признаться, Андрей готовился к докладу без особого интереса, поручили – придется делать, тем не менее равнодушный отзыв Борисова задел его самолюбие.

– Да просто скучновато, – признался Борисов в ответ на расспросы Андрея. – Цитаты, цифры, все на месте, а что толку? Вот мне ты свой локатор не так подавал. И для них тебе не доклад делать, а лучше бы рассказать, почему ты пошел учиться, чем тебя наука вдохновила...

После комсомольского бюро Борисова воодушевила идея поэтизации будничного труда. Суметь показать борьбу, опасности, зажечь ребят возможностью настоящих подвигов вот здесь, в лаборатории. Он спросил у Андрея, читал ли тот «Голубую чашку» Гайдара.

– Я недавно ее своим ребятишкам читал. Ах да, ты же холостяк! Так вот, отправился один человек с маленькой дочкой в путешествие, а весь-то их путь тянулся метров триста от дачи. И вдруг на этом пути оказались встречи и приключения, опасности, сражения, чудеса, как будто попали они в незнакомую страну. Они сумели увидеть мир другими глазами...

– Чепуха, – сказал Андрей, – при чем тут Гайдар? – И обиженно забрал свои листки.

Он попросил у Ванюшкина список комсомольцев. Большинство ребят окончили семилетку или ремесленное, кое-кто – техникум. В графе «где учиться» почти у каждого что-нибудь да было написано. Один занимался в школе взрослых, другой – в кружке мотоциклистов или в яхт-клубе, а против фамилии Цветковой значилось – учиться в школе кройки и шитья. Ну, чем можно заинтересовать такую девицу? Как увлечь одним общим делом ребят, у которых столь разные вкусы?

Показать бы им, сколько красоты в будничной, но настоящей лабораторной работе, какой требует она фантазии, силы воли, какие здесь возможности. Чтобы стать творцом, вовсе не обязательно быть инженером. Можно остаться простым лаборантом, монтажником и чувствовать себя воином того же отряда, где воевали Фарадей, Яблочков, Кржижановский. Воодушевить молодежь азартом исканий, чтобы она нашла здесь, в стенах лаборатории, свое призвание...

Задача была трудная. И, как всегда, трудность раззадорила Андрея.

Это было его первое выступление в лаборатории. Многие инженеры, стеснительно посмеиваясь, просили у Ванюшкина разрешения присутствовать на комсомольском собрании.

Андрей долго думал – с чего начать?

И он начал с того, как много лет назад в плохо протопленном, освещенном одной настольной лампой кабинете Кремля собирались по вечерам приглашенные Лениным электрики обсуждать план электрификации России. Он заставлял их прикидывать, сколько потребуется на первых порах материалов – провода, изоляторов, столбов, обсуждал проблему гидротурбина. «Нам нужны специалисты с „загадом“», – говорил он, умеющий сам, как никто, работать, опережая время.

Отойдя от истыканной флажками карты фронтов, он склонялся над другой картой страны. Там, где еще стояли войска Юденича и Деникина, рассыпались коричневые, синие, зеленые кружки будущих электростанций.

Чтобы типография могла отпечатать план ГОЭЛРО, пришлось выключить свет даже в правительственных зданиях Москвы – такова была в 1920 году мощность московских электростанций. Этот план вместе с мандатом вручали каждому из делегатов Восьмого съезда Советов. На сцене Большого театра вспыхнули лампочки электрифицированной карты плана великих работ. Голодная, нищая юность советской энергетики зажгла в тот декабрьский вечер созвездия будущего Волховстроя, Шатуры, Днепрогэса, Свири.

Это была та вершина, с которой можно было обозреть прошлое и будущее электричества. Короткая, но бурная история электротехники была насыщена драматической борьбой, полной подвигов беспримерной нравственной силы. Маркс говорил, что электричество – более опасный враг старого строя, чем все заговоры Бланки. Оно началось с компаса, указывающего моряку верный путь, оно стало одним из двух слагаемых ленинской формулы коммунизма.

Оно имело своих героев, своих предателей, отступников, свои жертвы. Первым в этой битве пал сподвижник Ломоносова Рихман. Его убило молнией при изучении грозы...

То, что рассказывал Андрей, не было связной историей электричества. Его интересовали те люди, чьими трудами выявлялись могущественные свойства электричества – самой совершенной энергии, самой гибкой, способной перевоплощаться, копить и сохранять свою силу, передаваться на тысячи километров, светить, греть, плавить металлы, резать, вертеть, взрывать, говорить, разлагать вещества...

В жизни одного поколения электротехника, начав с забавы, стала хозяином века. В год, когда родился Ленин, в мире не горела еще ни одна электрическая лампочка. Восемьсот фонариков выходили в сумерки на петербургские улицы зажигать газовые фонари. А еще через несколько лет «русский свет» уже пылал на набережных Темзы, на бульварах Парижа и Берлина. Для тех, кто творил его во мраке царской России, для Яблочкова, Лодыгина, для сотен забытых мастеров талантливого народа свет был не только источником лучистой энергии. Недаром в русском языке слово «свет» звучит как «истина», «счастье», «свобода», как символ любимого существа – это земля, вселенная, это, наконец, люди.

Под стать этим богатырям была и группа первых советских электриков. На плечи этих ленинских выучеников легло создание новых электростанций. Андрей с гордостью перечислял их имена – Кржижановский, Классон, Винтер, Александров, Графтио... Про каждого из них он мог рассказывать часами. Это были ученые нового склада. Большую часть своих научных работ они писали железом и бетоном на берегах Волхова, Днепра, Свири.

Трудно представить себе, в каких условиях начинались первые стройки. На строительстве Каширской ГЭС гвозди, простые гвозди приходилось делать вручную. Но и в этой нищете электрики умудрялись быть зачинателями новой культуры. Мало кто помнит, как в том же двадцатом году строители маленькой Тульской ГЭС тянули сквозь заснеженные поля две линии передачи: одну – на Оружейный завод, а вторую – в Ясную Поляну освещать Музей Толстого.

Пробираясь от села к селу сквозь метели и сугробы, прячась от рыскающих банд «зеленых», шел будущий автор проекта Днепрогэса инженер Александров. Он читал крестьянам доклады о Днепрогэсе, потом вытаскивал драгоценную бутылку разбавленного водой керосина для волшебного фонаря и показывал картины – синий Днепр, расчесанный бетонным гребнем плотины, здание станции, высоковольтные мачты... Он говорил о том, что эта станция будет крупнейшей в мире, осветит каждую избу в округе, поможет пахать землю. Над этим чудачком беззлобно смеялись: «Гасу нема, дегтю нема, ситцу нема, мыла и того нема, – брещи, брещи...»

А через несколько лет двадцать крупнейших энергетиков страны были вызваны в Кремль. Речь шла о постройке Днепрогэса. Семнадцать из них отказались – таких станций мы не строили, опыта нет, мы не можем брать на себя ответственность. Три человека сказали: дайте оборудование – мы построим. И в 1927 году посреди Днепра, на скале Любовь, взвился флаг – «Днепрострой начат».

История переплелась у Андрея с воспоминаниями детства, с рассказами отца. Дома он нашел среди порыжелых фотографий, почетных грамот, которыми награждали отца, среди старых писем, членских билетов МОПРа, Общества смычки города с деревней – несколько ветхих газетных вырезок: все это когда-то заботливо собирала мать. Там была вырезка из «Правды» за 1925 год: «Со всех концов поступают деньги во всесоюзный железный фонд имени „Правды“». Далее следовал список фамилий, и среди них подчеркнутая карандашом: «Лобанов Н. П., – 3 рубля».

Рядом заметка, которая начиналась: «Обойдемся без заграницы, даешь советскую электролампу!»

Когда Андрей сейчас на собрании читал эту заметку, на слушателей вдруг повеяло жаром тех пламенных полузабытых лет. Кузьмичу вспомнился почему-то длинный дощатый барак, где шло партсобрание ячейки волховстроевцев. И он, еще молодой, с залихватским чубом, слюня карандаш, писал резолюцию о том, как среди волховстроевцев не нашлось ни одной руки, которая поднялась бы на защиту троцкистов.

А Борисов увидел вдруг себя мальчишкой на первомайской демонстрации. Комсомольцы в зеленых гимнастерках, с кожаными ремешками через плечо, несли плакат: «Долой Чемберлена, Керзона и Муссолини!» С какой завистью он смотрел на них! А в «Колизее» шла картина «Водопад жизни» с участием Лилиан Гиш, и на афише большими красными буквами было написано: «Мировая картина». Кино было немое, пианистка в коротеньком, до колен, платье играла в течение всего сеанса то романс «Синие звезды», то марш «Турандот». В магазинах продавали первые детекторные радиоприемники. На рабочую окраину Березовку прокладывали трамвайную линию.

Игорю Ванюшкину, и Саше Заславскому, и Воронько, и другим ребятам эти годы казались далекими, наивными и удивительными. Было смешно и непонятно, что тогда жили люди, которые не верили в план ГОЭЛРО, называли электрификацию «электрофикцией», не верили, что можно построить Волховскую станцию, каких-нибудь пятьдесят тысяч киловатт. Это же просто темные люди!

Оставив трибуну с лежащим там конспектом, Андрей подошел к рядам, испытующе вглядываясь в эти молодые, свежие лица, смысленные, исполненные ожидания и доверия, лукавые, с озорным блеском в глазах, лениво-благодушные, мечтательные, ушедшие в себя. Дошла ли до них та главная мысль, на которую он нанизывал, казалось бы, разрозненные факты? Ему хотелось раскрыть героические возможности работы ученого, увлечь их приключениями смелой мысли. Тот, кто создает новое, тот живет, опережая время. Вы мечтаете о будущем? Его можно создавать и в этих стенах...

Прошлое всегда кажется удивительным и романтичным. Куда труднее почувствовать неповторимую красоту сегодняшнего. Андрей не раз слышал разговоры о том, что молодежь утратила романтику первых лет революции, что остывает накал высоких идей, которые озаряли жизнь старших поколений большевиков. Давно снята надпись: «Райком закрыт, все ушли на фронт»... Ну и что ж, ничего плохого нет в том, что двери райкома открыты. Каждое время рождает свою романтику. Попробуем извлечь ее из наших будней. Пусть она пахнет потом, а не порохом, но добыть ее – значит стать достойными своих отцов. Ведь и нынешние годы станут легендарными, и сегодняшним комсомольцам будут завидовать внуки. Почему же нам самим не отведать счастья наших трудных дорог?

Не каждому выпадает свершать подвиги или стать великим, но каждый человек хочет сделать больше, прожить свою жизнь ярко и счастливо. Лучше всего это удастся тому, кто умеет в своем маленьком деле увидеть большую мечту.

...Ничего этого он не сказал. Жестко и безжалостно он предупреждал о тяготах и невзгодах на этом пути. Не ждите никаких радостей. Придется отдать лучшую часть своей жизни самой скромной, может быть, безвестной работе, где, открыв важное, новое, нужно молчать об этом, проверяя себя недели, месяцы, напрягать все силы, чтобы опровергнуть собственные опыты. Работать и не хныкать, если слава достанется другому. Уметь снимать в тысячный раз одну и ту же кривую с таким же увлечением, как и в первый раз. Без сожаления отдавать свои мысли другим. Выстоять, если окажется, что все усилия потрачены впустую и завтра придется все начинать сначала.

Он рассказывал о новых гидростанциях, о линиях передач, которые, подобно железным дорогам, свяжут Урал, Москву, Донбасс, Заполярье, Кавказ. Только вместо эшелонов с грузом по этим линиям будет мчаться энергия – хлеб нашей индустрии, да и сами железнодорожные магистрали станут электрическими...

Обстоятельства рождения нового всегда неожиданны. Единственное общее в них – это потребность жизни, прорывающаяся сквозь любые случайности.

В 1943 году на фронте Андрей впервые столкнулся с потребностью в локаторе. Он не любил вспоминать об этом тяжелом дне и, конечно, умолчал бы о нем, делая обычный доклад. Но это не был обычный доклад.

Шел бой. Неожиданно прервалась связь с соседним полком. Связист с поисков обрыва не вернулся. Тогда на линию направился лейтенант Глеб Медведев – веселый, озорной парень, любимец полка и друг Андрея. Андрей сел за телефон. Через четверть часа в трубке что-то щелкнуло, и глухая тишина наполнилась живыми шорохами. «Незабудка» откликнулась раскатом взволнованно благодарной ругани. А Глеб не возвращался. После боя Андрей пошел вдоль линии, по следу, обозначенному примятой травой. Глеб, очевидно, полз под огнем, ощупывая провод. Из пересохшей канавы линия связи взбегала на насыпь. Это было самое открытое и опасное место. Здесь Глеба ранило. На песке и пыльных листьях лопуха темнели бурые пятна крови. Провод был цел. Остаток пути Глеба четко обозначался густым пунктиром засохшей крови. Андрей скатился по ту сторону насыпи и возле ивняка увидел Глеба. Он лежал лицом к земле. Левая закоченелая рука повисла на кустах, сжимая зачищенные куски провода. После смерти он продолжал поддерживать связь. Часы на его руке звонко тикали, отсчитывая минуты его посмертной вахты.

Так и похоронили Глеба с проводом в руке.

Вот тогда Андрей подумал, что, если бы место обрыва было известно, Глебу не пришлось бы лезть на эту проклятую насыпь, он мог обойти ее и пробраться кустами к ивняку, где лежал разорванный провод.

Андрей открыл папку. Из вклеенного кармашка он вынул кусочек обыкновенного полевого провода в серой ссохшейся обмотке. С этой минуты все глаза оставались прикованными к столу, где лежал провод.

– Проблема определения места повреждения линии, или, сокращенно, проблема ОМП, – говорил Андрей, – охватывает и военную связь, и телеграф, и электрические дороги, и электрические линии передач, и кабели...

Как бы приподняв асфальтовый ковер улицы, Андрей показал в глубине земли кабели. Они пересекали площади, забегали в подворотни, спускались на дно реки, огибали телефонные колодцы, пробивались сквозь фундаменты. Тончайшая кровеносная сеть огромного города, несущая ему свет, тепло, энергию.

Сколько врагов имели эти хрупкие артерии! Горячие трубы теплопровода подсушивали изоляцию. Подземные воды размывали грунт, и он, оседая, вырывал кабель из соединительных муфт. От движения машин, трамваев вибрирует почва, и даже вязкая свинцовая оболочка кабеля не выдерживает – трескается. Влага неумолимо, день за днем, пробирается к сердцу кабеля, к медным жилам. Стена изоляции рушится. Кабель пробит – и могучая сила уходит в эту брешь. В какие-то доли секунды маленькие чуткие реле должны отозваться на случившееся и спасти от гибели генераторы на станции. Линия отключается. Останавливается завод. Погружаются во тьму улицы, замирает на полпути подъемный кран, стоят трамваи... Авария! Обессилели насосы водопровода. Застывает расплавленный металл в ковшах... Авария!

Не всегда есть резервный кабель, резервная линия. Надо немедленно отыскать место повреждения и отремонтировать линию.

За десятки, иногда за сотни километров от города расположена гидростанция. Через леса, овраги шагают металлические опоры, неся на вытянутых ажурных руках провода. Сколько времени понадобится монтеру, чтобы пробраться вдоль линии по бездорожью и найти повреждение! А если ночь, пурга?

Много лет ученые изыскивают способы ОМП. Разработано немало остроумных методов, но каждый из них годен только для частных случаев: когда оборванный провод касается земли, когда место повреждения в кабеле выгорело полностью. Большинство методов неточны: где раскапывать кабель – здесь или через десятки метров? Представьте себе линию от Сталинграда, от волжских гидростанций в Москву, от гидростанции на Ангаре, восемьсот, тысяча, полторы тысячи километров – всю единую высоковольтную сеть нашей бескрайней страны.

Для этой техники нужен новый метод, точный, безошибочный, мгновенный. Такого прибора еще нет. Но он может быть построен на принципе радиолокации. И должен быть построен.

Андрей посвящает своих слушателей в трудности задуманного, останавливаясь там, где для него самого начинается область догадок и исканий.

После речи Лобанова никто в прениях не выступал.

– Какие суждения будут насчет резолюции? – спросил Ванюшкин.

Все молчали. Пека Зайцев заворуженно следил, как Лобанов прятал обрывки телефонного провода, Ванюшкин задумчиво посмотрел на Зайцева, потом сложил бумажку с наспех набросанным проектом резолюции и сказал:

– Считаю собрание закрытым.

На улице Ванюшкин и Саша Заславский догнали Цветкову. Разговаривать не хотелось. Каждый думал о своем.

Сашу взволновал рассказ о локаторе. С горделивым мужеством он мысленно следовал за Лобановым по тропе, где на каждом шагу попадались останки предыдущих исследований. Затем тропа кончилась, дальше простиралась местность, куда еще не ступала ни одна человеческая нога. И Саша вдруг зримо, почти физически ощутил Неведомое. Оно манило своими трудностями, оно говорило: смотри, не все еще открыто, и на твою долю остались белые пятна. Да... во что бы то ни стало надо работать вместе с Лобановым над этим локатором.

На собрании Нина Цветкова сидела в первом ряду. Она несколько раз поймала взгляд Лобанова. Глаза у него совсем зеленые, пожалуй, это красиво. Уши, правда, оттопыренные и слишком большие. А здорово он увлечен своим локатором. Все же он обратил на нее внимание. Вполне естественно. Не на Веру же Сорокину ему было смотреть, у которой нос вздернут так, что ноздри как иллюминаторы – все видно. Почему на танцплощадках не встречаются такие, как Лобанов? Если бы она училась в институте, она бы легко, конечно, разобралась во всех этих схемах...

«Первое собрание без резолюции, – думал Ванюшкин. – За такую инициативу может жутко нагореть. Ну а какие тут предложить практические мероприятия? – спросил он, защищаясь от воображаемых обвинений инструктора райкома. – Организовать кружок любви к науке? Или обязать каждого комсомольца увидеть большую мечту в своей работе? Нет, дорогой товарищ, это вам не обычное собрание, это вроде митинга перед сражением. Теперь, если дадут научные темы, ребята будут вкалывать как звери. А если не дадут? Ну и пожалуйста, тогда начнем воевать».

Игорь Ванюшкин выпятил челюсть, голенастые ноги его в лыжных ботинках чеканно застучали по асфальту. Как никогда раньше, он чувствовал себя вожаком того комсомола, который уходил на фронт, уезжал строить ДнепрогЭС и Комсомольск, взрывал фашистские эшелоны...

Глава четырнадцатая

На Октябрьской станции Андрей познакомился с заместителем начальника цеха Рейнгольдом. У Андрея всегда вызывали интерес люди, одержимые какой-либо творческой идеей. К этим одержимым принадлежал Рейнгольд. Он третий год в одиночку разрабатывал автоматический синхронизатор. Автомат мог значительно облегчить сложную процедуру включения генератора. Когда речь заходила о его изобретении, Рейнгольд болезненно настораживался, и Андрею стоило больших трудов заставить его разговариваться.

Тронутый участием Андрея, Рейнгольд робко упомянул про готовую модель автомата. Модель была у него дома. «Видите ли, так уж сложились обстоятельства...»

Рейнгольд смотрел вниз, как будто разговаривал с полом. Его манера держаться напоминала поведение человека, который в чем-то виноват и все ждет, что его упрекнут, высмеют или обругают.

Перед дверью квартиры Рейнгольд, смущенно улыбаясь, поднял руку и несколько раз провел ладонью над крохотной, едва заметной дырочкой. Замок щелкнул, дверь отворилась.

– Фотоэлемент? – улыбнулся Андрей.

Маленькая двухкомнатная квартирка была начинена всевозможными мелкими, остроумно выполненными автоматами. Стоило открыть дверцы буфета, и полки освещались скрытыми лампочками. Терморегулятор открывал и закрывал кран парового отопления.

Вторая комната была превращена в мастерскую. Четырнадцатилетний Толя, похожий на отца, такой же сутуловатый, тихий, с большими прозрачно-голубыми глазами, красил лаком деревянную панель. На аккуратном верстачке стояла модель автомата.

– Вот... всей семьей работаем, – пошутил Рейнгольд.

– Почему так получилось, что вам не помогли? – спросил Андрей.

Рейнгольд достал толстую папку с перепиской по поводу автомата. Выяснилась шаблонная история: на первый образец отпустили средства, он получился не совсем удачным, продолжать отказались и предоставили Рейнгольда самому себе.

«Эх, Виктор, Виктор!» – возмущался про себя Андрей, разглядывая резолюцию Потапенко: «Предложить автору представить для испытания законченный образец».

– С тех пор я и заканчиваю, – пояснил Рейнгольд.

Форменная дикость! Напишите в газету – не поверят.

Андрей разгневанно ходил взад-вперед, не соизмеряя шага с размерами комнатки. Автомат, в котором заинтересованы все станции страны, мастерится на дому! Надо требовать, добиваться, ехать в министерство! Андрея подмывало схватить маленького робкого Рейнгольда за плечи, встряхнуть его, закричать ему: «Черт возьми, чего вы боитесь?!» Но Рейнгольд одну за другой показывал копии писем и ответов, тщательно подшитые в пухлую папку. Он даже не винил Потапенко – что ж, тот по-своему прав, требуя гарантии.

– Прав? Да разве так бывает, чтобы все сразу удалось!

Демонстрируя свою модель, Рейнгольд оживился и впервые поднял голову, посмотрел прямо на Андрея. У него были печальные и умные глаза. Две глубокие морщины от ноздрей как бы поддерживали усталый рот.

Слушая этого человека, Андрей поражался блестящей выдумке, изобретательности, с какой он умудрялся самыми примитивными домашними средствами разрешать сложные экспериментальные задачи.

– Я вижу, нет худа без добра, – вырвалось у Андрея.

Рейнгольд кивнул:

– Голь на выдумки хитра. Как говорит Кирилл Васильевич Долгин – материальные затруднения...

– ...Обостряют ум ученого, – смеясь, подхватил Андрей. Эту фразу он уже выучил. – И все же надо драться, – настаивал он.

Рейнгольд тихо сказал:

– Я жаловался. Тут приезжал начальник главка... Толя, ты бы пошел, там, кажется, мама пришла... – Когда мальчик вышел, он продолжал: – Меня после этого перевели из начальников цеха в заместители.

– И это надо было обжаловать! Протестовать – это же ваше право, нет – долг!

Рейнгольд втянул голову в плечи.

– У меня семья, – сказал он. – Был бы я один... Квартира ведомственная. Мне уже намекали... – Он спохватился, замолчал.

Андрей тоже молчал.

– Мало ли какая оплошка бывает на работе. Переведут рядовым инженером, – с угнетающей убежденностью сказал Рейнгольд. – Разница все же четыреста рублей. Для нас – сумма значительная.

Жена Рейнгольда силой оставила Андрея ужинать. Она была полной противоположностью мужа – толстая, энергичная, с басистым веселым голосом, запаса ее жизнерадостности хватало на всю семью. Несмотря на ее очевидное диктаторство, Андрей с удовольствием подметил своеобразное равновесие влияний: входя в мастерскую, она вела себя тихо и уважительно, и, наоборот, отец и сын, покидая свое царство, попадали под ее безусловную и требовательную власть.

Ужинали не торопясь. По тому, как обсуждали домашние дела, Андрей понял, что это был единственный час, когда семья собиралась вместе, и ему было приятно, что его присутствие не мешает.

Над дверьми замигала голубая лампочка – вскипел чайник. Хозяйка ушла в кухню, и отец и сын, заговорщицки подмигивая Андрею, положили ей в тарелку кусок масла.

– Она изводит себя, чтобы похудеть, – пояснил Рейнгольд. – Не могу видеть, как она голодает.

Хитрость их была разгадана, и разразился шуточный скандал.

В присутствии жены Рейнгольд распрямлялся, виноватое выражение исчезало с его лица, он становился самим собою. Молодость их отношений поразила Андрея, и было件件но, почему Рейнгольд так дорожил своей семейной крепостью.

Как всякий холостой молодой мужчина, Андрей был беспощаден к людям, которые чем-то поступались во имя семьи. Но сейчас он полностью оправдал Рейнгольда. А оправдав, тут же, с места в карьер, предложил перенести окончание работы над автоматом в лабораторию и затем добиваться перевода туда Рейнгольда.

Рейнгольд смешался, томительно отмалчиваясь. Жена пристально посмотрела Андрею в глаза.

– По-моему, начинать надо с человека, а не с автомата, – грубовато, но совсем не обидно подумала она вслух.

Рейнгольд живо обернулся к ней:

– Видишь ли, Валюша, меня упрекали в иждивенчестве... Теперь это дело чести – самому кончить.

«До чего же разобидели человека», – подумал Андрей. Ему были хорошо понятны невысказанные опасения Рейнгольда. Не станет ли в лаборатории его автомат общим автоматом? Как же он тогда оправдает три года своей борьбы?..

Можно было привести много правильных слов, осуждающих эти чувства, но Андрей смолчал, потому что, ставя себя на место Рейнгольда, он испытывал такое же ревнивое собственническое чувство.

Андрей предложил другой вариант: лаборатория берет шефство над автоматом, предоставит людей, оборудование, но руководить работой будет сам автор.

– Вы сумеете выиграть время и закончить автомат через полгода?

– Через полгода! – Валя закрыла глаза и тихонько стиснула руку мужа.

– Пускай даже через год, – сказал Рейнгольд.

Муж, жена и сын с волнением переглянулись.

– Ну вот... – глубоко вздохнула Валя.

Спустя минуту она шумно и весело горевала: такое событие отметить бы как следует, а ей – какая обида! – на дежурство бежать.

Прощаясь с Андреем, она сказала тихо и быстро, так, чтобы муж и сын не слышали:

– Вы не знаете, что все это значит для него... и для нас.

Рейнгольд вышел ее проводить в прихожую. В зеркале было видно, как она взяла его голову и долго целовала в щеку, потом кончиками пальцев стерла следы помады. И Андрей почувствовал, как одиноки они были до сих пор в главном, в том, что составляло дело жизни Рейнгольда.

Когда Андрей стал прощаться, Рейнгольд задержал его руку.

– Я ведь неудачник, – улыбнулся он. – Чего вы связываетесь со мной? Какой вам интерес?

Надежда его была еще такой пугливой.

– А черт меня знает, чего я связываюсь с вами, – с искренним недоумением сказал Андрей. – Мне надо заниматься совсем другим делом.

На станциях в высоковольтных районах Андрея встречали с вежливой настороженностью. Ученая степень делала его человеком особого, другого мира. В этом другом мире, в тихих лабораториях, люди работали над точными приборами, производили сложные, малопонятные расчеты, там создавали новые формулы, новые конструкции. Производственная обстановка с ее тревогами и заботами о подсобных рабочих, о кирпичках, смазочных маслах должна была казаться Лобанову мелочной, а на людей, работающих здесь, он, наверно, смотрел с жалостью. Приписывая ему это, энергетики припоминали наезды консультантов, их часто заумные рассуждения, никому не нужные исследования, которыми по несколько лет занимались в институтах и потом сдавали в архив.

У Андрея были свои, не менее убедительные, претензии к производственникам. Воспитанник Одинцова, он хранил обиды, нанесенные учителю. Ценные разработки не внедрялись годами... Нет, не стоит растревлять себя. У него – ограниченная, узкая цель: он приезжал выяснить условия будущей работы локатора.

И все же, собирая нужный материал, он не мог удержаться и, проклиная свое любопытство, постоянно отвлекался. То его восхищали самые, казалось бы, элементарные для любого монтера вещи, и он без стеснения обнаруживал свое невежество, то он вдруг ставил в тупик опытных инженеров, подмечая такое, что никому и в голову не приходило.

Каждая станция была открытием. Гидростанции были разные, как реки, на которых они стояли. Теплостанции – одни работали на угле, другие – на торфе. Никогда еще так стремительно не пополнялись его знания. Он собирал и впитывал все, не отдавая себе отчета, зачем это ему нужно, охваченный жадностью познания, самой притягательной из всех человеческих страстей.

Роковую роль в этом играл Борисов.

– Как, ты до сих пор не познакомился с Краснопевцевым? – коварно изумлялся он. – Он же на Пролетарской станции усовершенствовал регулятор напряжения.

– Зачем мне твой Краснопевцев? – защищался Андрей. – Хватит. К черту! Я должен заниматься своим делом.

Борисов умолкал и, выждав некоторое время, подступал с другой стороны:

– На Пролетарской установлен генератор с водородным охлаждением. Любопытная штука.

– Плевать я хотел на генератор! Нужен он мне, как корове седло. Отцепись от меня со своими воспитательными приемчиками.

Поостыв, он ворчливо, невзначай бросал:

– Генератор-то, наверно, какой-нибудь старый приспособили?

– Новенький. Последний выпуск, – невозмутимо сообщал Борисов.

– Ты коварный искуситель, – сдавался Андрей.

«Искуситель» всяческими способами заставлял Андрея присматриваться на станциях к людям.

Должность энергетика была, по его словам, самая главная должность на земле. Энергетики давали людям свет, тепло, силу – это была их продукция. Бесстрашно и умно управляли они напряжениями в сотни тысяч вольт, гигантскими машинами, где бушевали потоки воды, раскаленный пар под давлением в десятки атмосфер. Их профессия требовала непрерывного общения со смертельной опасностью.

Чем лучше они работали, тем незаметней выглядел их труд.

Попадая на станцию, Андрей забывал о словах Борисова. Со всех сторон его влекли к себе всевозможные реле, моторчики, регуляторы. Среди них встречались его давние институтские приятели. Он обнаруживал их на станционных пультах, в жаре котельных, у занесенных снегом затворов плотин, в трансформаторных будках. Иногда он с трудом узнавал их. На пульте Пролетарской станции он отыскал регулятор напряжения, про который ему твердил Борисов. Когда-то в аспирантуре Андрей участвовал в конструировании этого регулятора. За толстым стеклом, пощелкивая, изящно кланялись рычажки, вертелись зубчатки. Малиново светились радиолампы сквозь решетчатый футляр. Но что-то чужое появилось в приборе. Лак потрескался, помутнели никелированные части, сбоку торчали какие-то грубо приваренные щитки неизвестного назначения.

Андрей невольно потер ладонь, нащупывая следы ожога. Это случилось еще в институте, когда, налаживая прерыватель прибора, он, одурев от долгих неудач, схватился за включенный провод.

– Где ж тут прерыватель, что-то я его не вижу? – спросил он у дежурного инженера.

Тот лениво ткнул пальцем в сторону радиоламп. Андрей заглянул сквозь дырочки футляра и ничего не понял.

Он вспомнил слова Борисова и спросил, где Краснопевцев. Оказалось, что этот дежурный инженер с припухшим, сонным лицом и есть Краснопевцев.

– Куда же вы убрали прерыватель? – повторил Андрей. – Я знаю, что он был, я сам работал над этим регулятором.

– Добрый регулятор, – дипломатично заметил Краснопевцев.

– Значит, не очень, раз прерыватель убрали, – начиная злиться, сказал Андрей. – Для чего вы это сделали?

– А без него много лучше, – спокойно ответил Краснопевцев.

Пока он объяснял, почему «выкинул» прерыватель, лицо и вся фигура Андрея изображали поочередно сначала недоверчивую усмешку, потом стыд, потом шумный восторг. Действительно, лучше и проще. Однако Андрей был не новичок в науке, он знал цену подобной простоте.

– До чего ж у вас мило получается, – покачал головой Андрей. – Взяли да выбросили. Вы мне, как говорится, очки не втирайте. Много пересчитывать пришлось?

Наконец ему удалось чуть-чуть растормошить этого увальня. Краснопевцев достал клеенчатую тетрадь, исписанную вычислениями.

– Помаленьку у нас начинают заниматься автоматикой, – заговорил он. – Несколько институтов запрягли в эту колымагу. Недавно приехал автор одной схемы. А наши релейщики тоже вроде меня кое-что подправили в его устройстве. Так вы бы видели, в какую амбицию ударился этот деятель. Мол, как смеете без моего ведома, тоже, мол, исследователи. Так что разные авторы бывают. С вашим братом ухо держи востро.

Расчеты Краснопевцева отличались той завидной инженерной простотой, которой так недоставало самому Андрею. Опираясь на метод Краснопевцева, следовало бы вообще пересчитать весь регулятор.

– Ого! – оживился Краснопевцев. – Вы шутите!

– Обязательно пересчитайте. Чрезвычайно любопытно может получиться.

Сонная дымка снова затянула лицо инженера. Глазки его спрятались за припухшими щеками.

– Кто? Я? Куда там! Времени нет. Я дежурный инженер, тут ничем отвлекаться нельзя.

Он подошел к панелям, строго осмотрел приборы, постучал согнутым пальцем по стеклу амперметра. На все доводы он отвечал так, как будто Андрей уговаривал его заняться какой-то забавой.

– У нас так повелось, – спокойно приговаривал он, – там, где начинается дежурный инженер и начальник цеха, там кончается собственно инженер.

Спор их прервался приходом лысого круглолицего человека.

– Товарищ директор... – начал было рапортовать Краснопевцев, но директор махнул рукой:

– Оставь ты, ради бога, я отдохнуть пришел.

Краснопевцев представил Андрея.

– Калмыков, – сказал директор и, усаживаясь в кресло, устало вытянул ноги. – Калмыков второй и последний. В армии меня так звали. Я ростом не вышел, в строю замыкающим стоял. Был у нас в роте еще Калмыков первый. А я, значит, Калмыков второй и последний. Чего смеетесь? Мне это было хуже острого ножа, мало что второй, так еще и последний. Ну теперь, слава богу, у меня есть еще Калмыков третий и не последний... – Он благодушно похохатывал, радуясь возможности поболтать.

Разозленный упрямством Краснопевцева, Андрей слушал болтовню Калмыкова с неприязнью. Лысина сияет, толстый подбородок дрожит, сразу видно – человек самодовольный и хвастун.

– Ну так как же? – в десятый раз обратился Андрей к инженеру. Уж больно не хотелось ему отступить.

Вместо ответа Краснопевцев, хитро шурясь, передал Калмыкову содержание их разговора. Калмыков оглядел Андрея и промолчал.

– Вас это не интересует? – иронически спросил Андрей.

Калмыков жалобно вздохнул:

– Не везет мне сегодня. Сбежал с диспетчерского, чтобы не ругаться, и попал в полымя. Пойдемте лучше на солнышко.

И он двинулся к дверям, ведущим на трансформаторную площадку.

На открытом бетонном балконе стояли великаны трансформаторы. Солнце поблескивало на лакированных ребристых изоляторах, под серыми стальными кожухами слышалось довольное басовитое жужжание.

– Ох и славно! На таком молодом солнышке самое время загорать. – Калмыков расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил галстук, блаженно подставляя солнцу черноволосую грудь.

– Ладно, – сказал Андрей в спину Калмыкову, – мы сами пересчитаем регулятор. Мы включим его в свою тематику. Но вам должно быть стыдно.

– А вам? – спросил Калмыков. – На Пасху и в аду грешников не мучают.

– И после этого вы смеее упрекать ученых...

Калмыков потер лысину жестом полной безнадежности.

– Разрешите, я вам байку одну расскажу. – Он вежливо взял Андрея под локоть и повел вдоль площадки, стараясь держаться солнечной стороны.

– Сын мой, Калмыков третий, будучи четырех лет, этой зимой так высказался. Елку мы устраивали. Я нарядился Дедом Морозом и вышел раздавать подарки. Назавтра спрашиваю его: «Нравится, Миша, подарок, что Дед Мороз принес?» – «Так это ты был, папа», – говорит. Спрашиваю: «Чего ж ты кричал тогда: здравствуй, Дед Мороз?» Он отвечает: «А чего ж, если вам нравится, пожалуйста». Этаким снисходительным тоном, как говорят с детьми. Я это к чему? Да к тому, что, если вам нравится, пожалуйста, ковыряйтесь с этим регулятором. Считайте нас за детей. Считайте. Но не требуйте от нас восторгов по поводу ваших развлечений.

– То есть как развлечений? – почти спокойно переспросил Андрей.

Шедший сзади Краснопевцев предостерегающе кашлянул.

– Хороши, а? – спросил Калмыков, кивая в сторону трансформаторов. – Богатыри! Москвичи прислали.

– Нет уж, позвольте, – заволновался Андрей. Он стал перед Калмыковым, загораживая солнце. Зажмуренные глаза Калмыкова открылись, взглянули на Андрея холодно и твердо.

«Сейчас он пошлет меня к черту, – подумал Андрей. – Тогда я скажу ему все, что о нем думаю».

– Вы в котельной были? – спросил Калмыков. – Были? Ага, ну и каково ваше впечатление? Неинтересно? Приборов мало новых? Так, так. Идите за мной, – жестко приказал он.

С неожиданной для тучного человека ловкостью он скатился по крутой, узкой железной лесенке, юркнул в тесный проход между горячими, обложенными асбестом трубами. Андрей, полусогнувшись, еле поспевал за ним.

Оказавшись на нижнем этаже котельной, они подошли к стенду, за которым сидел машинист. Огромный котел, высотой с четырехэтажный дом, обвитый трубами, лесенками, мостиками, гудел, сотрясая горячий, душный воздух. Машинист, напряженно вытянув шею, безостановочно обегал глазами приборы, одна рука его нажимала кнопки, другой он подавал знаки помощникам. Они перебегали от одного штурвала к другому, вертели, открывая и закрывая заслонки. Лица их блестели от пота. Улучив свободную минуту, машинист схватил брезентовые рукавицы, подбежал к топке и, налегая грудью на железную шуровку, заворочал ею.

Калмыков потянул Андрея за рукав, подвел его к одному из штурвалов.

– Открывайте! – крикнул он на ухо. – Как раз меняют режим.

Андрей повернул теплое тугое колесо.

– Быстрее! – передавая знаки машиниста, он командовал, наставляя Андрея открывать заслонки.

«Подумаешь!» – пожал плечами Андрей. Через минуту ему уже пришлось скинуть пиджак, горячая испарина заливала шею. Калмыков командовал в нарастающем темпе. Андрей перекрывал клапаны, тянул какие-то рычаги, краны; надев рукавицы, толкал тяжелую шуровку, пламя из красного окошечка топки палило лицо. Воздух с каждой минутой густел. Андрей хватал его открытым ртом. Пот ел глаза. От непривычных усилий заныла поясница, но голос Калмыкова подгонял, не давая передохнуть.

Кочегары, стоя поодаль, белозубо ухмылялись. Только теперь Андрей начинал постигать тяжесть их работы. Слепшего, задыхающегося, его посадили за пульт. Он вертел головой от парометра к указателям уровня, приходилось следить за тягомером, за газоанализатором и еще за десятками приборов, сигнальных лампочек, уровней.

Калмыков что-то крикнул Краснопевцеву, тот взял Андрея за руку и повел в застекленную кабину. Андрей обессиленно плюхнулся на табуретку. Вслед за ними вошли Калмыков и машинист.

– Притомились с непривычки? – участливо справился Калмыков. – Со сноровкой и то за день умаешься. Как, Разумов? – подмигнул он машинисту.

– Известно. Котлы наши старые. Сейчас кое-какую механизацию ввели, – закуривая, сказал Разумов. – Да и то, домой придешь, поел и – спать.

– Чуете? – благодушно спросил Калмыков. И вдруг без всякого перехода, на той же самой благодушной ноте, принялся колотить Андрея тяжелыми, как булыжники, словами. Краснопевцев только поеживался, остерегаясь, как бы свистящие вокруг удары не задели и его ненароком. Это был, как говорили на станции, «большой директорский разнос».

– ...Вас расчелтик привлекает, вы нам новый соус измышляете, а мы жрать, жрать хотим! Вы желаете нам маникюрчик навести, а нам бы до баньки дорваться. Мы с нашим регулятором напряжения еще десять лет спокойно поработаем. Вы бы лучше о Разумове позаботились. Почувствовали, каково кочегарам приходится? Вот для кого стараться вам положено! Чтобы у людей руки после смены не дрожали от усталости. У вас там, в заоблачных высях, ничего такого не известно. Вчера являются ко мне из одного института: «Здрасьте, мы вам разработали систему защиты от прямого удара молнии». А такой прямой удар у нас бывает раз в тысячу лет. И вот на этот случай наготовили специальных аппаратов. Серьезные люди. Кандидаты, доктора. Измышляют, чем бы поразить бедных туземцев. «Ах, как так, год назад в „Известиях Академии наук“ напечатан новый метод расчета, а вы не знаете. Варварство». А мне трижды на... на этот метод. Мне надо, чтобы Разумов вручную не вертел шибера. Но – молчи! Молчи или признавайся: виноват, мол, не читал про новый метод. Признавайся, иначе в рутинеры запишут.

Андрей сидел, потирая шею. А они трое, как судьи, стояли перед ним. Разумов покуривал, Краснопевцев непроницаемо щурился, а низенький толстый Калмыков, которого не брали ни жара, ни усталость, перекрывая шум, продолжал разделявать Андрея:

– ...Высасываете из пальца дикую, никому не нужную чепуховину. Жизни не знаете. Котлы – вот что надо автоматизировать! Котлы! Кто будет ими заниматься, по-вашему?

– Вы тоже хороши, – удалось наконец несколько оправиться Андрею. – Вот у Тарасова автоматика поставлена, а что толку?

– Ага! Делитесь на «мы» и «вы». Тут-то и корень всех бед. «Мы» и «вы». А должно быть одно «мы».

Выйдя на улицу, Андрей глубоко вдохнул свежий весенний воздух. Кричали скворцы. На подсохшем асфальте девочки скакали по расчерченным «классам». Андрей вспоминал вяжущий жар котельной, потные, напряженные лица кочегаров. Хороший урок он получил сегодня. А Краснопевцева он доконает. Краснопевцев будет делать автоматику для котла. И Борисова, и Кривицкого, и Майю поставим на это дело. Ловко проучили его, ткнули носом, как щенка.

Заметив любопытные взгляды прохожих, он поднял воротник, пряча хмурую и неудержимую улыбку.

Автомат Рейнгольда был закончен на два дня раньше положенного срока. Андрей добился перевода Рейнгольда в штат лаборатории, дал ему в помощь Борисова, и сочетание получилось удачное. Рейнгольд – прирожденный изобретатель, достаточно подсказать ему идею, и она вырастала в виде готовой конструкции. Его буйное воображение следовало сдерживать, направлять, иначе он начинал изобретать все, что приходило на ум. Таким сдерживающим началом служил Борисов. Он обладал ровной, неунывающей уверенностью, великолепной памятью, много читал и трезво определял, что надо и чего не надо делать.

Предстоял заключительный этап испытания автомата на гидростанции. Туда решено было отправить вместе с Борисовым и Рейнгольдом двух лаборантов – Нину Цветкову и Сашу Заславского. Относительно командировки пришлось договариваться с техотделом. Однако Долгин, изображая суровую любезность, разъяснил, что поскольку эта работа в плане не значилась, то странно слышать о каких-то командировках.

– Как бы там ни было, работа сделана, – сказал Андрей, – автомат готов.

– Кто разрешил вам делать его?

– Мы делали его в счет будущего плана. Скоро новая тематика будет утверждаться, мы и включим туда автомат.

Тогда Долгин как бы между прочим вспомнил о ремонте приборов. Вопрос с командировками будет улажен при условии, если Лобанов возобновит прием приборов по указанию Долгина.

Предложение было сформулировано мастерски, скользкобезопасные фразы можно было застенографировать, и никто не усмотрел бы в них ничего плохого. Суть крылась в оттенках да ударениях, но за всем этим стояло главное: «Я вам командировку и прочее, а вы мне ремонтируйте приборы. Согласны?»

Отказ Андрея был внимательно выслушан и взвешен где-то за ширмой этого плоского неподвижного лица.

– Однако ж нигде не сказано, что вашу тематику утвердят, – сказал Долгин.

Андрей уверенно махнул рукой:

– К тому времени мы выложим результаты. Победителей не судят.

Долгин задумчиво записал что-то в блокноте.

– Странная у вас какая-то позиция, товарищ Лобанов. Повсюду вам чудится борьба – победители, побежденные... Вместо дружной работы... Борисов у вас тоже, очевидно, идет на поводу.

– Может быть, мы вернемся к делу? – сдержанно сказал Андрей. Он снова попытался вразумить Долгина. Как бы там ни было, факт остается фактом. Прибор готов – его надо испытать.

Долгин встал, оперся кулаками о стол. В такой позе он обычно открывал собрания.

– Что касается прибора этого Рейнгольда, техническому совету предстоит разобраться, следовало ли вообще его делать. А пока я вынужден вам напомнить установку наших партийных органов. – Металл зазвенел в его голосе. – Основой нашей деятельности служит план. Нарушение его – преступление против государственной дисциплины. План – это закон...

– Закон, да не самый главный, – тоже вставая, сказал Андрей.

– Вы скверно знаете установку вышестоящих организаций.

– А вы скверно изучаете политэкономия, – сказал Андрей ошеломленному Долгину.

Но это служило слабым утешением. Как бы там ни было, прибор надо испытать. Андрей решил отправить бригаду Рейнгольда под свою ответственность. Семь бед – один ответ.

Спустя два дня после отъезда бригады его вызвал Потапенко. За последнее время все дела с лабораторией техотдел вел через Долгина; Виктор дал понять Андрею, что, во избежание всяких толков, так будет удобнее, поэтому сегодняшней вызов встревожил Андрея.

Виктор молча поздоровался и протянул напечатанную на машинке бумагу.

В докладной записке на имя главного инженера сообщалось о резком ухудшении работы электролаборатории. Младший персонал предоставлен самому себе, инженеры во время работы читают литературу... («Информация налажена! А вот какую литературу читают – не написали.») Упала труддисциплина, о чем свидетельствует увеличение числа выговоров и взысканий. («Так ведь требовательность возросла! Морозову вкатили выговор за опоздание – сами комсомольцы потребовали. Эх, разве можно так перевернуть все вверх ногами!..») Закупаются ненужные приборы. Нелегально был изготовлен автомат Рейнгольда. Самовольно послана бригада на ГЭС. Руководитель в лаборатории бывает мало...

Докладная была солидно оснащена цифрами и выглядела весьма убедительно. Основной удар направлялся против Лобанова – человек, может быть, и знающий, но абсолютно неспособный руководить.

Откинувшись на спинку кресла, Виктор изучал лицо Андрея. Он знал заранее, что произойдет: Андрей сейчас расшвыряет, «полезет в бутылку» и начнет опровергать пункт за пунктом.

С того момента как Андрей подал в техотдел проект новой тематики лаборатории, Виктор понял, что пришла пора решить дальнейшую судьбу Андрея. Он честно оттягивал эту неприятную минуту. Совесть его была спокойна, он сделал все, чтобы предотвратить увольнение Андрея. Несмотря на нашептывания Долгина, он и виду не подал, что его затронула история с генератором. Натянутые отношения Лобанова с начальством рикошетом задевали Виктора. «Ваш друг...» – спешили сообщить ему какую-нибудь новость о лаборатории. Виктор слушал с кислой улыбкой. Бесплезно было что-нибудь советовать Андрею – он делал по-своему. Мало того, он выступал с критикой техотдела: почему не занимаются перспективами развития системы, телеуправлением, новой аппаратурой. Лаборатория постепенно выходила из-под влияния Виктора. Лобанов давал понять, что он не нуждается в указаниях. Его самостоятельность наносила прямой ущерб авторитету начальника техотдела. Так произошло с автоматом Рейнгольда. В свое время Виктор решил, чтобы этот неудачник сам довел до конца свою затею, с какой стати вмешиваться в это сомнительное мероприятие! В подобных делах следовало придерживаться мудрого правила: не будь первым, чтобы испытать новое, а также не последним, чтобы отбросить старое. Лобанов же делал демонстративный жест: полюбуйтесь, техотдел отверг, а мы, люди науки, оценили, пригрели. Следовательно, выходит, что в техотделе сидят консерваторы? Перестраховщики? Еще хуже получилось с планом. Встречная, новая тематика противоречила всей прежней политике Виктора, она как бы объявляла неверными все его прошлые планы. Объективно план Лобанова «лил воду на мельницу» оппозиции внутри техотдела. Этот план подрывал репутацию Виктора как руководителя. Да и, кроме того, почему он должен брать на себя ответственность за фантазии Лобанова, на которых можно в два счета сломать себе шею.

Тонкий нюх Долгина с точностью до минуты определил наивыгоднейший момент вручения начальнику докладной записки. Виктору оставалось ее подписать и переслать главному инженеру. При нынешнем положении вещей отстранить Андрея от работы ничего не стоило. Достаточно одного факта самовольной командировки. Никто ни в чем не сможет упрекнуть Виктора. Известно, как он всегда защищал Лобанова. Наоборот, будут говорить: вот пример принципиальности, не посчитался с дружбой.

Андрей читал бумагу, тихонько насвистывая. Это была его старая привычка: когда встречалось какое-нибудь трудное место в учебнике, он начинал посвистывать. Виктор вспомнил, сколько раз они скандалили с Андреем в общежитии, – им с Костей мешал этот дурацкий свист. Андрей умолкал и через минуту, забывшись, опять начинал свистеть.

Теплое, чистое чувство старой дружбы вдруг охватило Виктора. Он привстал, взял бумагу из рук Андрея, сложил, разорвал ее.

– Точка, – улыбнулся он, и Андрей увидел перед собой прежнего Виктора. – Не будем к этому возвращаться. Оформи командировки своим беглецам, я подпишу.

– Есть, товарищ начальник, – весело подчинился Андрей.

Они сидели молча, растроганные.

– Ох, Витька, Витька... – тихо вздохнул Андрей.

Они заговорили о новом плане. Виктор доказывал, что техсовет лобановский план не утвердит.

– Все твои проблемы им малопонятны. Игра с закрытыми картами. Впереди большие хлопоты и дальняя дорога... – Виктор прилег грудью на стол, понизил голос. – Возьмем из

твоего плана главное – твой локатор – и давай включим его в мой план. Тогда мне удастся провести его через техсовет наверняка.

– Да, это будет легче, – нерешительно подтвердил Андрей.

– Ты развяжешь руки и мне, и себе. А если ты будешь настаивать, чтобы приняли твой план целиком, то его завалят, и вместе с ним завалится и твой локатор.

– Тебе виднее, – не то согласился, не то съязвил Андрей.

Недавнее теплое чувство быстро исчезало. Будто тучи снова затягивали солнечный просвет. И лучше бы не было того просвета, после него еще темнее стало.

«Согласиться? – думал Андрей. – А что я обещал Калмыкову? А Разумову? А Борисову?»

В течение месяца они мотались по станциям, ремонтным заводам, согласовывая, уточняя каждый пункт плана.

Внутри лаборатории возникали обиды и ссоры, потому что у каждого инженера нашлись свои выстраданные, давно лелеемые темы, а все предложения в план уместить было невозможно. Кривицкий притащил старые синьки – проект исследования распределения нагрузок. «Были когда-то и мы рысаками, – сказал он со своей обычной усмешкой. – Разрешите перенести этот прах на новое кладбище». Несмотря на это саркастическое предсказание, он несколько раз проверял, включена ли его тема в план. Борисов и тот, изменив всегдашней сдержанности, энергично пропихивал свою идею автоматизации переключений. Он напустил на Андрея своих друзей – монтеров подстанции, и они преследовали Андрея, упрашивая, доказывая, угрожая всякими бедами, если лаборатория не займется автоматизацией переключений. У всех было вложено в план свое заветное. Как они все вострепнулись! Сколько надежд было связано с этим планом! Советовались со станционниками, отбирали самые животрепещущие вопросы.

– А как же лаборатория? – медленно спросил Андрей. – Она по-прежнему будет изоляторы испытывать?

Виктор сочувственно пожал плечами. Как говорил Ленин: «Лучше меньше, да лучше».

Уж не считает ли он Виктора рутинером? Нет, дорогой дружок, в жизни двумя красками не обойтись. С одного боку смотреть, и верно – консерватор, с другого посмотришь – государственный человек.

Причину многих бед Виктор усматривал в политике министерства. За невыполнение плана бьют смертным боем, а за автоматы да регуляторы – не было их, ну и еще год не будет. Консерватизм, перестраховка порождаются условиями. Человек сам по себе консерватором не рождается. В техотдел поступают сотни разных предложений. Чтоб некоторые из них проверить, требуются капитальные затраты. Откуда их взять? Министерство ассигнований на это не дает.

Виктор рассказал о неурядицах в министерстве. А где, спрашивается, он имеет возможность критиковать министерство? Его, Виктора, критикуют и на станциях, и на производственных совещаниях, и в парткоме. А он? Попробуй он где-нибудь выступить! Ни одного вопроса потом в министерстве не решишь.

Он закончил, довольный широтой и смелостью своих взглядов.

– Наверное, приготовил для меня футлярчик с надписью «рутинер», и я в этот футлярчик не укладываюсь. Так, что ли, признавайся? – рассмеялся он.

Многое в рассуждениях Виктора Андрей не мог опровергнуть, одно знал он твердо – в таких вопросах следует слушаться своей партийной совести. Привести подобное возражение он не хотел, сразу представляя себе презрительную улыбку Виктора, – наивный, мол, идеалист. Но больше, чем возражения Виктору, его занимала сейчас судьба плана. Стыд охватывал его при мысли о том, что он может изменить товарищам. Пойти на сделку, пренебречь интересами лаборатории, всего коллектива ради своих собственных? Он с безрассудной откровенностью выложил все это Виктору.

– Ты вносишь слишком много психологии в административную работу, – устало и не без досады сказал Виктор.

Терпеливо продолжая уговоры, он с раздражением чувствовал, что его слова только усиливают внутреннее сопротивление Андрея. Лицо Андрея принимало все более серьезное и упорное выражение.

– Забываю все тебя спросить, – вдруг сказал Виктор. – ты встречаешься с Ритой?

Это было так неожиданно, так резко и Виктор при этом так испытующе прищурился, что Андрей оторопел, не нашел ответа и вслед за тем еще больше смутился от мысли, что это был какой-то прием.

Виктор удовлетворенно полузакрыв глаза, задумался. Потом он посмотрел на лежащие перед ним обрывки докладной записки, медленно скомкал их, занес руку над корзиной, чтобы бросить, умышленно задержался:

– Ну, так как же?.. Ты можешь удовлетворить мою просьбу?

Намек был достаточно явный.

– С моей стороны, конечно, хамство, – смущенно пробормотал Андрей, сохраняя то же упорное выражение на лице, – но я не могу иначе, я буду драться за наш план.

Виктор бросил бумагу в корзинку и улыбнулся одной из своих самых покоряющих улыбок. Не можешь, и ладно. Что за счеты.

После ухода Андрея он распорядился собрать через два дня технический совет, предложил Долгину подготовить выступления.

Вечером Виктор поехал к Тонкову, а от него к Майе Устиновой. Он никогда у нее не был и с трудом отыскал ее квартиру. В сложных положениях он предпочитал действовать решительно, быстро и необычно.

Майя удивилась его приезду, но Виктор без всякого предисловия приступил к делу. На локатор Лобанова надежда плохая. Таково мнение крупных ученых. Не возьмется ли Майя усовершенствовать существующий метод Тонкова? Это гораздо реальнее. Конечно, не одна, помогать ей будет сам профессор Тонков. Все необходимые условия ей создадут. Есть возможность, как говорится, утереть нос Лобанову. Вообще-то с ней поступили несправедливо. Виктор тут ни при чем, его, к сожалению, не спрашивали. Лаборатория стала скверно работать. Не сравнить с тем, что было... Помните, как мы с вами хлопотали насчет водопровода?

– Помню... Я не совсем понимаю, Виктор Григорьевич, ведь Лобанов ваш друг?

Она тихонько покачивалась на качалке. Виктор сидел на диване. Напротив, на стене, висела фотография мужа Майи. Он был моряк и находился в плавании.

– Да, – сказал Виктор. – Скучаете по вечерам?.. Я думал, что вы с удовольствием возьметесь за это дело. Вы единственный человек, кто может конкурировать с Лобановым.

Майя задумалась. Мечтательное выражение медленно проступало на ее лице.

– Ну что ж, я с радостью займусь... Конечно, Лобанов... Да, это будет трудно... – Она засмеялась и громко сказала: – Ну и хорошо. – Словно вспомнив что-то, она пристально посмотрела Виктору в глаза. – Но все же я не совсем понимаю...

Виктор почувствовал, что ему надо сейчас найти какой-то очень убедительный ход.

– Есть чувства посильнее дружбы, – серьезно и задумчиво сказал он, придавая своему лицу решительное выражение, как будто он хотел сказать что-то смелое и трудное. – Мне очень хочется сделать для вас что-нибудь хорошее.

Майя покраснела. Виктор искоса поглядел на нее. «Фигурка у нее славная, – подумал он. – Личико бесцветное, но фигурка славная. И глазенки ничего».

– Так что, видите, Майя, – он грустно усмехнулся, – во всяком деле ищите всегда личные интересы.

Он смотрел на нее тем особенным печальным взглядом, который говорил очень много и ничего. Виктор умел так входить в игру, что начинал по-настоящему переживать. Ему дей-

ствительно стало грустно оттого, что Майя безразлична к нему, ему хотелось услышать от нее тоже какие-то хорошие, теплые слова.

– Ладно, Виктор Григорьевич, я возьмусь, – сдержанно сказала Майя, смущенно отводя глаза.

«Стоп, – сказал себе Виктор. – Не зарываться».

Глава пятнадцатая

Окончив десятилетку, Нина Цветкова подала заявление в Технологический институт. Конкурс был большой, спрашивали по принципу: кончается билет – начинается экзамен. Преподаватели попались как на подбор – старики и придиры. При таких условиях трудно добиться справедливости, оправдывала себя Нина. И вообще экзамены не отражают подлинных знаний человека... Нина провалилась, но не горевала и решила годик-другой отдохнуть. Она поступила служить секретаршей. Это была милая и симпатичная работа, кругом солидные, вежливые люди, отношение самое внимательное.

До сих пор она была ученицей, не очень прилежной школьницей, и все, а тут вдруг она почувствовала, что главное в ней не то, что она плохо решает задачки, а то, что у нее яркие глаза и красивые волосы. Она просто впервые почувствовала силу своей молодости и красоты. Ей нравилось флиртовать сразу с несколькими, заставляя их ревновать, писать ей красивые письма, каждый вечер приглашать ее то на танцы, то в театр. Она не преследовала никаких целей, она просто чувствовала себя счастливой оттого, что ее любят, ухаживают за ней, добиваются ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.